

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

78

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

78

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА — 1960

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

**Ответственный редактор доктор историч. наук *Т. С. Пассек*
Зам. ответственного редактора кандидат историч. наук *Н. Н. Гурина***

Члены редколлегии:

***Н. Н. Воронин, В. Ф. Гайдукевич, А. Ф. Медведев,
Т. Г. Оболдуева (ответственный секретарь),
П. А. Раппопорт, Д. Б. Шелов, В. П. Шилъв***

I. СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

П. И. БОРИСКОВСКИЙ

НЕКОТОРЫЕ СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ПАЛЕОЛИТА
КОСТЕНОК

Исследованные главным образом за последнее десятилетие многослойные позднепалеолитические поселения Костенок на Дону¹ представляют выдающийся научный интерес. Они по праву привлекли широкое внимание советских² и зарубежных³ археологов. Материалы костенковских многослойных поселений очень важны для разработки общих проблем развития позднепалеолитической культуры, ее хронологических этапов и локальных групп.

Как известно, в советской археологической литературе идут оживленные споры вокруг этих вопросов между А. Н. Рогачевым, с одной стороны, и П. П. Ефименко и П. И. Борисковским, — с другой. Если сравнить последние их работы⁴ с вышедшими несколько лет назад⁵, то можно констатировать сближение противоположных точек зрения. Но многое все еще остается спорным. Это и конкретные вопросы датировки отдельных костенковских стоянок, и более общий вопрос о том, что представлял собой самый начальный этап развития позднего палеолита Русской равнины, и наиболее существенная проблема выделения в позднем палеолите приледниковой Европы, наряду с теми или иными чертами местного своеобразия,

¹ А. Н. Рогачев. Многослойные стоянки Костенковско-Боршевского района на Дону и проблема развития культуры в эпоху верхнего палеолита на Русской равнине. МИА, № 59, 1957.

² П. П. Ефименко. К вопросу о характере исторического процесса в позднем палеолите Восточной Европы. СА, XXVI, 1956; А. П. Окладников. Итоги и узловые проблемы изучения палеолита в СССР за 40 лет. СА, 1957, № 4 и др.

³ V. G. Childe. Kostenki: «East Gravettian» or «Solutreen»? University of London. Institute of Archaeology. Twelfth Annual Report. London, 1956; A. Cheynier. Gravettien ou Solutrén? A propos des fouilles de la région du Don. Bulletin de la Société Préhistorique Française, t. 54, № 78, 1957 и др.

⁴ А. Н. Рогачев. Указ. соч.; П. П. Ефименко. Указ. соч.; П. И. Борисковский. Очерки по палеолиту Центральной и Юго-Восточной Европы, I. СА, XXVII, 1957; его же. Некоторые вопросы развития позднепалеолитической культуры Русской равнины. МИА, № 59, 1957.

⁵ А. Н. Рогачев. Раскопки Тельманской стоянки в Костенках в 1950 г и некоторые вопросы хронологии верхнепалеолитического времени. Тезисы докладов на сессии Отделения истории и философии и на пленуме ИИМК, посвященных итогам археологических исследований 1946—1950 гг. М., 1951; П. П. Ефименко. Современное состояние советской науки об ископаемом человеке. Материалы по четвертичному периоду СССР, вып. 2, 1950; П. И. Борисковский. К вопросу о периодизации палеолитических памятников Поднепровья. Вестник Ленинградского университета, 1948, № 2.

ряда закономерно сменяющих друг друга этапов. С перечисленными тесно связан вопрос, поднятый геологами Г. И. Лазуковым и А. А. Величко, занимавшимися в течение нескольких лет вместе с А. Н. Рогачевым изучением палеолита Костенок: являются ли археологические комплексы датируемыми в пределах позднего палеолита?

Г. И. Лазуков⁶ и А. А. Величко⁷ утверждают, что дробные деления позднего палеолита не могут быть использованы в стратиграфических целях. Таким образом, датировка тех или иных позднепалеолитических памятников возможна только на основании геологических данных; археолог может лишь брать и использовать датировки, не пытаясь их проверить археологическим материалом. Такая постановка вопроса, мимо которой, разумеется, не могут пройти исследователи палеолита, противопоставляется выводам В. И. Громова⁸, широко использующего археологические материалы при стратиграфических построениях и постоянно проверяющего их археологическими материалами.

В настоящей статье мы рассчитываем остановиться на некоторых из этих спорных моментов.

Начнем с вопроса о костенковских погребенных гумусированных прослойках. Они положены в основу значительной части выводов А. Н. Рогачева, Г. И. Лазукова и А. А. Величко. Этот вопрос уже частично освещался в литературе⁹. Необходимо еще раз подчеркнуть исключительную шаткость и неопределенность критериев выделения в Костенках двух гумусированных прослоек. Раскопки в 1955 г. многослойной стоянки Костенки XVII показали, что на площади 60 кв. м, вскрытой раскопом, верхняя гумусированная толща несколько раз меняет свой характер: по западной стенке раскопа она прослеживается в виде трех четко разделенных между собой слоев, а по северной и южной стенкам — в виде двух слоев, которые на некоторых участках северной стенки сливаются. Такой характер верхней гумусированной толщи в Костенках XVII привел к тому, что первоначально во время раскопок 1953 г. геологи и археологи ошибочно выделили здесь две гумусированные толщи — верхнюю и нижнюю, тогда как в действительности налицо была лишь верхняя. Сходное явление констатировано на стоянке Маркина Гора (Костенки XIV), где верхняя гумусированная толща то состоит из двух слоев, разделенных суглинком, то сливается воедино¹⁰.

Такую же картину выявили разведочные шурфы, заложенные мной в 1953 г. в устьевой части Аносова Лога в Костенках на расстоянии 15—30 м один от другого. В то время как в шурфе IV вовсе отсутствовали прослойки погребенного гумуса, в шурфе III отмечены две такие прослойки, а в шурфах I и II — по одной. Все шурфы были прокопаны примерно до одинаковой глубины — около 3 м.

С этими данными совпадают и наблюдения, сделанные в 1953 г. в Костенках А. А. Формозовым, отметившим, что гумусированные прослойки иногда раздваиваются, иногда не прослеживаются совсем. Поэтому

⁶ Г. И. Лазуков. Географическая среда эпохи верхнего палеолита в Костенковско-Боршевском районе. Автореферат кандидатской диссертации. М., 1954.

⁷ А. А. Величко. К вопросу о геологическом возрасте и стратиграфическом значении верхнего палеолита. ИАН, серия географич., 1957, № 2; его же. О геологическом возрасте верхнепалеолитических стоянок бассейна Средней Десны и их стратиграфическом значении. ДАН, 1957, т. 113, № 1.

⁸ В. И. Громов. Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР (млекопитающие, палеолит). М., 1948.

⁹ П. И. Борисковский. Некоторые вопросы развития позднепалеолитической культуры... стр. 180—182.

¹⁰ Г. И. Лазуков. Геология стоянок Костенковско-Боршевского района. МИА, № 59, 1957, стр. 158, 159.

нельзя быть уверенным, что перед нами во всех случаях гумусированные прослойки, а не одна верхняя раздвоенная в первом случае, нижняя раздвоенная — во втором и две прослойки — в третьем¹¹.

Подобные факты свидетельствуют о том, что в Костенках погребенные гумусированные прослойки не могут быть использованы как четкий маркирующий горизонт, и показывают шаткость попыток строить относительную хронологию позднего палеолита Костенковско-Боршевского района в зависимости от залегания палеолитических культурных слоев под прослойками погребенного гумуса, в них или над ними.

В результате работ, главным образом в 1953 г., геологами намечен несколько более твердый критерий выделения в Костенках двух погребенных гумусированных прослоек — наличие между ними вулканического пепла¹². Но возникает вопрос: почему среди более чем двадцати костенковских палеолитических стоянок только в четырех обнаружены прослойки вулканического пепла? Если же подробнее рассмотрим эти 4 памятника (Костенки XII, Маркина Гора, Стрелецкая II и Костенки XVII), то увидим, что в двух из них (Маркина Гора и Костенки XVII) вулканический пепел залегает не под одной, как следовало бы ожидать, а под двумя гумусированными прослойками. Что же касается Стрелецкой II, то при раскопках, проводившихся в 1953 г. А. Н. Рогачевым и Г. И. Лазуковым, выявлено в одних шурфах залегание погребенной гумусированной прослойки над вулканическим пеплом, а в других шурфах — под ним. Следовательно, наличие вулканического пепла — тоже сугубо локальное и неопределенное явление. Как раз на наиболее важных многослойных костенковских поселениях — в Костенках I и на Тельманской стоянке — прослойка его отсутствует.

Но, с другой стороны, бесспорна сложная, необычная последовательность ряда перекрывающих друг друга позднепалеолитических культурных слоев на некоторых Костенковских стоянках¹³. Выявленная картина не укладывается в стройную схему последовательного совершенствования кремневой техники и орудий. Напомним, что в Костенках I в самом нижнем (V) культурном слое встречены превосходные небольшие кремневые наконечники подтреугольных очертаний, обработанные тщательной отжимной солютрейской ретушью с обеих поверхностей. В вышележащих трех слоях солютрейская техника обработки кремня отсутствует. Эти средние слои Костенок I перекрыты хорошо известным верхним культурным слоем с остатками обширного жилого комплекса, многочисленными женскими статуэтками и кремневыми наконечниками с выемкой. На Тельманской стоянке над несколькими слоями, содержащими типичные позднепалеолитические кремневые орудия без малейших элементов переживающей мустьерской техники и без солютрейских орудий, залегает верхний культурный слой, в кремневой технике которого сочетаются мустьерские и солютрейские элементы. На стоянке Маркина Гора в нижних двух культурных слоях представлены типичные позднепалеолитические кремневые орудия без каких-либо элементов мустьерской техники, а над ними залегает позднепалеолитический культурный слой со значительным количеством мустьерских скребел и остроконечников.

Как разъяснить эти разрезы? Прежде чем попытаться ответить на этот вопрос, остановимся кратко на основных результатах проведенных в последние годы А. П. Чернышом исследований многослойных палеоли-

¹¹ А. А. Формозов. Новые работы по каменному веку СССР. ВДИ, 1954, № 3, стр. 101.

¹² Протокол заседания Комиссии по рассмотрению стратиграфии палеолитических стоянок Костенковско-Боршевского района. МИА, № 45, 1955, стр. 162, 163.

¹³ А. Н. Рогачев. Многослойные стоянки Костенковско-Боршевского района на Дону... МИА, № 59.

тических стоянок берегов Днестра¹⁴. В 1949—1951 и 1953 гг. им исследована стоянка Бабин I — «Яма», расположенная на мысу 4-й террасы правого берега Днестра, у с. Бабин, Кельменецкого района, Черновицкой области.

На стоянке вскрыта площадь около 700 кв. м, что позволило изучить остатки трех разновременных позднепалеолитических стоянц. На исследованных участках обнаружены характерные комплексы кремневых изделий, остатки фауны, кострища, изделия из рога и кости. Остатки первого стоянц были перекрыты вторым, которое на ряде участков перекрывалось культурным слоем третьего стоянц. Собранный инвентарь дает основание датировать первое стоянц ориньякским временем, второе — позднесолютрейским, третье — позднемадленским.

В 1951—1953 гг. были произведены раскопки стоянки Вороновица I, также на правом берегу Днестра. Здесь изучена площадь 262 кв. м. Удалось обнаружить, что стратиграфически остатки мадленского стоянц перекрывали культурный слой солютрейского времени. В 1955—1957 гг. на правом берегу Днестра исследовалась стоянка Молодова I. Найдены остатки позднемадленского поселения и, что особенно существенно, залегающие на значительной глубине остатки мустьерского стоянц.

В 1951—1957 гг. здесь же, поблизости, А. П. Черныш исследовал многослойную стоянку Молодова V. На этом замечательном памятнике вскрыта площадь около 750 кв. м и обнаружены 12 разновременных поселений, залегающих в суглинках делювиального происхождения на глубине от 0,4 до 10 м. Здесь прослеживается перекрывание четырех солютрейских стоянц (горизонты 10, 9, 8 и 7) остатками пяти мадленских поселений (горизонты 6, 5, 4, 3 и 2), которые в свою очередь перекрыты слоями двух мезолитических поселений (горизонты 1а—1). В каждом горизонте найдены типичные комплексы кремневых изделий, серии поделок из кости и рога, остатки ископаемой фауны. Ниже залегания остатков позднепалеолитических стоянц отмечены слои мустьерского времени, отделенные от солютрейских четырехметровым стерильным слоем суглинка.

Сопоставление стратиграфических данных указанных многослойных стоянок позволило А. П. Чернышу наметить для позднего палеолита Поднестровья хронологическую колонку, состоящую из 7 ступеней, отражающих последовательное, поступательное развитие позднепалеолитической культуры в этом районе. Так, к первой хронологической ступени позднего палеолита Поднестровья А. П. Черныш относит первое стоянц Бабин I, принадлежащее, по его мнению, к наиболее ранним из известных в настоящее время позднепалеолитических поселений Европейской части СССР; ко второй — нижний слой стоянки Вороновица I, стоянц 10—9-го горизонтов стоянки Молодова V; к третьей хронологической ступени — второе стоянц Бабин I, стоянц 8 и 7-го горизонтов стоянки Молодова V. Эти 3 ступени соответствуют ориньякско-солютрейскому времени. В кремневом инвентаре памятников, относящихся к указанным 3 ступеням, наблюдаются мустьерские типы изделий; в последующих мустьерские типы отсутствуют.

К четвертой хронологической ступени относится 6-й горизонт стоянки Молодова V, к пятой — 5-й горизонт той же стоянки. Шестая хронологическая ступень представлена 4, 3 и 2-м горизонтами стоянки Молодова V,

¹⁴ А. П. Черныш. Палеолитическая стоянка Бабин I по материалам раскопок 1949—1950 гг. КСИИМК, вып. XLIX, 1953; его же. Исследования палеолита на Днестре. КСИИМК, вып. 56, 1954; его же. Палеолитическая стоянка Вороновица I. КСИИМК, вып. 63, 1956; его же. Многослойная стоянка Молодова V. КСИИМК, вып. 67, 1957; его же. Краткие итоги исследований позднего палеолита Среднего Поднестровья. Труды КИЧП, XIII, 1957; его же. Проблема хронологии позднего палеолита Европейской части СССР. КСИИМК, вып. 69, 1957.

третьим стойбищем Бабин I, позднепалеолитическим слоем стоянки Молодова I, верхним слоем стоянки Вороновица I. Четвертая, пятая и шестая ступени соответствуют мадленскому времени. Наконец, к седьмой хронологической ступени, соответствующей началу мезолитического времени, относятся горизонты 1a и 1 стоянки Молодова V и однослойная стоянка Фрумушика I, также расположенная в Поднестровье.

Таким образом, материалы днестровских стоянок, большинство которых вскрыто на значительной площади, отчетливо показывают последовательное, прошедшее через ряд этапов, развитие позднепалеолитической культуры, соответствующее общераспространенным представлениям.

В проблемах хронологии и периодизации позднего палеолита Чехословакии много сложного и спорного. Но чехословацкие исследователи палеолита — геологи и археологи — отмечают, что на территории Чехословакии сходные археологические комплексы, как правило, залегают в одинаковых геологических условиях¹⁵. То же наблюдается и в отношении позднего палеолита Германии¹⁶. Подобные факты находят, казалось бы, в противоречии с материалами Костенок где, согласно утверждениям Г. И. Лазукова, в сходных геологических условиях залегают разные археологические комплексы. Как же все-таки интерпретировать костенковские разрезы? Вернемся к ним.

Заключительная ступень развития позднего палеолита представлена в Костенковско-Боршевском районе достаточно отчетливо — тремя культурными слоями стоянки Боршево II. Датировку их концом позднего палеолита¹⁷ никто не оспаривает.

Можно предполагать, что к нижнему культурному слою стоянки Боршево II непосредственно примыкает по времени несколько более древняя стоянка Боршево I¹⁸. Но если мы перейдем к вопросу о еще более древних костенковских позднепалеолитических стоянках, то попадем в область горячих споров и самых различных датировок.

Обратимся к палеолитическим культурным комплексам Костенок, признаваемым наиболее древними. К ним Г. И. Лазуков и А. Н. Рогачев относят культурные слои, связанные с нижней гумусированной толщей. Из этих комплексов более или менее твердо доказан древний возраст залегающих под вулканическим пеплом нижних культурных слоев 4 стоянок: Костенок XII, Маркиной Горы, Стрелецкой II и Костенок XVII. В наибольших размерах раскопана стоянка Костенки XVII. Ее нижний слой, залегающий на глубине около 6 м от поверхности, вскрыт в 1953 и 1955 гг. на площади 60 кв. м.

Коллекция из нижнего слоя Костенок XVII насчитывает 9800 кремней, в том числе 200 законченных орудий (резцы, скребки, острия), 110 пластинок с ретушью по краю, 6000 краевых отщепов резцов, 15 призматических нуклеусов. Большую часть орудий (160 экземпляров) составляют резцы. В основе кремневой техники лежат удлиненные, призматические нуклеусы и удлиненные пластинки довольно правильных очертаний. При тщательном просмотре всей коллекции не выявлено ни одного

¹⁵ Fr. Prošek und V. Ložek. Stratigraphische Übersicht des tschechoslowakischen Quartärs. Eiszeitalter und Gegenwart, 8. Ohningen (Württ), 1957; B. Klima. Übersicht über die jüngsten paläolithischen Forschungen in Mähren. Quartär, 9, 1957; K. Žebera, V. Ložek, V. Kneblova, O. Feifar, M. Mazálek. Zpravy o II etapě geologického výzkumu kvartéru v Předmostí u Přerova na Moravě. Anthropozoikum, IV, 1954, Praha, 1955.

¹⁶ L. E. Zotz. Altsteinzeitkunde Mitteleuropas. Stuttgart, 1951; Karl J. Narr. Formengruppen und Kulturkreise im europäischen Paläolithikum. 34 Bericht der Römisch-Germanischen Kommission 1951—1953. Berlin, 1954.

¹⁷ П. П. Ефименко и П. И. Борисковский. Палеолитическая стоянка Боршево II. МИА, № 39, 1953.

¹⁸ Е. А. Векилова. Палеолитическая стоянка Боршево I. МИА, № 39, 1953.

кремня, напоминающего мустьерские или несущего хотя бы признаки мустьерской техники раскалывания. У людей, оставивших нижний слой Костенок XVII, была развита техника сверления камня и кости, на что указывают найденные здесь многочисленные подвески с просверленным отверстием (около 50 экземпляров). Таким образом, материалы нижнего слоя Костенок XVII свидетельствуют о достаточно развитой технике и не обнаруживают абсолютно никаких признаков генетических связей с мустьерской эпохой. Этот вывод очень важен, так как сделан на основе изучения большой коллекции.

На стоянке Маркина Гора залегающий под прослойкой вулканического пепла нижний слой дал лишь несколько маловыразительных кремней и остается почти не изученным¹⁹.

В Костенках XII²⁰ самый нижний культурный слой вскрыт на небольшой площади двумя раскопами и шурфом. Происходящая оттуда археологическая коллекция невелика, включает около 20 каменных орудий, а также пластины, отщепы и осколки без ретуши. А. Н. Рогачев отмечает черты архаичности во всех элементах техники обработки кремня и в формах орудий нижнего слоя Костенок XII и, признавая его позднепалеолитический возраст, утверждает, что этот слой наиболее близок Ильской стоянке, относимой многими исследователями к позднему мустьерскому времени. Однако, ознакомившись с рисунками орудий, опубликованными А. Н. Рогачевым²¹, и с описанием этих кремней, трудно согласиться с подобным выводом. Здесь отсутствуют пережитки характерной мустьерской техники раскалывания кремня, выражающейся в ударных площадках с фасетками; нет ни одного типичного мустьерского скребла, остроконечника или дисковидного нуклеуса. Изделия, осторожно определяемые А. Н. Рогачевым как «орудия, близкие к остроконечникам» и как «скребловидные орудия», малотипичны и могут встретиться в любом комплексе каменного века.

Стоянка Стрелецкая II содержит один культурный слой. Происходящая оттуда коллекция насчитывает тысячу расщепленных камней и среди них только 23 кремня и кварцита со следами вторичной обработки²². А. Н. Рогачев не отмечает пережитков мустьерской техники. Зато обращают на себя внимание треугольные кремневые наконечники, близко напоминающие экземпляры из нижнего слоя Костенок I и заставляющие вспомнить технику обработки кремня, характерную для неолита и эпохи бронзы. Один из них, по справедливому замечанию А. Н. Рогачева, представляет собой шедевр позднепалеолитической техники обработки кремня.

Помимо перекрытых вулканическим пеплом нижних слоев четырех упомянутых стоянок, Г. И. Лазуков и А. Н. Рогачев относят к группе древнейших костенковских памятников самые нижние слои Костенок I и Тельманской стоянки, также залегающие в нижней гумусированной толще. Мы уже указывали, что в Костенках I и Тельманской стоянке верхняя и нижняя гумусированные толщи не разделены прослойкой вулканического пепла.

Рассмотрим все же и эти памятники.

Нижний культурный слой Костенок I вскрыт на площади 46 кв. м²³. Кремневый инвентарь его включает высокосовременные треугольные наконечники, близко напоминающие материал Стрелецкой II, скребки, резцы, проколки. А. Н. Рогачев обращает внимание на боковой резец,

¹⁹ А. Н. Рогачев. Многослойные стоянки Костенковско-Боршевского района на Дону. ... стр. 85, 86.

²⁰ Там же, стр. 61—72.

²¹ Там же, рис. 33.

²² Там же, стр. 97—106.

²³ Там же, стр. 35—41.

близкий резцам из Ильской, на то, что треугольные наконечники из Костенок I представляют более совершенные формы треугольного наконечника из Ильской, и на наличие в нижнем слое Костенок I одного остроконечника мустьерского облика и нескольких скребловидных орудий.

А. Н. Рогачев констатирует примитивность техники расщепления кремня и изготовления орудий в нижнем слое и приходит к выводу о глубокой древности (в рамках позднего палеолита) находок из нижнего слоя. Однако, сопоставляя высокосоввершенные наконечники из Костенок I с наконечником из Ильской, А. Н. Рогачев не учитывает указания опубликованного ильскую находку С. Н. Замятнина на то, что этот наконечник, резко выделяясь среди остальных ильских орудий почти неолитическим контуром, ничем не отличается от них по технике изготовления²⁴. Что же касается остроконечника мустьерского облика (одного из общего числа примерно 40 орудий) и нескольких скребловидных орудий из нижнего слоя Костенок I, то в культурных слоях ранней и средней поры позднего палеолита можно встретить такой же процент мустьерских форм. Мы уже отмечали наличие подобных форм в памятниках, относящихся к первым трем хронологическим ступеням позднего палеолита Поднестровья. Треугольные же наконечники нижнего слоя Костенок I, близко напоминающие орудия неолита и эпохи бронзы, свидетельствуют о весьма развитой технике обработки кремня. Они не имеют ничего общего, действительно, с очень примитивными селетскими наконечниками из многочисленных позднепалеолитических стоянок Чехословакии.

Коллекция, происходящая из нижнего слоя Тельманской стоянки, насчитывает лишь 14 кремней²⁵. Это типичные позднепалеолитические концевые скребки, резцы и удлинненные пластинки, без каких-либо признаков мустьерской техники.

Таким образом, геологически наиболее древние комплексы Костенок характеризуются относительно весьма развитой техникой обработки кремня, не обнаруживающей непосредственных генетических связей с мустьерской. В этом отношении особенно показательны материалы нижнего слоя Костенок XVII, так как из всех 6 стоянок, включенных в эту группу, стратиграфия его наиболее четка и выразительна; он вскрыт в наиболее значительных размерах и содержит непереотложенные культурные остатки. Что касается отдельных кремневых изделий нижних слоев Костенок XII и Костенок I, на сходство которых с мустьерскими обращает внимание А. Н. Рогачев, то напомним, что в самом верхнем культурном слое Костенок I также найдено несколько довольно типичных скребел, еще сохраняющих мустьерский облик, несколько остроконечников мустьерского (в той или иной степени) характера и орудий, занимающих как бы промежуточное место между мустьерским остроконечником и упрощенным наконечником солотрейского типа²⁶. Единичные орудия, напоминающие мустьерские скребла и остроконечники, встречены в Тимоновке²⁷, в Елисеевичих²⁸ и ряде других стоянок, также очень далеких от начальной поры позднего палеолита. Впрочем на это обстоятельство уже давно обращалось внимание²⁹. Все эти факты свидетельствуют о том, что наличие в поздне-

²⁴ С. Н. Замятнин. Итоги последних исследований Ильского палеолитического местонахождения. Труды II Международной конференции АИЧПЕ, вып. V, 1934, стр. 212.

²⁵ А. Н. Рогачев. Многослойные стоянки Костенковско-Боршевского района на Дону..., стр. 58—61.

²⁶ П. П. Ефименко. Костенки I. М.—Л., 1958.

²⁷ Фонды Института этнографии АН СССР (Ленинград). Коллекция № 5120 (№ 1526, 1528, 1530 и др.).

²⁸ Фонды Института этнографии АН СССР (Ленинград). Коллекция № 5887 (№ 864), коллекция № 5298 (№ 44 и др.).

²⁹ Бюллетень КИЧП, № 6—7, 1940, стр. 129.

палеолитическом комплексе редких, единичных кремней, напоминающих мустьерские, не может быть использовано для доказательства того, что данный комплекс относится к самому началу позднего палеолита. Он может датироваться и началом, и серединой периода позднего палеолита.

В Костенках отсутствуют памятники, которые можно было бы датировать начальной порой позднего палеолита; между тем облик таких памятников достаточно хорошо известен. В их числе, не говоря о весьма отдаленных от нас западноевропейских стоянках — некоторые выразительные стоянки Чехословакии, например раскопанные Фр. Прошекком Ивановцы на р. Ваг (Словакия)³⁰. Ивановцы интересны хорошо выраженным мустьерским и в то же время позднепалеолитическим характером. Здесь представлены типичные мустьерские дисковидные нуклеусы, скребла, остроконечники, типичные мустьерские отщепы с отретушированными ударными площадками, несколько листовидных удлинённых острий, напоминающих экземпляры из Староселья и Ильской. Вместе с ними найдено много призматических нуклеусов, узких удлинённых пластинок, несколько концевых скребков, нуклевидных скребков и атипичных резцов. Перед нами — комплекс, гораздо более примитивный, чем нижние слои костенковских стоянок, но уже, несомненно, позднепалеолитический, хотя и тесно связанный с мустьерской техникой.

Эта же начальная ступень позднего палеолита представлена на Русской равнине Радомышльской стоянкой (Житомирская область УССР), раскопанной И. Г. Шовкоплясом в 1957 г.³¹ Там собрано большое количество типичных мустьерских остроконечников, скребел, дисковидных нуклеусов и, наряду с ними, также много типичных позднепалеолитических орудий, очень напоминающих кремневый инвентарь Пушкарей I. Ивановцы и Радомышль позволяют достаточно подробно охарактеризовать начальную ступень развития позднего палеолита Центральной Европы и Русской равнины — ступень, хорошо выраженную, генетически тесно связанную с мустьерской и, несомненно, предшествующую даже наиболее древним памятникам Костенок.

Возвращаясь к многослойным костенковским стоянкам, мы можем констатировать, что они по времени не относятся к начальному этапу позднего палеолита, на Дону пока вовсе не известны. Не относятся они и к самому концу палеолита, представленному резко отличающейся от них стоянкой Боршево II. Мы полагаем, что такие многослойные стоянки, как Костенки I, Тельманская, Маркина Гора, Костенки XVII, охватывают относительно небольшой отрезок времени по сравнению с продолжительностью всего позднего палеолита — его среднюю пору.

Вероятно, правый берег Дона особенно привлекал различные первобытные племена, которые многократно здесь селились. Это были племена, приходившие из разных мест, находившиеся на различных ступенях развития техники и культуры. Так и образовались сложные и насыщенные костенковские стратиграфические колонки.

Примитивные охотничье-собираческие племена недавнего прошлого периодически приходили в определенные, привлекавшие их места и порой подолгу там жили. Много выразительных этнографических примеров приводит С. А. Токарев в работах, посвященных хозяйству, материальной культуре и общественному строю австралийцев. В плодородных юго-вос-

³⁰ Коллекция из Ивановцев хранится в Институте археологии Чехословацкой Академии наук в Праге. См. также Ф. Прошек. Селет в Словакии. *Slovenská Archeológia*, I, 1953.

³¹ И. Г. Шовкопляс. Археологічні дослідження на Україні (1917—1957). Київ, 1957, стр. 38, 39.

точных районах Австралии прежде в известные сезоны собирались сотни людей, принадлежавших к разным племенам. По наблюдениям Томаса, на одном таком большом межплеменном сборище в окрестностях Мельбурна были люди из восьми окрестных племен — в общей сложности до 800 человек. Каждое племя занимало свою определенную часть стойбища, и племенную принадлежность каждого человека можно было сразу определить по местонахождению его хижины³². Такие сборы связаны с сезоном изобилия: созревали плоды, появлялось много дичи, и рассеянные группы австралийцев собирались вместе в тех местностях, где был большой урожай плодов или орехов, обилие дичи.

Особенно интересны такие сборища в Юго-Восточном Квинсленде. Здесь растет дерево бунья, дающее обильный урожай сытных мучнистых орехов. Когда они поспевают, местные жители созывали гостей из соседних и более отдаленных племен. Люди приходили за сотни километров, ели и запасали в большом количестве орехи. К этому времени приурочивалось устройство разных празднеств, плясок, религиозных обрядов. Все это служило выражением дружественных отношений, хотя скопление в одном месте большого количества людей из разных племен зачастую порождало столкновения и нередко кончалось стычками³³. Жители австралийского побережья, например в Виктории и Западной Австралии, когда море случайно выбрасывало на берег мертвого кита, созывали соседей из внутренних областей, чтобы попользоваться обильной пищей³⁴.

Кроме таких мест межплеменных сборищ, в Австралии было много центров обмена, куда также сходились разные племена, иногда очень изда- лека. В области озера Эйр излюбленным торжищем служила местность Копперамана. Здесь с незапамятных времен сходились люди из окрестных племен для обмена. С севера попадали сюда щиты из мягкого дерева, ибо мягкого дерева в области озера Эйр нет. Каменные клинки топоров приносили люди из Квинсленда или с южного побережья, потому что местные породы камня не поддаются шлифовке. Тростник или легкое дерево для копий доставляли с востока, каменные плиты для зернотерок — с юга и запада. Местные племена давали в обмен твердое дерево для бумерангов, деревянные сосуды, плетеные сумки, красную охру и др. Изделия обменивались не только на местную продукцию, но и одно на другое. Само название «Копперамана» означает буквально «корень — рука» и понимается как сравнение с пальцами, сходящимися вместе в кисти: так сходились здесь люди разных племен³⁵.

Можно привести немало таких описаний, относящихся к другим примитивным охотничье-собираТЕЛЬским племенам, помимо австралийцев³⁶. Вероятно, и Костенковско-Боршевский район в среднюю пору позднего палеолита в течение ряда веков или даже тысячелетий был излюбленным местом, где селилось множество племен первобытных охотников, иногда приходивших издалека.

Подобные костенковским сложные и насыщенные стратиграфические колонки известны, впрочем, и в других местах. Приведем в качестве примера, к сожалению, почти не освещенную в советской литературе, палеолитическую пещеру Верхнее Ложери в Дордони (Франция)³⁷. Здесь

³² «Народы Австралии и Океании». Под редакцией С. А. Токарева и С. П. Толстова. М., 1956, стр. 141.

³³ Там же, стр. 194.

³⁴ Там же, стр. 195.

³⁵ Там же, стр. 198.

³⁶ См., например, «Индейцы Америки». Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, новая серия, т. XXV, 1955, стр. 260.

³⁷ D. et E. Peyrony. Laugerie Haute. Archives de l'Institut de Paléontologie Humaine, mém. 19, 1938.

отсутствуют культурные слои ранней поры позднего палеолита с явно выраженными мустьерскими традициями в кремневой технике и в то же время представлены 12 позднепалеолитических слоев, сильно различающихся между собой. Два нижних, относимых Д. и Э. Пейрони к перигордьену, содержат, наряду с концевыми скребками и резцами, многочисленные пластинки и острия с затупленным краем. В вышележащем слое (ориньяк V) появляются многочисленные ладьевидные скребки, единичные дисковидные нуклеусы, костяные наконечники и шилья. Выше залегает протосолютрейский слой с прототипами листовидных солютрейских наконечников и рядом скребел, остроконечников, дисков и отщепов мустьерского облика³⁸. Над ним залегают три солютрейских слоя с наконечниками в форме лаврового листа и наконечниками с выемкой и черешком. Наконец, над ними — четыре мадленских слоя, из которых в самом верхнем появляются гарпуны с одним рядом бородок.

Не менее сложная картина выявлена во французской пещере Ла Феррасси³⁹, где над мустьерскими залегает восемь позднепалеолитических культурных слоев, в которых орудия довольно сильно различаются между собой. Нижний слой, содержащий мустьерские орудия и вместе с тем позднепалеолитические, вероятно, относится к началу позднего палеолита. В вышележащих слоях интересно отметить значительное количество вкладышей — миниатюрных прямоугольных пластинок с затупленным краем и микроострий с затупленным краем, близко напоминающих некоторые находки из нижних слоев Тельманской стоянки и Костенок I. Не менее сложные разрезы зафиксированы в Бадегуль⁴⁰, в Истюриц⁴¹ и ряде других пещер Западной Европы. Вероятно, всюду здесь, как и в Костенках, находились места, особенно часто посещавшиеся разными племенами первобытных охотников.

Подведем некоторые итоги.

1. Рассмотренные материалы, в первую очередь материалы многослойных палеолитических поселений Поднестровья показывают, что в развитии позднепалеолитической культуры Русской равнины можно выделить определенные этапы, закономерно сменяющие один другой. Эти этапы были более сходны на узких территориях и несколько менее — на широких, где, наряду с общностью, сказывались черты местного своеобразия.⁴²

2. Археологические материалы служат в пределах позднего палеолита (как и в другие эпохи) основным критерием для датировки археологических памятников. Археолог, как это давно утверждали Г. Ф. Мирчинк и В. И. Громов, может помочь геологу в расчленении и датировке плейстоценовых отложений. Геологические наблюдения для археологов — вспомогательный критерий.

³⁸ Появление отсутствовавших ниже мустьерских форм, сочетающихся с солютрейскими наконечниками, отмечено в самом верхнем слое Тельманской стоянки и во втором (сверху) слое Маркиной Горы.

³⁹ D. Peyrony. La Ferrassie. Préhistoire, t. III, Paris, 1934.

⁴⁰ A. Cheynier. Badegoule. Archives de l'Institut de Paléontologie Humaine, mém. 23, 1949.

⁴¹ R. et S. de Saint-Périer. La grotte d'Isturitz, III. Les solutréens, les aurignaciens et les moustériens. Archives de l'Institut de Paléontologie Humaine, mém. 25, 1952.

⁴² Наши выводы вполне сходятся с выводами А. П. Черныша по этому же вопросу. См. А. П. Черныш. Проблемы хронологии позднего палеолита Европейской части СССР. КСИИМК, вып. 69, 1957, стр. 10, 11.

II. ПОЛЕВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

А. А. ФОРМОЗОВ

ИССЛЕДОВАНИЯ ПАМЯТНИКОВ КАМЕННОГО ВЕКА
НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В 1957 ГОДУ¹

В 1957 г. в составе Северокавказской экспедиции ИИМК работал палеолитический отряд, проводивший разведки и раскопки в Краснодарском крае и Ростовской области².

Одной из задач отряда в Краснодарском крае было обследование древнепалеолитических местонахождений на р. Псекупс. Это левый приток Кубани, впадающий в нее несколько выше Краснодара; река протяженностью около 150 км начинается в горах, а затем выходит на равнину. В 1934 г. Н. В. Анфимов нашел в русле Псекупса между станицей Бакинской и хутором Прицепиловка отщеп древнепалеолитического облика³. В 1950 г. этот район был обследован нами, причем и выше, и ниже по реке найдены древнепалеолитические изделия⁴. В 1954 г. значительно выше, у станицы Саратовской, обнаружено выразительное шельское рубило. Место находки осмотрел С. Н. Замятнин, собравший на галечнике несколько отщепов и орудий. Наконец, еще выше, близ поселка Горячий Ключ, древнепалеолитический отщеп найден Ф. В. Навозовой⁵.

В связи с находками на разных участках течения Псекупса представлялось целесообразным пройти все течение реки, чтобы получить полное представление о древнем палеолите в этом районе. Хорошая изученность четвертичных отложений Псекупса позволяла поставить вопрос о геологическом возрасте находок.

Сплошным обследованием выявлено 13 точек находок древнепалеолитических изделий: 1) в районе устья р. Хаорзе, в 2,5 км выше Горячего Ключа; 2) в 2 км ниже поселка Развилка, между Горячим Ключом и Саратовской; 3) в урочище Игнатенков Куток в 2 км ниже Саратовской; 4) в районе 3-го отделения совхоза «Табак», ниже Саратовской; 5) на переезде выше станицы Бакинской; 6) в пределах Бакинской; 7) на нижнем краю Бакинской; 8) в 2 км выше хутора Молько; 9) в 1 км выше этого хутора; 10) в 2 км ниже этого хутора; 11) в районе хутора Прицепиловка; 12) ниже Прицепиловки; 13) в районе аула Вочепший. Выше

¹ Доклад на секторе неолита и бронзы ИИМК 10 ноября 1957 г.

² В состав отряда входили В. П. Алексеев, М. Д. Гвоздовер, Л. С. Лях, А. Д. Столяр, М. М. Успенский, А. А. Формозов и Л. А. Чумакова.

³ С. Н. Замятнин. Некоторые данные о нижнем палеолите Кубани. «Сборник МАЭ», т. XII, 1949, стр. 494, 495.

⁴ А. А. Формозов. Нижнепалеолитические местонахождения Прикубанья. КСИИМК, вып. XLVI, 1952, стр. 36.

⁵ Находки близ Горячего Ключа и Саратовской хранятся в Краснодарском историко-краеведческом музее.

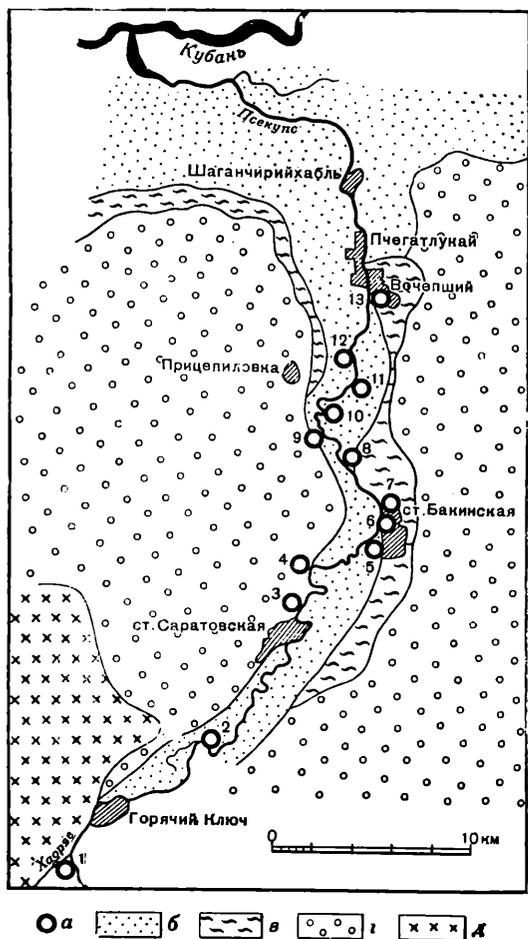

Рис. 1. Схематическая карта местонахождений древнепалеолитических изделий в долине р. Псекупс.

а — местонахождения; б — отложения 15-метровой террасы; в — отложения 25-метровой террасы; г — нерасчлененные отложения вишнечетвертичной 35-метровой террасы и верхнего палеогена; д — выходы коренных пород. (Названия местонахождений 1—13 указаны в тексте).
Часовые террас — по Н. А. Лебедевой.

устья р. Хаорзе, в горной части долины Псекупса, и ниже аула Вочепший, в равнинной части реки, — находок не было. Все они приурочены к участку, где река выходит из предгорий на равнину (рис. 1).

Собранные материалы могут быть разделены на 2 группы. Большая часть из них (пункты 1, 2, 5, 6, 8—13) найдена в русле реки, на галечниковых пляжах. Изделия, несомненно, неоднократно переотложены, о чем свидетельствует и их окатанность. Находки в пунктах 3, 4 и 7 обнаружены непосредственно под обнажениями террас Псекупса, откуда обработанные кремни и выпали. Показательно, что среди находок близ совхоза «Табак» и Игнатенкова Кутка есть почти неокатанные отщепы. В Игнатенковом Кутке материалы особенно многочисленны, тогда как находки на галечнике всегда единичны (1—3—5 предметов).

Расстояние между крайними пунктами равно 70 км. Это показывает, что перед нами не одно, а ряд древнепалеолитических местонахождений. Выше пунктов 3, 4 и 7, где находки собраны недалеко от их коренного залегания, встречены предметы, которые нельзя связывать с размывом коренного местонахождения у Саратовской. Анализ археологического материала позволяет говорить и о некоторой разновременности местонахождений.

Если в пункте 4 в 1954 г. обнаружено характерное шелльское рубило, то в пункте 9 найдено изделие, которое не может быть старше ашеля. Это великолепный диск диаметром 8 см, с правильными, радиально направленными сколами, находящийся аналогии только в ашельских и мустьерских памятниках (рис. 2—4). Большая часть находок представлена массивными отщепами клектонского типа с крупными отбивными бугорками, широкими площадками и т. д. (рис. 2—1—3); но отщепы из пункта 1 относительно тонки и с небольшими площадками. Отщепы из пунктов 3 и 4 можно относить к шеллю; изделия из устья р. Хаорзе — значительно моложе и, возможно, даже датируются мустьерским временем. Перед нами, следовательно, серия типичных аллювиальных местонахождений древнего палеолита, какие хорошо известны, скажем, на Сомме и других реках Франции.

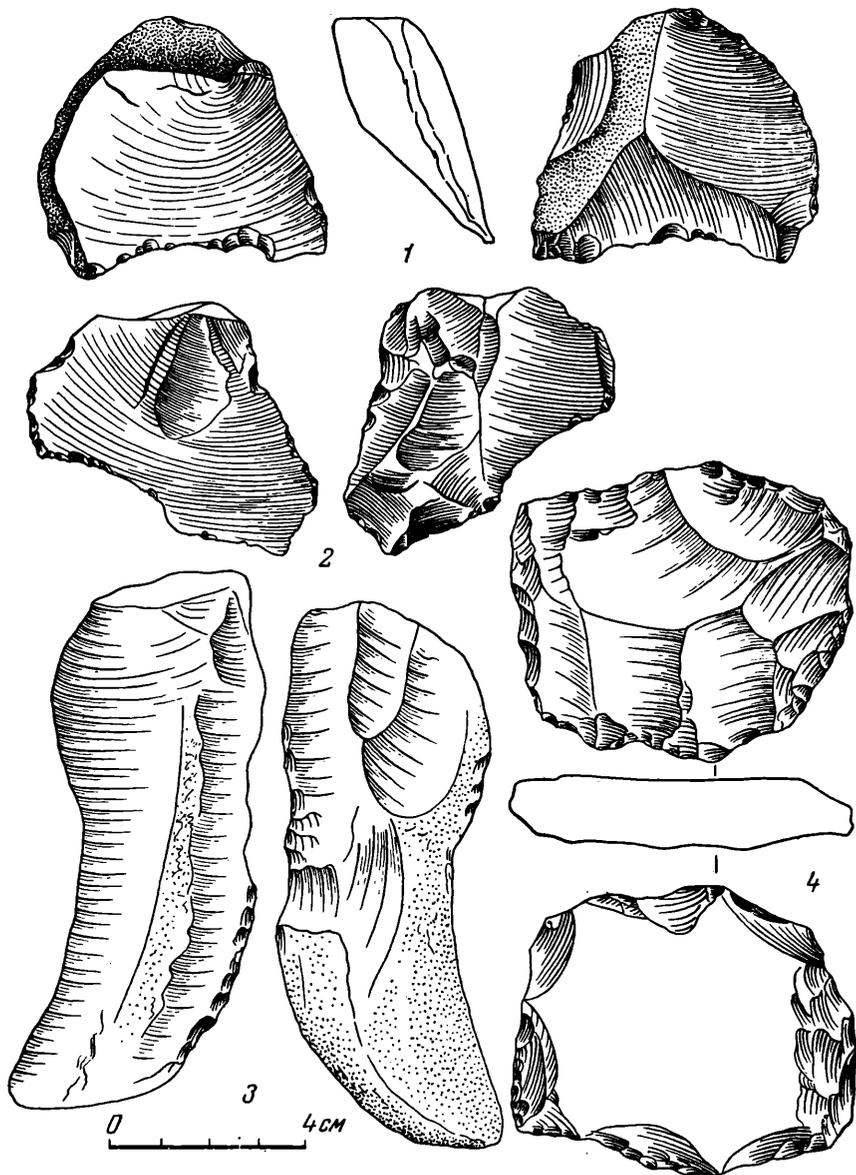

Рис. 2. Древнепалеолитические изделия из долины р. Псекупс.

1—3 — отщепы; 4 — диск (1 — из местонахождения 8; 2 — из местонахождения 11; 3 — из местонахождения 3; 4 — из местонахождения 9).

Обследование Псекупса, проведенное с участием геолога Н. А. Лебедевой, позволило наметить следующую геологическую характеристику местонахождений. Район наиболее обильных находок связан с участком, где река прорезает водораздельную террасу высотой 35 м. Выше и ниже Саратовской обнажений этой террасы нет. В верхней части долины водораздельная терраса повышается до 80 м и уходит от реки, загибаясь на хребет Котх (близ устья р. Хаорзе). В обнажениях берега здесь отмечены лишь молодые пойменные отложения. Ниже Саратовской река прорезает 15-метро-

вую террасу, — скорее всего, вюрмского возраста, — которая, понижаясь вниз по реке, сливается с поймой Кубани. Водораздельная терраса находится здесь в 1—5 км от Псекупса.

В обнажениях цоколя водораздельной террасы прослеживаются железистый конгломерат и синие глины. Характер отложений и находки костей *Elephas meridionalis* и *Cervus cf. pliotarandoides*⁶ позволяют датировать цоколь террасы верхним плиоценом. Выше залегают суглинки и супеси желтого цвета с двумя горизонтами галечника. Возраст этой части террасы можно определить как миндельский. Находки палеолитических изделий надо связать с верхним галечником, так как в суглинках и супесях какие-либо включения камня отсутствуют, нижний слой галечника (конгломерат) слишком древен, чтобы быть синхронным древнему палеолиту, а средний слой содержит мелкий материал — гравий.

На небольшом участке правого берега от Бакинской до аула Вочепший прослеживается терраса высотой 18—20 м с одним горизонтом галечника, — возможно, рисского возраста. Под обнажением этой террасы в пункте 7 найдены обработанные кремни, очевидно, происходящие из галечника, но, в отличие от находок в пунктах 3 и 4, окатанные, что говорит об их вторичном залегании. На большей части течения Псекупса в обнажениях виден разрез 15-метровой террасы с древним цоколем (синие глины и конгломерат) и молодым верхом в виде малорасчлененных лёссовидных суглинков. Возраст их, вероятнее всего, вюрмский. Слоев галечника в этих суглинках нет, и кремневые изделия не могут быть связаны с этой террасой. В тех случаях, когда единичные экземпляры встречаются близ обнажений, они принесены сюда потоками воды с более высоких уровней, окатаны и приурочены, как в пунктах 1 и 2, к устьям небольших притоков Псекупса, верховья которых прорезают 35-метровую террасу. Таким образом, можно считать, что древнепалеолитические находки на Псекупсе связаны с террасой миндельского возраста. Исследования геологии палеолита на Псекупсе интересны тем, что аналогичные работы можно проводить и на других местонахождениях на галечниках — на Днестре, Волге и некоторых реках Кавказа.

Интересны также результаты нашего обследования карьера Цимбал близ станицы Сенной на Тамани. Здесь Н. К. Верещагиным изучено палеонтологическое местонахождение, где им собраны остатки *Elephas meridionalis*, *Trogontherium cuvieri*, *Elasmotherium caucasicum*, *Rhinoceros etruscus*, *Bison schoetensacki*, *Megaceros sp.* и т. д. При исследовании этой нижнечетвертичной фауны выделены образцы костей, которые Н. К. Верещагин рассматривает как искусственно расколотые в древности. Это заключение весьма авторитетно, поскольку при обработке коллекций Староселья, Сталинграда, Чокурчи исследователь держал в руках десятки костей, расколотых древнепалеолитическим человеком. В то же время Н. К. Верещагин подчеркивает, что в таких местонахождениях фауны, как Бинагады, расколотых костей вроде найденных в Цимбале — нет⁷.

Мы решили поискать, нет ли в карьере Цимбал каменных орудий. Действительно, удалось найти типичный древнепалеолитический отщеп с плоской широкой площадкой и большим отбивным бугорком с изъяном. Отщеп покрыт интенсивной белой патиной и настолько сильно выветрен,

⁶ В. И. Громов. Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР. Труды Института геологических наук АН СССР, вып. 64, 1948, стр. 52—57.

⁷ Н. К. Верещагин. Остатки млекопитающих из нижнечетвертичных отложений Таманского полуострова. Труды Зоологического института АН СССР, т. XXII, 1957, стр. 17—22.

что стал легким и кажется сделанным из какой-то опоки. Но раскалывание кусков аналогичной породы, имеющей такую же патину и выветренность, показывает, что это не опока, а твердый коричневый кремневый материал, вполне пригодный для изготовления орудий. находка на Цимбале, единична и сделана во вторичном залегании, тем не менее она очень интересна. Это изделие, очевидно, можно связать с отмеченными Н. К. Верещагиным расколотыми костями (с нижнечетвертичной фауной). Если это так, то перед нами один из древнейших памятников деятельности человека на территории СССР. находки на Цимбале — первые следы каменного века на Тамани, если не считать старых спорных сведений А. С. Башкирова⁸.

Нами осмотрены и ранее известные древнепалеолитические памятники Прикубанья — Фортепьянка, Ильская, Смоленская. Существенно, что геологи подтвердили наше заключение, сделанное в 1950 г., о том, что мустьерские остатки в Смоленской лежат на более высокой террасе, чем в Ильской⁹. В Смоленской отметки террас: I—4—5 м, II—15 м и III (где находится стоянка) — 30 м, а в Ильской: I—4—5 м, II (где лежит стоянка) — 12—15 м и III—50 м. Это говорит о позднемустьерском возрасте Ильской, что подтверждается археологически.

Одной из основных задач работ в Краснодарском крае были поиски пещерных памятников. Поиски увенчались успехом — в верховьях р. Белой, выше аула Хаджох в сторону станицы Даховской и с. Хамышки, выявлен район, богатый пещерами. Здесь обнаружены две стоянки — навес выше аула Хаджох и пещера над станицей Даховской. В навесе собраны энеолитические изделия. Особенно характерна лощеная посуда с жемчужным орнаментом. В пещере у Даховской встречены четвертичная фауна, включающая мамонта, и изделия из кремня очень низкого качества — хрупкого и плохо колющегося. Памятник датируется эпохой мустье. Пещера расположена на большой высоте — не менее 300 м выше уровня Белой и принадлежит к коридорному типу. Культурные остатки выявлены у входа размером 6 × 6 м; глубокая, темная часть пещеры, уходящая в скалу на сотни метров, еще не исследовалась. В Краснодарском крае пещеры до сих пор были известны только на побережье, за хребтом, в районе Сочи — Адлера. Изучение пещер на Северном Кавказе, в новом районе, расположенных в специфических условиях, сулит много интересного.

Верхнепалеолитические стоянки исследовались экспедицией в районе хутора Недвиговка, между Ростовом и Таганрогом. Здесь в 1956 г. И. С. Каменецкий открыл стоянку в 4 км севернее Недвиговки, в долине Чулека — сухого русла, выходящего к западу от хутора к мертвому Дону. При работах, ведшихся под руководством М. Д. Гвоздовер, культурный слой не выявлен, но в палевом суглинке, подстилавшем чернозем, встречено много верхнепалеолитических изделий — резцов, скребков, пластинок с притупленной спинкой.

М. Д. Гвоздовер обнаружены около Недвиговки и новые стоянки: одна — в 1 км западнее Чулекской, в урочище Толстов Хутор, другая — на берегу Каменной Балки (восточная окраина Недвиговки). Здесь прослежен культурный слой со скоплениями кости и обработанного кремня, исследованный на площади 25 кв. м. Набор орудий в общем тот же, что и на Чулке, но изделия меньше, в особенности вкладыши-пластинки с притупленной спинкой. Это, так же как и находка нуклеуса карандашевидного типа, может указывать на более молодой возраст стоянки Каменная Балка

⁸ А. С. Башкиров. Тамань. Культурно-исторический очерк. «Новый Восток», № 16—17, 1927.

⁹ А. А. Формозов. Указ. соч., стр. 38, 39.

по сравнению с Чулекской. В фауне стоянки Каменная Балка представлен *Bos sp.* Чулекская и Каменная Балка — первые выразительные памятники палеолита в Восточном Приазовье.

Интересный материал получен при исследовании неолитической Нижне-Шиловской стоянки в районе Адлера. Стоянка находится на правом берегу р. Псоу, в 5 км от ее впадения в море, в пределах поселка Нижняя Шиловка, и интенсивно размывается рекой. Открыта стоянка в 1951 г. учителем Н. И. Гумилевским, ежегодно собиравшим материал из размывавшихся участков. В его сборах представлены и многочисленные геометрические орудия, и плоские полированные топоры, двусторонне обработанные заготовки для крупных орудий, керамика. На Черноморском побережье Кавказа известны 2 памятника с близким материалом. Это Одиши в Зугдидском районе Грузии и Кистрик близ Гудаут. Но в обоих случаях собран только подъемный материал, и неясно, можно ли принимать находки за комплекс. А. Н. Каландадзе склонен выделять в Одиши 2 комплекса — мезолитический с геометрическими орудиями и неолитический с полированными вещами и керамикой¹⁰. А. Л. Лукин рассматривает находки в Кистрике как одновременные¹¹, но наличие заведомо поздних вещей (свинцовых обоймочек) заставляет и здесь ставить вопрос о разновременности материала.

На Нижне-Шиловской стоянке, где определенно выражен культурный слой, был заложен раскоп площадью 15 кв. м. Очень четкая стратиграфия помогла установить, что найденные предметы бесспорно принадлежат к одному комплексу. В сером культурном слое мощностью 0,4—0,8 м, лежавшем под 1 м суглинки, обнаружено большое число каменных орудий и осколков посуды.

Среди изделий из кремня выделяется серия геометрических орудий. В ней преобладают трапеции — 171 экземпляр; меньше сегментов — 31 экземпляр. Трапеции большей частью обработаны не только со стороны спинки, но и с брюшка (рис. 3—7, 8). Эта деталь, зафиксированная и в материалах из Кистрика¹², никогда не отмечалась у трапеций со стоянок Крыма, Днепровских порогов и Донетчины. Видимо, это чисто кавказский прием обработки геометрических орудий. Интересно, что близкие типы геометрических орудий были у натуфийцев¹³, что может говорить о ранних связях Кавказа с Передней Азией. Среди трапеций — несколько экземпляров со струганой спинкой (рис. 3—6). Эта форма характерна для украинского неолита и представлена в Кистрике и Одиши.

Есть несколько трапеций высокой формы. У большинства сегментов также края ретушированы с двух сторон.

Вторую большую серию микролитических орудий (51 экземпляр) составляют специфические острия из пластинок с плоской, нередко противоположащей ретушью по краям и с закругленными концами (рис. 3—11). Для орудий степных украинских, крымских и волжских стоянок эта форма не характерна. Назначение острий неясно; может быть, это сверла.

Другие микролитического типа изделия встречены в единичных экземплярах: концевые скребки, резы на углу сломанной пластинки и косые острия. Найдено несколько призматических нуклеусов, в том числе один плоский. Плоские нуклеусы характерны для крымского неолита, на

¹⁰ А. Н. Каландадзе. Остатки мезолитической и неолитической культуры в Грузии. Известия Института языка, истории и истории материальной культуры Груз. ФАН СССР, вып. IV-3, Тбилиси, 1939.

¹¹ А. Л. Лукин. Неолитическое селище Кистрик близ Гудаут. СА, XII, 1950.

¹² А. Л. Лукин. Указ. соч., рис. IX, 6.

¹³ Г. Чайлд. Древний Восток в свете новых раскопок. М., 1956, стр. 62.

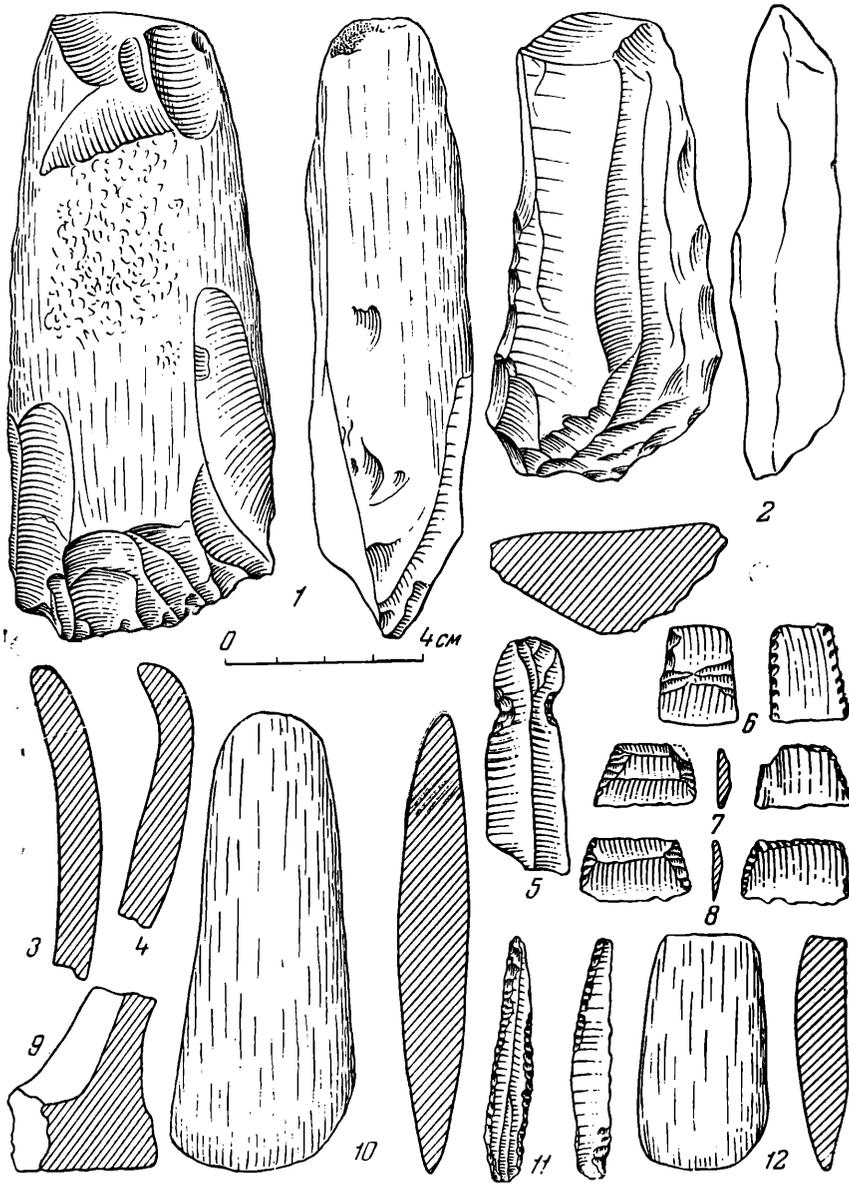

Рис. 3. Находки из Нижне-Шиловской стоянки близ Адлера (Черноморское побережье).

1, 2, 5-8, 10-12 — кремневые орудия; 3, 4, 9 — керамика.

степной Украине их нет¹⁴; на Кавказе они известны по сборам в Грозненской области¹⁵ и в Азербайджане¹⁶. Отметим еще один тип орудий — пластины и небольшие, и очень крупные, с отретушированной выемкой по каждому краю; выемки оформляют черешок режущего орудия (рис. 3—5). На других стоянках южного неолита такие специфические типы ножей нам неизвестны.

Наряду с микролитическими в большом числе найдены орудия, выполненные в макролитической технике: крупные отщепы, грубые нуклеусы для отщепов, своеобразное крупное сверло из обломка кремня и 22 пиковидных заготовки с двусторонней обработкой (рис. 3—2). Близкие заготовки для рубящих орудий имеются в Кистрике¹⁷. Наконец, при раскопках Нижне-Шиловской стоянки обнаружены 8 шлифованных плоских топоров чисто неолитического типа — таких же, какие найдены в Одиши и Кистрике. Большинство их — крупных размеров; они, видимо, непосредственно вставлялись в рукоять (рис. 3—1, 10). Но есть и маленькие лезвия (рис. 3—12), вероятно, употреблявшиеся в костяных основах. Много найдено и осколков полированных изделий. Интересна серия круглых пращных шариков. Возможно, что с большой ролью пращи связано отсутствие наконечников стрел, как это отмечалось Г. Чайлдом для Передней Азии¹⁸.

Материалом для изготовления микролитических орудий служил красный кремнь, известный в ближайших районах. Нами осмотрено месторождение в устье р. Хошупсе близ поселка Кавалети. Там же встречается серый кремнь, из которого сделаны многие более крупные вещи, найденные на стоянке. Для изготовления топоров использовалась зеленовато-серая метаморфическая порода. Наконец, на стоянке встречено около 10 пластинок и осколков обсидиана, явно не местного происхождения.

Керамика Нижне-Шиловской стоянки типична для неолита Кавказа. Сосуды — баночной формы, с плоским дном; в желтом тесте — примесь песка (рис. 3—3, 4, 9). Среди нескольких сотен фрагментов посуды нет ни одного орнаментированного. По характеру теста и профилировке керамика с этой стоянки близка найденной в Одиши и Кистрике.

В раскопках и сборах на Нижне-Шиловской стоянке ни разу не встречены зернотерки, ступки и другие земледельческие орудия, представленные в Одиши. А. Н. Каландадзе, видимо, прав, считая этот материал более поздним, чем комплекс с геометрическими орудиями. Однако полированные топоры и лепную керамику Одиши надо относить не к комплексу со ступками, а к комплексу с трапециями, характеризующему не мезолит, а неолит Причерноморья. На Нижне-Шиловской стоянке найдены только несколько расколотых камней с рабочей заполировкой и один пест. В связи с особенностями химического состава почвы кости в культурном слое стоянки не сохранились.

Работы, проведенные на памятнике, позволили впервые охарактеризовать ранний неолит Черноморского побережья Кавказа по раскопкам. Оказалось, что в эту эпоху здесь, как и на Украине, продолжали бытовать многие мезолитические типы орудий; среди геометрических орудий появились, однако, и поздние формы — трапеции со струганой спинкой. Одновременно с микролитическим инвентарем распространены также чисто

¹⁴ О крымских неолитических типах кремневых изделий см. А. А. Формозов. Локальные варианты культуры эпохи мезолита в Европейской части СССР (автореферат диссертации). М., 1954.

¹⁵ Сборы Е. И. Крупнова (в ГИМ).

¹⁶ Я. И. Гуммель. Раскопки поселения I на запад от Ханлара. КСИИМК, вып. XXIII, 1948, рис. 39—1.

¹⁷ А. Л. Лукин. Указ. соч., табл. IV, V.

¹⁸ Г. Чайлд. Указ. соч., стр. 168, 171, 345.

неолитические формы — полированные плоские топоры, двусторонне обработанные рубящие орудия. Появилась и керамика. Материальная культура неолита Черноморского побережья Кавказа кое в чем перекликается с культурами Передней Азии (двусторонняя обработка геометрических орудий, большая роль пращи, плоскодонность посуды); с другой стороны можно отметить и сходные черты с неолитическим кремневым инвентарем Крыма (трапеции со струганой спинкой, плоские нуклеусы) и, в меньшей степени, — Украины. Некоторые черты — большое число острий, пластины с выделенным черешком, характер керамики — специфичны только для Кавказа.

Комплекс вещей, найденных при раскопках Нижне-Шиловской стоянки, может служить эталоном для обработки подъемного материала из Кистрика и Одиши и для исследования памятников неолита Кавказа, которые будут открыты в дальнейшем.

Д. А. КРАЙНОВ

РАСКОПКИ БАХЧИСАРАЙСКОЙ МУСТЬЕРСКОЙ СТОЯНКИ В 1957 ГОДУ

В 1940 г., продолжая систематическое обследование археологических памятников в Юго-Западном Крыму¹, мы открыли мустьерскую стоянку, получившую имя Бахчисарайской². Находится она в предместье г. Бахчисарая, на территории с. Староселье, на северном склоне Бахчисарайской балки около разветвления ее на 3 балки: северную — Кучук-Ашлама, среднюю — Ханлык-Ашлама и южную — Майрум Деро.

В зоне стоянки в отвесных обнажениях известняков нет пещер и гротов; только у западного ее края есть один небольшой (без почвенного заполнения) навес на высоте около 3 м от дна балки.

Место расположения стоянки представляет собой довольно крутой склон, спускающийся ко дну балки, по которой протекает речка Чурук-су. В некоторых местах склон обрывается отвесно, образуя второй скалистый уступ. О границах стоянки пока можно судить только по распространению находок на поверхности; по-видимому, ширина ее — не более 20—30 м, а длина (вверх по склону) — около 25 м. С запада стоянка ограничена известняковыми обнажениями, лишенными почвы, с юга — отвесным склоном второго скалистого уступа, с севера — стеной балки, а с востока — нагромождениями крупных камней. На месте стоянки и по всему северному склону идут завалы обломков скал и крупных камней, скатившихся с верхнего уступа, и рыхлые отложения различной мощности, состоящие из щебня, мергелей, суглинков и песчаников. У нижней (южной) границы стоянки эти отложения тоньше, а вверху (у северной границы) достигают значительной мощности. Южная граница находится на высоте 33 м от уровня речки Чурук-су и в 80 м от нее по склону. Высота подошвы скалистой стены балки и, следовательно, северной границы стоянки над уровнем речки равна 36 м.

В 1940 г. мы провели небольшие шурфовочные работы на южном краю стоянки. Вскрыто около 12 кв. м. В 1,5—2-метровой толще наслоений прослежены 2 прослойки с находками кремней и костей животных. Находки отнесены нами к мустьерской эпохе³.

В 1957 г. раскопки стоянки были продолжены Бахчисарайским отрядом Крымской первобытной археологической экспедиции ИИМК и Института археологии АН УССР⁴.

¹ С 1935 г. по 1941 г. в Юго-Западном Крыму работала археологическая экспедиция ГИМ по обследованию Бахчисарайского и Куйбышевского районов.

² Д. А. Крайнов. Новые мустьерские стоянки Крыма и Кавказа. Бюллетень КИЧП, № 9. 1947, стр. 23—35.

³ Д. А. Крайнов. Указ. соч.

⁴ Крымской первобытной экспедицией руководил С. Н. Бибииков. В составе Бахчисарайского отряда работали Д. А. Крайнов и М. Б. Бохина.

Необходимо было выяснить количество культурных наслоений и отыскать пещеру, где жили обитатели стоянки. С этой целью мы заложили несколько раскопов: раскоп I (20 кв. м) — у южного края, раскоп II (4 кв. м) — в 7 м к северу от первого, раскоп IIa — около южной стенки второго. Кроме основных раскопов, были заложены шурфы в так называемой Нижней пещере (2 × 2 м) и у подножия отвесной стены балки в 11 м к северу от раскопа II (1,5 × 1,5 м). Всего в 1957 г. вскрыто около 41 кв. м. Во всех раскопах прослежена сравнительно одинаковая стратиграфия геологических наслоений и залегания культурных остатков (рис. 4):

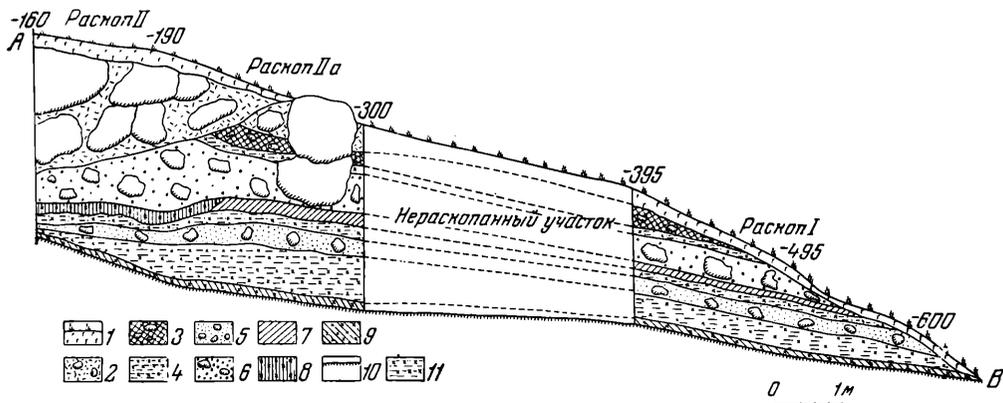

Рис. 4. Бахчисарайская стоянка. Профиль восточной стенки раскопов I, II и IIa.

1 — дерн; 2 — перекопанная почва (яма) с крупными камнями; 3 — желтоватый суглинок с мелкими камнями; 4 — рыжеватый суглинок с находками кремня; 5 — серо-желтый суглинок с камнями; 6 — серо-желтый суглинок с мелкими и крупными камнями; 7 — темно-зеленый (цементный) слой; 8 — чернозольный слой; 9 — слой с находками («цементного цвета»); 10 — скала-материк; 11 — серовато-желтый суглинок с находками кремня.

1—2. Под дерном и темным почвенным слоем находился сравнительно рыхлый желтоватый суглинок с включениями щебенки и мелких камней.

3. Ниже залегала тонкая прослойка (от 10 до 18 см) рыхлого, без примесей, рыжеватого суглинка с находками кремней и костей животных.

4. Еще ниже — довольно мощный слой серовато-желтого суглинка с большим количеством крупных и мелких камней и щебенки. Этот слой значительно плотнее предыдущих.

5. Далее — не везде одинаково — прослеживалась тонкая прослойка зеленоватого (чистого) суглинка, сходного по цвету с цементом.

6. Ниже опять залегала тонкая прослойка рыжеватого суглинка с находками кремней и костей животных.

7. Под этой прослойкой вскрыт довольно мощный слой серо-желтого суглинка с большим количеством мелких и крупных камней.

8. Ниже обнаружен серовато-желтый плотный суглинок с редкими включениями камней и щебенки. На дне была прослойка зеленоватой окраски (цвета цемента), которая непосредственно залегала на материковой скале известняка. В этом плотном слое суглинка и зелено-серой прослойке встречено много кремневых поделок и раздробленных костей животных.

Такое чередование было общим для всех раскопов, но мощность отложений и толщина отдельных наслоений — неодинаковы: чем ниже к южному краю стоянки, тем меньше толща наносов; в раскопе II она достигала 3,5 м, а в раскопе I — 0,3 м. Следует отметить большую мягкость слоев во втором и особую плотность их в первом раскопе. Возможно, окраска того или иного

слоя зависела от степени насыщенности его разложившимися известняками и от разного происхождения отдельных наслоений. По-видимому, наносы склона отложились под влиянием различных процессов: смывов почвы с верхнего плато весенними и дождевыми водами; осыпей обломков скал, камней и щебенки; эоловых наносов и т. д.

В толще наслоений прослежены 3 культурные прослойки с находками кремней и костей животных. По характеру и глубине залегания, различной толще и находкам прослойки отличаются друг от друга.

Верхняя культурная прослойка мощностью от 0,1 до 0,4 м вскрыта в рыхлом рыжевато-суглинке, залегавшем на разной глубине. Находки в ней немногочисленны. Собрано 180 кремневых осколков и орудий и небольшое количество раздробленных костей животных. Из общей массы кремней можно выделить 60 орудий и обломков их. Основную группу орудий составляют остроконечники (9 экземпляров). Пять из них сделаны на треугольных и подтреугольных отщепах, а четыре — на узких и широких асимметричных отщепах, сколотых с дисковидных нуклеусов. Техника изготовления — мустерская. Все остроконечники имеют вторичную обработку краев (иногда и острых концов) тонкой плоской ретушью. Обращает на себя внимание совершенство этой ретуши, нанесенной тонкими заломами или фасетками. На нескольких остроконечниках ретушь сделана по одному краю со спинки, а по другому — с брюшка (рис. 5—4), на остальных же — только по одному краю. Встречен остроконечник с плоской ретушью по всему брюшку на остром конце, приближающийся к солютрейским. Найдены и миниатюрные остроконечники на треугольных отщепах. Размеры этих орудий различны: длина — от 3 до 7 см, ширина — от 2 до 4,8 см.

Встречены 3 скребла, но среди них нет орудий классических форм. Сделаны они на продолговатых широких отщепах и массивных осколках и по одному краю оформлены крутой ретушью. Длина их — от 4,4 до 5 см, ширина — от 2,8 до 3,7 см. Скребоквидных орудий найдено 6 экземпляров. Они сделаны на широких продолговатых отщепах или на сколах подтреугольной формы. Длина их колеблется от 4 до 6,8 см, ширина — от 3,1 до 3,5 см. Рабочие края оформлены тонкой или крутой ретушью с брюшка или спинки. Одно скребковидное орудие на треугольном отщепе имеет на углу левого края резовый скол и далее по всему краю — крутую ретушь со спинки, а по правому краю — глубокую выемку с брюшка. Размеры орудия — 4,3 × 3,3 см.

Некоторые из скребковидных орудий напоминают высокие узкие скребки. Рабочая часть их оформлена сколами.

Скребки (высокие и средние) — на округлых сколах, рабочие края их — с крутой ретушью. Они приближаются к верхнепалеолитическим скребкам (рис. 5—5).

Скобели (с одной и двумя выемками) встречены в 3 экземплярах. Сделаны они на осколках неправильной формы, длиной от 3,5 до 6 см, шириной от 3,3 до 3,5 см. Выемки — или с брюшка, или со спинки, выявлены хорошо. Кроме того, найдена узкая пластинка (3,6 × 1,5 см) с двумя небольшими выемками по левому краю с брюшка.

Довольно обширную группу (10 экземпляров) составляют пластинчатые отщепы и пластинки, большинство которых служило ножами. Размеры колеблются: длина — от 2,9 до 8,8 см, ширина — от 1,8 до 4 см. Некоторые из этих орудий имеют тонкую заостряющую ретушь по одному краю; на некоторых экземплярах эта ретушь доведена до совершенства нанесением правильных отлогих фасеток. Среди пластинчатых отщепов начинают встречаться узкие пластинки, напоминающие верхнепалеолитические (рис. 5—8, 9). Характерен обломок узкой ножевидной пластинки с тонкой ретушью по правому краю со спинки и небольшим резовым сколом

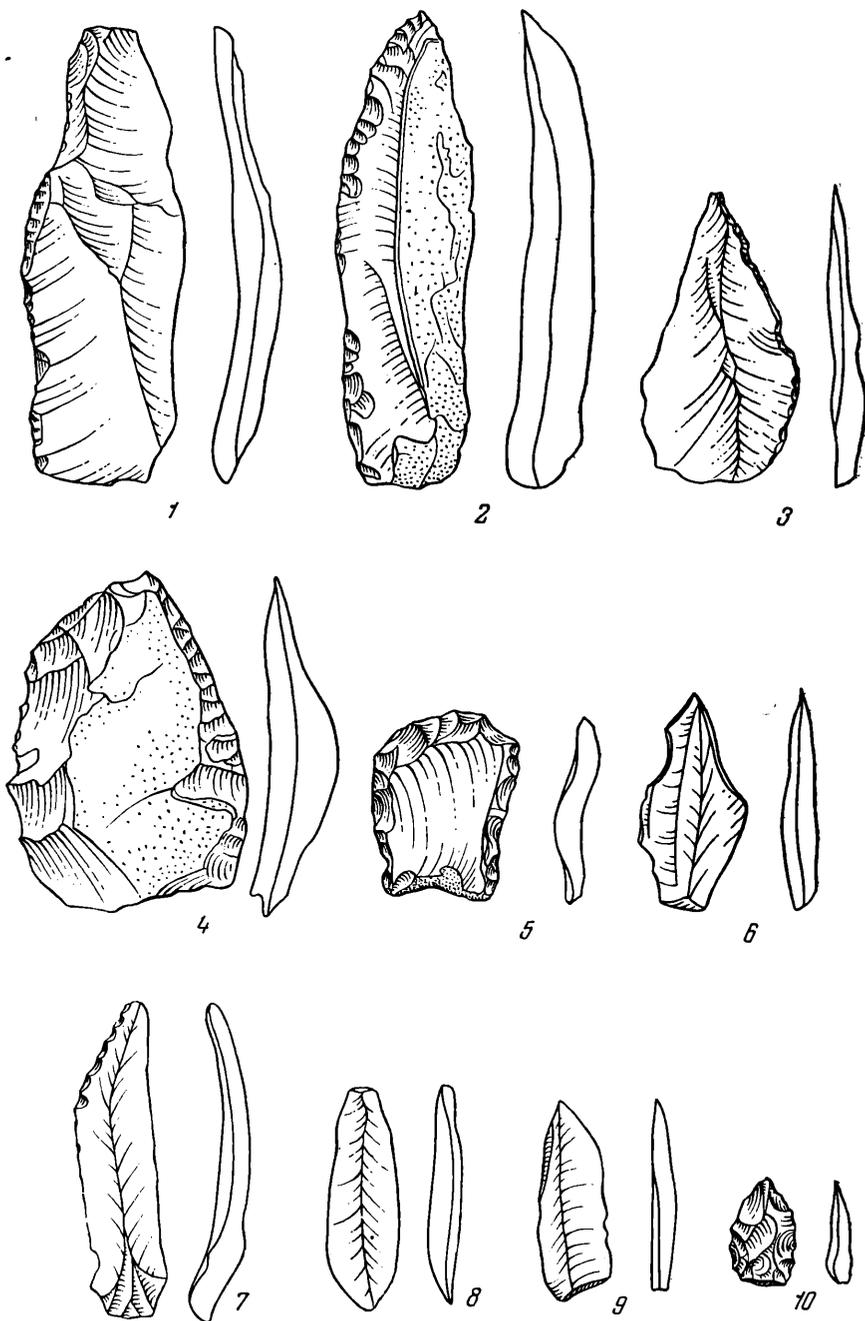

Рис. 5. Бахчисарайская стоянка. Кремневые изделия.

1 — ножевидная пластинка; 2—4 — острокопечники; 5 — скребок; 6 — острие; 7—9 — пластинки; 10 — микроострокопечник.

на углу левого края с брющка. Другая узкая пластинка — острие; часть ее правого края оформлена ретушью и выколами, а на конце левого края со спинки нанесен резцовый скол.

Следует отметить находку в этой прослойке двух небольших рубилец. Одно из них ($3,6 \times 2,9$ см) — на овальном уплощенном отщепе, обработанном сколами со всех сторон; другое ($6,4 \times 4$ см) — на подтреугольном, довольно массивном отщепе с толстым основанием. Сколы идут с брющка и спинки, с подправкой краев и с брющка, и со спинки.

Встречены также обломки орудий и осколки со следами обработки (около 16 экземпляров), нуклеус продолговатой формы ($7,4 \times 3,7$ см, толщиной 3 см), из черной кремневой конкреции, и свыше 105 разнообразных кремневых осколков больших и малых размеров. Кремень — главным образом светло-серого тона, но встречается черный, голубой и желтоватый.

Кроме того, найдены обломки железистых конкреций, кости животных в очень фрагментарном состоянии и несколько раковин моллюска *Helix vulgaris*.

Средняя культурная прослойка обнаружена на различной глубине в серо-желтом суглинке небольшой мощности и в некоторых местах прослеживалась слабо. Мощность ее — 10—15 см. В различных раскопах собрано 175 кремневых орудий и осколков, кости животных, куски железняка, раковины *Helix vulgaris*, обломки древних раковин, белемниты и нуммулиты.

Кремень — разного цвета, преобладают светлые тона (голубой, розовый, светло-серый), но встречаются кремни черного и темно-серого цвета. Много осколков конкреций. Из 175 кремней — около 50 орудий и отщепов со следами обработки.

Основную массу орудий составляют остроконечники (около 20). По форме, технике выделки и функциональной значимости они различны. Семь остроконечников сделаны на треугольных широких и узких (плоских с одной стороны) отщепах разной величины — длиной от 4,4 до 8,5 см, шириной от 1,6 до 5 см. Среди них есть остроконечники классической формы, как, например, остроконечник ($8,5 \times 5$ см) на треугольном массивном отщепе с плоским брющком и выпуклой спинкой. Оба края и острый конец обработаны крутой ретушью со спинки. Кремень — светло-серый (рис. 6—1).

Все остроконечники на треугольных отщепах имеют вторичную обработку краев. Ретушь идет по двум или по одному краю со спинки, крутая или отлогая, иногда и с брющка, и со спинки (рис. 5—3). Пять остроконечников сделаны на подтреугольных отщепах. Их длина — 4,5—6,2 см, ширина — 2,7—3,5 см. Они, так же как и первые, имеют вторичную обработку. Ретушь на них еще тоньше. Один из остроконечников этого типа (длиной 3,7, шириной 2 см) сделан на подтреугольном небольшом отщепе, по правому краю его идет отлогая ретушь, а по левому — крутая со спинки; кроме того, по левому краю к острому концу — резцовый скол. Три остроконечника сделаны на асимметричных подтреугольных отщепах. Длина их — от 3,6 до 5,4 см, ширина — от 2 до 2,5 см. По одному из краев — или правому, или левому — идет тонкая ретушь со спинки.

Встречены и другие формы, как, например, прекрасный остроконечник на длинной узкой трехгранной пластинке ($9,7 \times 2,8$ см). Острие его обработано отжимной (солотрейского типа) ретушью по обеим граням спинки. По левому краю нанесена отличная заостряющая ретушь. Правая грань спинки покрыта коркой. Кремень — черный, хорошего качества (рис. 5—2). Обнаружен также и микроостроконечник на треугольном отщепе ($2 \times 1,2$ см). По всей спинке идет плоская ретушь, а на основании — поперечные сколы с брющка. Подобные сколы на основаниях остроконечников

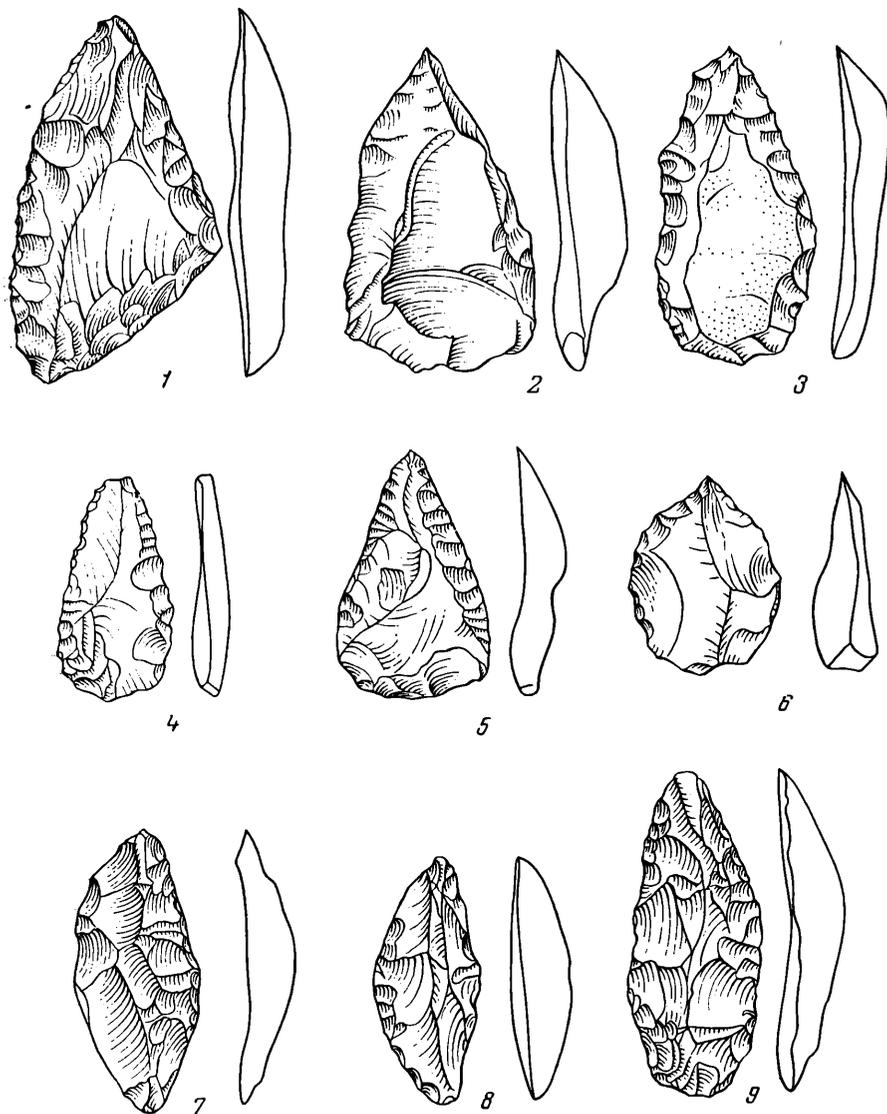

Рис. 6. Бахчисарайская стоянка. Кремневые изделия.

1—9 — острокопечники.

наблюдались в ряде случаев (рис. 5—10). Три острокопечника мы назвали рубильцеобразными. Два из них сделаны на подтреугольных осколках размерами от 4,4 до 5,6 см в длину и от 3,5 до 4 см в ширину. Оба они обработаны сколами и со спинки, и с брюшка. Третий экземпляр (7,3 × 4,8 см) несколько отличается: он на широком овальном, удлиненном отщепе с заостренными концами, брюшко плоское; в отличие от предыдущих, спинка выгнута; обработан острокопечник двусторонними сколами по спинке, краям и брюшку, а по нижнему концу с брюшка нанесены узкие отжимные поперечные сколы. Обнаружено рубильце (4,7 × 2,6 см) на трехгранном высоком узком отщепе, обработанном с двух сторон. По плоскому брюшку нанесены небольшие сколы, а по спинке — широкие сколы;

края слегка подправлены. Встречены обломки остроконечников. Есть острие-проколка на конце узкого отщепа (рис. 5—6).

Из других поделок отметим 4 скребковидных орудия на треугольных и подтреугольных отщепах, длиной от 4 до 5,4 см и шириной от 2,7 до 4 см; рабочие края оформлены крутой или отлогой ретушью, на некоторых экземплярах она нанесена правильными, совершенными фасетками. Найдено скребло на треугольном отщепе, по одной части его правого края идет крутая фасеточная ретушь, а по другой части — отлогая острая. Размеры — 4,3—3,7 см. Встречен скребок полудуговой, низкий, на коротком отщепе (3,5 × 3 см); ретушь крутая по правому краю и округлому концу. Скобели, сделанные на осколках и отщепах неправильной формы, обнаружены в количестве 4 экземпляров; длина их — 3,5—14,5 см, ширина — 3,3—8,5 см. Есть скобели с одной и с четырьмя выемками, которые нанесены или с брющка, или со стенки. Некоторые скобели имеют, кроме выемок, ретушь, — по-видимому, для затупления.

Найдены широкие длинные пластинки с ретушью по одному краю (рис. 5—1). Встречены 4 узкие пластинки палеолитического облика, длиной от 2 до 5,7 см и шириной от 1,2 до 2,1 см; тонкая ретушь нанесена по одному из краев спинки; среди них есть также пластинки с ретушью по скошенному краю (рис. 5—7). Кроме того, в числе находок имеются: 4 пластинчатых отщепа длиной от 2,4 до 6,2, шириной от 1,2 до 2,8 см; по одному краю идет прекрасная, тонкая ретушь; 2 продолговатых трехгранных отщепа с тонкой ретушью по краям, с брющка и со спинки (3,5 × 3 см); 6 осколков со следами обработки и 122 осколка разного размера. Найден только один поддисковидный нуклеус овальной формы с остатками корки на утолщенном конце. Размеры его — 4,2 × 4, толщина — 2,1 см.

Большая часть находок средней прослойки обнаружена в раскопах II и IIa, где они встречались «гнездами», а в раскопе I были рассредоточены. Кремь — различных цветов, но преобладает светло-серый. Следует упомянуть, что в раскопах II и IIa на глубине 2,5—2,68 м был прослежен темный слой с углями и золой. Толщина его — около 18 см. На глубине 2,6 м в юго-восточном углу раскопа II обнаружена часть кострища, уходящего в стенку. Толщина его — 5 см. В темнотом слое встречено больше всего находок (кости и кремни). Слой здесь был очень мягкий. В раскопе IIa в северо-восточном углу залегал темный слой с золой и угольками; прослеживался он на глубине 1,95—2,15 м. В раскопах II и IIa встречены, кроме углей, жженые кости и кремни, побывавшие в огне, что указывает на присутствие здесь кострища. Размеры кострища не были определены, так как вскрыта только часть его.

Нижняя культурная прослойка мощностью от 0,2 до 0,5 м залежала непосредственно над материковой скалой в сероватом (а по низу — «цементного» цвета) суглинке. В отличие от верхних наслоений, этот суглинок был более плотным и твердым; в нем почти отсутствовали крупные камни и щебенка. При раскопках в квадратах 1г и 16 встречены отдельные угольки, а в квадрате 1г на глубине 1,8 м прослежено темное пятно овально-округлой формы, диаметром 0,6 и 0,45 м и толщиной 8—10 см, — очевидно, остатки кострища. Оно довольно ярко выделялось на фоне серовато-желтого суглинка. Здесь найдено несколько древесных угольков. Дальнейшее исследование показало, что внизу пятно суживается до размеров 0,5 × 0,25 м. По-видимому, тут была небольшая ямка, заполненная темной золистой почвой. Ямка начиналась с поверхности нижней культурной прослойки и кончалась на ее дне. Вокруг ямки было много находок кремня и раздробленных костей животных.

Число находок в нижней культурной прослойке значительно превышает количество их в предыдущих слоях. Собрано около 1000 кремневых орудий и осколков, большое количество раздробленных костей животных, окатан-

ные гальки, куски пиритового железняка, обломки древних раковин, белемниты, нуммулиты, морские раковины и пр. Все эти находки встречались и отдельными экземплярами, и скоплениями. Кости животных обнаружены сильно раздробленными и в плохом состоянии. Среди кремней оказалось много разнообразных орудий.

По количеству первое место занимают остроконечники различных форм и размеров; их найдено свыше 50 экземпляров. Преобладают остроконечники, сделанные из плоских отщепов треугольной и подтреугольной форм, от 2,9 до 7,3 см длиной и от 2,4 до 4,4 см шириной (рис. 6—2, 4, 6). Почти все они имеют вторичную обработку в виде сколов и ретуши по краям и основаниям. Ретушь, крутая либо отлогая, нанесена по одному краю (со спинки или с брюшка) или по обоим, но встречаются экземпляры с частичной ретушью и по одному, и по двум краям. Ретушь — фасеточная, заломами и тонкая, отлогая. Отщепы сколоты с дисковидных нуклеусов. Среди этих остроконечников следует особо отметить 2 экземпляра классической мустьерской формы. Первый из них (7,3 × 3,3 см) сделан из треугольного плоского отщепа; по средней части спинки осталась корка, по краям и острому концу нанесена ретушь со спинки (рис. 6—3); кремь — беловато-голубой. Второй экземпляр (5 × 3,5 см) также сделан из треугольного отщепа. Его края и острый конец оформлены прекрасной фасеточной ретушью, нанесенной со спинки; основание подтесано сколами; кремь — черный (рис. 6—5).

Многие остроконечники сделаны на продолговатых отщепах различной величины, подтреугольных, асимметричных очертаний. Длина их — от 3,5 до 7 см, ширина — от 1,5 до 4 см. Чаще один из краев оформлен типичной мустьерской ретушью или с брюшка, или со спинки, а иногда — и оба края. Большинство орудий этого вида служило ножами, но некоторая часть (уплощенные) могла быть наконечниками дротиков. Часть остроконечников на изогнутых отщепах, возможно, употреблялась в качестве ножей или скребел. Особо следует отметить 3 ладьевидных остроконечника с двумя острыми концами, плоским брюшком и ребристой, высокой, изогнутой спинкой; края и спинка обиты небольшими сколами, с брюшка одного из них также идут сколы (кроме его центральной части). Размеры этих остроконечников — 6,3 × 2,5 см и 7,1 × 3 см. Кремь — черный и розоватый (рис. 6—7—9). Подобная форма орудий встречена на стоянке Староселье⁵.

Несколько особняком стоят 2 микроостроконечника. Сделаны они на небольших треугольных отщепах с частичной ретушью по правому краю (со спинки) и с выколами — по левому⁶. Размеры их — 2,5 × 2 см и 2,5 × 1 см. Подобные орудия встречены в нижнем слое стоянки Сюрень I⁷.

В нижнем слое найдены заготовки и обломки остроконечников, что указывает на их изготовление здесь, на месте. Кроме того, обнаружено 6 небольших орудий с двусторонней обработкой, напоминающих рубильца из Киик-Коба. Эти грубо обработанные орудья сделаны из треугольных и продолговатых отщепов и кусков кремня (рис. 7—2); длина их — 3,2—6,9 см, ширина — 2—4,6 см, толщина — 1,5—2 см. Со спинки они обиты мелкими, а с брюшка широкими сколами. Есть рубильца на подтреугольных отщепах, обитых мелкими сколами и с брюшка и со спинки, и

⁵ А. А. Формозов. Исследования стоянок каменного века в Крыму в 1952 г. КСИИМК, вып. 54, 1954, стр. 62—70; его же. Новые данные о палеолитическом человеке из Староселья. СЭ, 2, 1957.

⁶ Возможно, они относятся к верхним слоям.

⁷ Е. А. Векилова. Стоянка Сюрень I и ее место среди палеолитических местонахождений Крыма и ближайших территорий. МИА, № 59, 1957, стр. 270, рис. 19, 3; стр. 271.

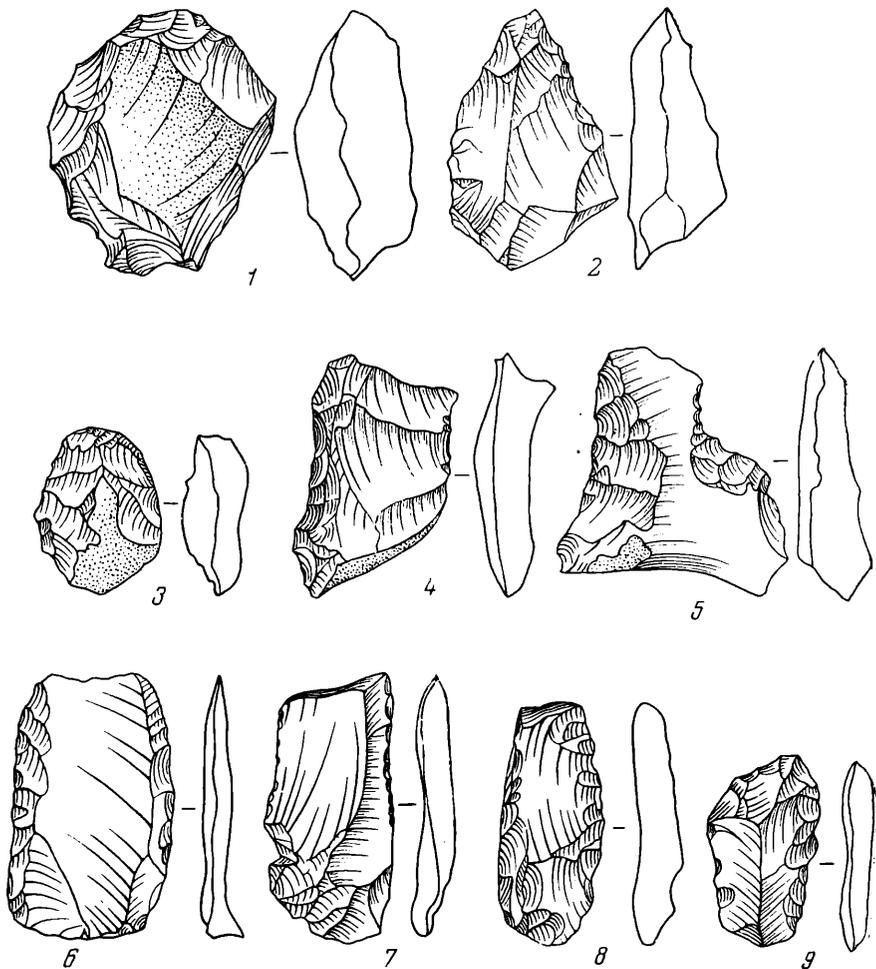

Рис. 7. Бахчисарайская стоянка. Кремневые изделия.

1 — нуклеус; 2, 3 — рубильца; 4, 5 — скребла; 6, 7 — ножи на пластинах; 8, 9 — скребловидные орудия.

миниатюрные овально-вытянутой формы, с мелкими сколами с брюшка и с спинки (рис. 7—3). По технике обработки к рубильцам можно отнести и 2 рубильцеобразных остроконечника.

Из других орудий значительную группу составляют скреблы (14 экземпляров), сделанные на осколках и отщепках различной величины. Встречаются скреблы с одной и с двумя, а также со многими выемками. На одних скреблах выемки оформлены по краям ретушью, а на других — сколами; на некоторых из них по краям имеется частичная притупляющая ретушь. Длина этих орудий — от 4 до 6 см, ширина — от 2,4 до 3,8 см.

Близки к скреблам скребловидные орудия. Обнаружены они в количестве 14 экземпляров⁸ (рис. 7—4, 5, 8, 9). Из них только три могут быть отнесены к собственно скреблам, но и они не имеют правильных, классических мустьерских форм. Следует упомянуть скребло-скребель на подтреугольном массивном отщепе длиной 5,3 см и шириной 4,7 см. Его

⁸ По-видимому, часть остроконечников служила скреблами.

боковые края обработаны ретушью и сколами, заходящими на спинку. Характерно скребло на массивном треугольном отщепе ($5,6 \times 3,1$ см), с крутой ретушью по правому краю со спинки и частичной обработкой основания. Есть обломок крупного скребла ($4,8 \times 5$ см) с крутой ретушью по правому краю. Остальные скорее можно назвать скребковидными орудиями. По форме и обработке они различны: сделаны на продолговатых отщепах, на нуклеовидных осколках, на треугольных отщепах и пр.; длина — от 3,2 до 7 см, ширина — от 1,6 до 3,7 см; имеют частичную или полную ретушь по одному из краев или по широкому концу; форма таких орудий случайна. Среди них следует особо упомянуть одно, сделанное на конце узкого трехгранного отщепа. Скошенный узкий рабочий конец обработан крутыми сколами и напоминает по форме высокий скребок. Длина орудия — 5 см, ширина — 1,6 см.

Значительную группу составляют всевозможные ножи, найденные в количестве 16 целых экземпляров и 11 обломков. Сделаны они на краях широких и узких пластинчатых отщепов, пластин, подтреугольных отщепов и осколков; длина их колеблется от 3,6 до 9 см, ширина — от 2 до 5,5 см. Все они имеют вторичную обработку в виде ретуши по одному или двум краям с брюшка и спинки либо только со спинки. Среди этих орудий встречаются более характерные. Таков, например, нож (длина — 7,6 см, ширина — 2,8 см) на узкой продолговатой пластине. Края и острый конец обработаны крутой ретушью, левый край — со спинки, а правый — с брюшка. Другой нож сделан на прямоугольном широком продолговатом отщепе (длина — 6,6 см, ширина — 3,8 см). Ретушь нанесена по обеим краям со спинки. На правом краю она крутая — притупляющая, а на левом отлогая — заостряющая (рис. 7—6). Большая часть ножей на пластинах и пластинчатых отщепах имеет прямое лезвие, а меньшая — скошенное или округлое. Для последней формы характерен округлый нож на большом широком овальном отщепе (длина — 7,5 см, ширина — 5,5 см). Правый край обработан отлогой заостряющей ретушью со спинки, а левый — частичной ретушью с брюшка. К категории ножей также следует отнести пластинчатые отщепы и их обломки, имеющие частичную ретушь и следы работы (выколы, нарезки и пр.) на острых краях (рис. 7—7). Таких отщепов и их обломков собрано 23 экземпляра. Размеры их: длина — от 1,8 до 7,2 см, ширина — от 1 до 3,3 см.

Наряду с пластинами и отщепами мустьерского облика найдено 9 узких пластинок и их обломков, напоминающих по форме верхнепалеолитические. Некоторые из них трехгранные. Длина пластинок — от 4,2 до 7,6 см, ширина от 1,3 до 2,8 см. Следует отметить находку двух острий на узких асимметричных пластинчатых отщепах, размеры которых — $2,7 \times 1,1$ см и $4,6 \times 2,3$ см. Кроме того, найдено 50 осколков кремня со следами обработки, различных по величине, 746 кремневых осколков и отщепов разных размеров (малые, средние и крупные), мелких чешуек, микроосколков и 6 нуклеусов дисковидной и поддисковидной формы, длиной 4,4—6 см, шириной 3,6—5,4 см и толщиной 2—3 см. Из них только один приближается к классической дисковидной мустьерской форме (рис. 7—1).

Основным материалом для изготовления орудий служил кремень светло-серого цвета (около 60%). Примерно 30% поделок изготовлено из темно-серого кремня. Встречался черный кремень (из конкреций, добываемых здесь на месте) и голубой. Кремень желтого, коричневого, розового и белого цветов найден в единичных экземплярах.

Кроме кремневых изделий, попадались крупные обломки древних раковин, добытые обитателями стоянки здесь же, в известняковых скалах. Некоторые раковины носят следы преднамеренной обработки: путем обивки

и сколов им приданы формы остроконечников и скребел. Судя по большому числу обломков раковин, они широко использовались обитателями для изготовления орудий. По-видимому, для каких-то целей служили и белемниты, найденные в этом слое. Из других находок следует отметить небольшую окатанную гальку и несколько крупных естественных кусков железняка. Последние могли применяться для высекания огня. Добывались они в виде конкреций в известняковых скалах.

По сравнению с верхними культурными прослойками, в нижней встречено большее количество костей животных, но все они — очень плохой сохранности и сильно размельчены; определимых костей мало. Лучше сохранились зубы, по которым можно судить о составе фауны. Предварительное изучение позволяет установить наличие костных остатков дикого быка, дикого осла, сайги, слона и, возможно, дикой лошади.

Прежде чем делать выводы о дате Бахчисарайской стоянки, кратко коснемся вопроса о постоянном месте обитания ее жителей. В 1940 г. при первоначальной шурфовке стоянки мы наметили место пещеры около нагромождения скал в 15 м к северу от шурфа 1940 г. Однако раскопки 1957 г. не подтвердили это предположение. Шурфовка пещеры, расположенной в 15 м ниже южного края стоянки, также не дала существенных результатов. Шурф, заложенный в 11 м к северу от раскопа II у подножия верхнего скалистого уступа, позволил обнаружить часть входа в древнюю засыпанную пещеру. Длина ее — 9 м, ширина — около 4 м. По-видимому, она и была постоянным местом обитания жителей стоянки. Без дальнейших раскопок пещеры трудно установить достоверность залегания прослеженных нами культурных прослоек, а также сделать окончательное заключение о датировке. Но все же некоторые предварительные выводы можно наметить и сейчас.

Прежде всего встает вопрос о одновременности или одновременности обнаруженных трех культурных прослоек. Не исключена возможность, что все они одновременны и являются результатом осыпи культурных отложений из пещеры, обнаруженной нами у подошвы верхнего скалистого уступа⁹. Однако и условия залегания, и характер кремневой индустрии дают некоторые основания говорить о одновременности этих прослоек. Во-первых, на всей раскопанной площади наблюдалась одна и та же последовательность в расположении геологических и культурных наслоений. Во-вторых, обнаружение в раскопах II и III остатков кострища и мягкого золистого слоя в средней культурной прослойке, а под ней — мощного нижнего культурного слоя на большой глубине, с многочисленными культурными остатками (жжеными костями и кремнями) заставляет предполагать одновременность этих слоев и залегание их *in situ*. Особенно это касается нижнего культурного слоя. Его мощность, количество находок, плотность и, наконец, угли и «очажная ямка» свидетельствуют о первоначальном залегании.

Сопоставление кремневых орудий и отщепов из верхних и нижней прослоек позволяет установить некоторую разницу в типах и технике выделки орудий. Наблюдается различие в составе и цвете кремня. В верхних прослойках процент цветного кремня выше и очень невелик процент темного и черного кремня. Правда основные орудия, встреченные в верхних и нижней прослойках, почти не отличаются друг от друга и относятся к мустьерскому времени, но в орудиях из верхних прослоек наблюдаются более поздние черты. Встречены остроконечники с подтеской брюшка — прообразы наконечников солютрейского типа. Обнаружены пластинки и остроконечники, оживленные резцовыми сколами, остроконечники на

⁹ Находки в верхних прослойках раковин *Helix vulgaris* могут указывать на их вторичное залегание.

узких пластинок верхнепалеолитического облика, остроконечники типа клинков и близкие остриям типа шательперрон. Найдены прообразы верхнепалеолитических скребков и микроостроконечники. К тому же в верхних прослойках обнаружены пластинки, сколотые с призматических нуклеусов, и встречен один подпризматический нуклеус. Наконец, следует отметить совершенство ретуши и технику обработки орудий. Все эти признаки сближают орудия из верхних слоев Бахчисарайской стоянки с материалами таких памятников мустьерской эпохи Крыма, как Чокурча¹⁰, верхний слой Волчьего Грота¹¹, Шайтан-Коба¹², Староселье¹³, и другими поздними мустьерскими памятниками.

Типы орудий нижнего слоя и техника их обработки (классической формы остроконечники, дисковидные нуклеусы, скребла, полное отсутствие резцов, редкие находки орудий с резцовыми сколами и т. д.) отличаются от находок верхних прослоек. Поэтому нижний слой можно датировать более ранним временем.

Без дальнейших раскопок еще трудно дать окончательную датировку стоянки в целом, но приведенная выше характеристика кремневого инвентаря, а также условия залегания позволяют датировать верхние прослойки временем позднего мустье, а нижнюю — временем развитого мустье, во всяком случае старше, чем стоянка Староселье, расположенная в 0,5 км от Бахчисарайской. Геологические данные не противоречат этому заключению. По схеме Н. И. Николаева, Бахчисарайская стоянка приурочивается к третьей надпойменной террасе или, иначе, к миндель-рисскому террасовому уступу. Высота Бахчисарайской стоянки над дном долины — 36 м, а Староселья — всего 11 м. Палеонтологические данные также подтверждают нашу датировку. Фауна стоянки относится к так называемой хозарской фауне, по В. И. Громову, и соответствует миндель-рисскому межледниковью, т. е. относительно теплomu времени, что не противоречит ее датировке эпохой среднего мустье.

Раскопки Бахчисарайской мустьерской стоянки в 1940 и 1957 гг. уже дали свыше 3000 кремней и осколков, из них — около 500 орудий. Вскрыта незначительная площадь стоянки — 41 кв. м, тогда как по нашим подсчетам она равняется 600 кв. м. Верхние слои в дальнейшем, возможно, дадут материалы, близкие находкам из нижнего слоя Сюрени I, где встречены остроконечники мустьерской формы¹⁴. В Крыму известно более 10 мустьерских памятников, и уже сейчас начинает вырисовываться картина постепенной смены мустьерских форм верхнепалеолитическими типа Сюрени I.

¹⁰ Н. Л. Эрнст. Четвертичная стоянка в пещере у дер. Чокурча в Крыму. Труды II Международной конференции АИЧПЕ, вып. V, М., 1934.

¹¹ О. Н. Бадер. Исследование мустьерской стоянки у Волчьего Грота. КСИИМК, вып. VIII, 1940, стр. 90—96.

¹² Г. А. Бонч-Осмоловский. Шайтан-Коба, крымская стоянка типа Абри-Оди. Бюллетень КИЧП, № 2, 1930.

¹³ А. А. Формозов. Указ. соч.

¹⁴ Е. А. Векилова. Указ. соч., стр. 271.

И. И. АРТЕМЕНКО

ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ НЕОЛИТА И БРОНЗОВОГО ВЕКА
ВЕРХНЕГО ПОДНЕПРОВЬЯ¹

Памятники эпохи неолита и бронзового века в бассейне Верхнего Днепра оставались до сих пор почти не исследованными. Между тем они имеют исключительно большое значение для проблемы этногенеза восточных славян. Проведенные здесь в 1924—1931 гг. широкие археологические разведки² указывали на многочисленные памятники этого времени³, однако раскопки их не производились.

В 1956—1957 гг.⁴ автор обследовал известные в литературе памятники эпохи неолита и бронзового века (главным образом — последние) с целью выявить те из них, которые смогли бы стать объектом стационарных раскопок.

Всего обследовано 59 памятников (рис. 8), в том числе по рекам: Днепр — 31 (№ 1—31); Друть — 2 (№ 32, 33); Припять — 4 (№ 34—37); Птичь — 4 (№ 38—41); Сож — 12 (№ 42—53); Ипать — 6 (№ 54—59). Обследованные памятники относятся к неолиту и разным периодам бронзового века.

Неолитические памятники в бассейне верхнего течения Днепра расположены обычно на краю надпойменной террасы и в долинах рек, среди поймы, на отдельных песчаных останцах или дюнах возвышающихся над поймой на 1—3 м и более. Большинство таких возвышенностей, даже во время наибольшего повышения уровня воды в реке, не заливается.

На обследованных нами стоянках (в 10 пунктах) собраны главным образом одинаковые типы кремневых орудий и керамики. Поэтому для характеристики их можно ограничиться рассмотрением одной стоянки (№ 55) — у с. Романовичи Гомельского района, на которой найден наиболее богатый материал.

¹ По материалам разведки 1956—1957 гг.

² Работы кафедры археологии Института белорусской культуры, т. I, Минск, 1928; Работы археологической комиссии Белорусской Академии наук, т. II, III, Минск, 1930, 1932; Материалы по археологии БССР, т. I, Минск, 1957; А. Н. Лявданский. Материалы для археологической карты Смоленской губернии. Труды смоленских музеев, т. I, 1924; «Некоторые данные о каменном веке и культуре бронзовой эпохи в Смоленской губернии». Научные известия Смоленского государственного университета, т. IV, вып. 3, Смоленск, 1927.

³ В Секторе археологии Института истории Академии наук БССР сохранилась лишь коллекция из сборов К. М. Поликарповича по р. Сож; все остальные коллекции из сборов по Днепру, Припяти, Ипать и Птичи погибли во время Великой Отечественной войны.

⁴ В 1956 г. обследование памятников производилось Белорусским отрядом Славянской экспедиции ИИМК под руководством автора, в 1957 г. — Гомельским отрядом Верхне-Днепровской экспедиции ИИМК под руководством О. Н. Мельниковской.

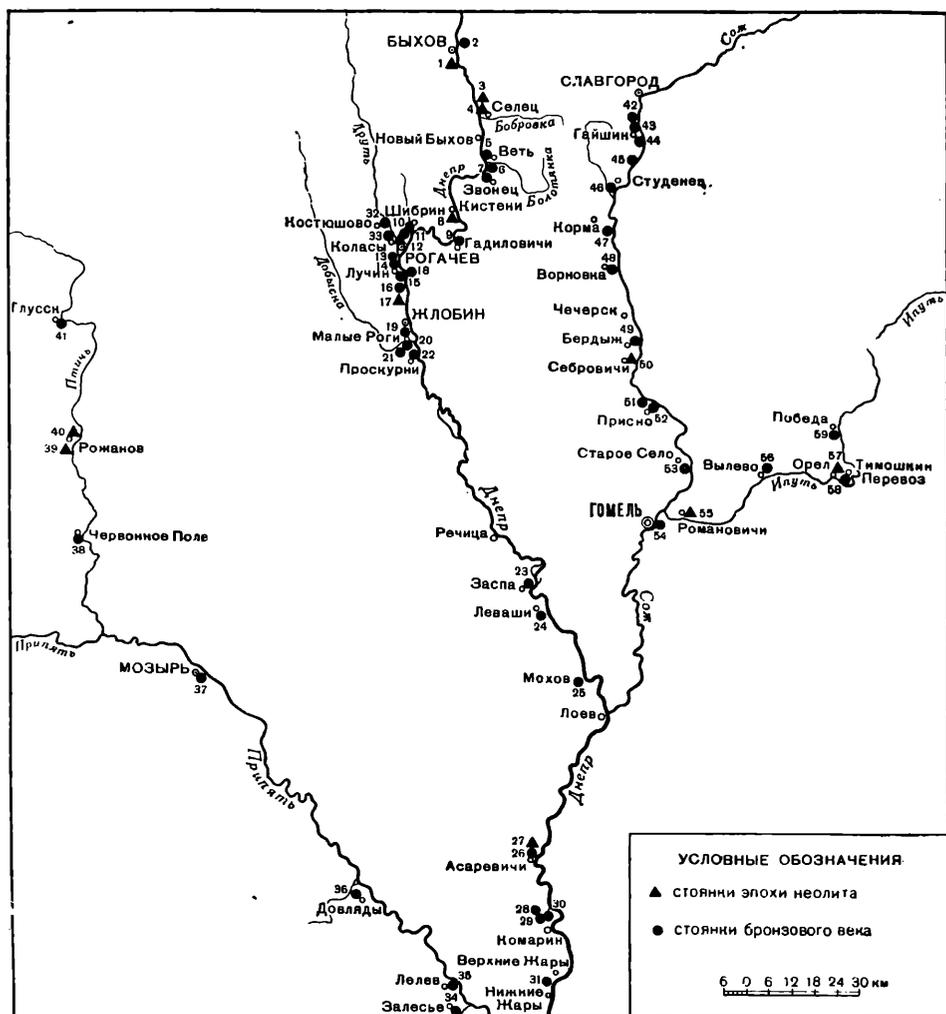

Рис. 8. Схематическая карта распространения памятников эпохи неолита и бронзового века Верхнего Поднепровья. (Разведки 1956—1957 гг.)

1 — Быхов I; 2 — Быхов II; 3 — Селец I; 4 — Селец II; 5 — Веть I; 6 — Веть II; 7 — Звонец; 8 — Кистени; 9 — Гадилевичи; 10 — Шибрин I; 11 — Шибрин II; 12 — Рогачев; 13 — Лучин, урочище Иванское; 14 — Лучин, урочище Завале; 15 — Лучин, урочище Борок; 16 — Лучин, урочище Сосенки; 17 — Красногорка; 18 — Лучин, урочище Борги Семиновский; 19 — Жлобин; 20 — Малые Роги I; 21 — Малые Роги II; 22 — Проскурни; 23 — Заспа; 24 — Леваши; 25 — Мохов; 26 — Асаревичи I; 27 — Асаревичи II; 28 — Комарин I; 29 — Комарин II; 30 — Комарин III; 31 — Верхние Жары; 32 — Костишово; 33 — Коласы; 34 — Залесье; 35 — Лелево; 36 — Довляды; 37 — Мозырь; 38 — Червоное Поле; 39 — Рожанов I; 40 — Рожанов II; 41 — Глуссн; 42 — Гайшин I; 43 — Гайшин II, урочище Чесмерична; 44 — Гайшин III, урочище Пиконария; 45 — Сапожки, урочище Колодник; 46 — Сапожки, урочище Колонник; 47 — Сапожки, урочище Колонник; 48 — Ворновка, урочище Греск; 49 — Бердыж, урочище Коканья; 50 — Себровичи, урочище Липавка; 51 — Присно I; 52 — Присно II, урочище Замостевье; 53 — Старое Село; 54 — Новобелица; 55 — Романовичи; 56 — Вылево; 57 — Орел; 58 — Тимошкин Перевоз; 59 — Победа.

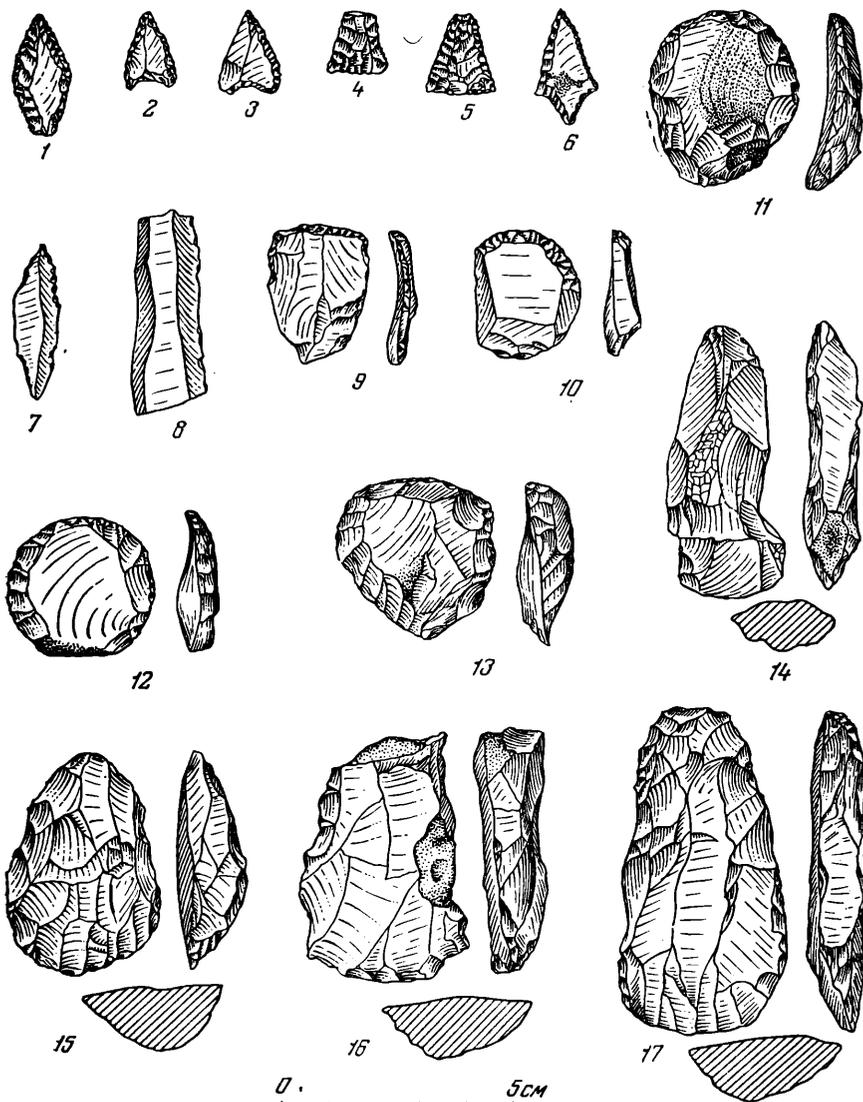

Рис. 9. Кремневые орудия.

1, 8—17 — с. Романовичи; 2; 3, 6 — с. Присно II, урочище Замостье; 4, 7 — с. Веть; 5 — с. Костюшово.

В 1889 г. впервые ее обследовал Н. Ф. Беяшевский, в 1897 г. — Е. Р. Романов⁵, в 1924 и 1925 гг. — К. М. Поликарпович⁶.

Стоянка расположена на песчаных дюнах в пойме правого берега р. Ипуть. В настоящее время большая часть дюн развеева, и культурный слой разрушен. Но еще сохранились задернованные участки, на которых, по-видимому, можно производить раскопки.

⁵ Е. Р. Романов. Археологический очерк Гомельского уезда. Записки Северо-западного отдела РГО, кн. 1, Вильна, 1910, стр. 98, 99.

⁶ К. М. Палікарповіч. Досьледы культур каменнага і бронзавага пэрыядаў у Усходняй Беларусі. Працы катэдры археалёгіі Інстытуту беларускае культуры, т. I. Менск, 1928, стр. 272.

На развеечных участках нами собрана большая коллекция кремневых орудий (около 70 экземпляров) и керамики. В комплексе кремневого инвентаря есть наконечник стрелы ромбовидной формы (рис. 9—1), скребки на отщепках (рис. 9—9—13), тонкие ножевидные пластины без ретуши (рис. 9—8), небольшие тесла (рис. 9—15—17); их корпус и округлые лезвия сформированы мелкими продольными сколами. Найдено одно желобчатое тесло (рис. 9—17). Собрано 26 небольших топориков (4—6 см), которые, видимо, вставлялись в муфту (рис. 9—14); их корпус и округлые лезвия оформлены продольными сколами, поперечное сечение — овальное или линзовидное. Этот тип топориков характерен для позднеолитических стоянок Верхнего Днепра⁷, Сожа⁸ и Десны⁹.

Керамика стоянки представлена черепками желтого и красного цветов, с примесью песка или мелкого кварца в тесте. Обжиг сравнительно хороший. Внутренние поверхности заглажены зубчатым штампом. Толщина стенок — 0,6—0,8 см. Орнамент состоит из отпечатков гребенчатого штампа в елочку, горизонтальных рядов их в сочетании с диагональными оттисками, косых вертикальных оттисков горизонтальными рядами (рис. 10—1—3). Встречен ямочный орнамент, нанесенный концом палочки, обмотанной ниткой и тонким шнуром, а также в виде рядов неглубоких круглых ямок, сделанных по типу «отступающей» лопаточки, и удлиненных ямок, нанесенных концом щепки снизу (рис. 10—5—10). Отмечен также треугольный накольчатый орнамент — линии расположены вертикальными и горизонтальными рядами (рис. 10—11). Кроме того, на стоянках у г. Рогачева, с. Кистени (р. Днепр) и с. Себровичи (р. Сож) нами найдены обломки керамики, в орнаменте которой ямки комбинируются с гребенчатым элементом (рис. 10—4).

По характеру кремневого инвентаря и типам керамики обследованные стоянки можно датировать позднеолитическим временем. Для них характерны остродонные широкогорлые сосуды, богато орнаментированные по всей поверхности.

На основании подъемного материала невозможно, конечно, выяснить материальную культуру населения позднеолитических стоянок Верхнего Поднепровья. Для этого необходимы широкие археологические раскопки. Однако следует отметить, что в комплексе керамики явно выделяются два типа. К первому относится гребенчато-ямочная или гребенчато-накольчатая (по Д. Я. Телегину) керамика, находящая аналогию в позднеолитических стоянках лесостепного Левобережья и Полесья Украины¹⁰, ко второму типу — ямочно-гребенчатая, типологически близкая керамике неолитических стоянок Волго-Окского бассейна¹¹ (встречается в верховьях Днепра и Сожа).

Памятники ранней бронзы включают подавляющее большинство (42 поселения) обследованных пунктов. Поселения расположены на

⁷ А. Н. Лявданский. Указ. соч.

⁸ К. М. Палікарповіч. Дагістарычныя стаянкі сярэдняга і ніжняга Сажа. Працы катэдры археалогіі Інстытута беларускае культуры, т. I, Менск, 1928, стр. 160, табл. X; стр. 162, табл. XI; стр. 169, табл. XIII и др.; его же. Дагістарычныя стаянкі сярэдняга Сажа. Матэрыялы абследавання 1927 г. Працы археалогічнай камісіі Беларускай Акадэміі навук, т. II, Менск, 1930, стр. 455, табл. 22; стр. 469, табл. 29; стр. 475, табл. 32, 8, 11.

⁹ И. Г. Розенфельдт. Стоянка Мыс Очкинский. КСИИМК, вып. XXXI, 1950, рис. 46—16; В. П. Левенок. Неолит верхнего участка бассейна Средней Десны. КСИИМК, вып. XXIII, 1948, рис. 28—11; Д. Я. Телегин. Неолітичні поселення лісостеповаго Лівобережжя і Полісся України. «Археологія», т. XI, 1957, рис. 6, 7.

¹⁰ Д. Я. Телегин. Указ. соч.

¹¹ А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952; М. Е. Фосс. Древнейшая история севера Европейской части СССР. МИА, № 29, 1952, гл. XVI.

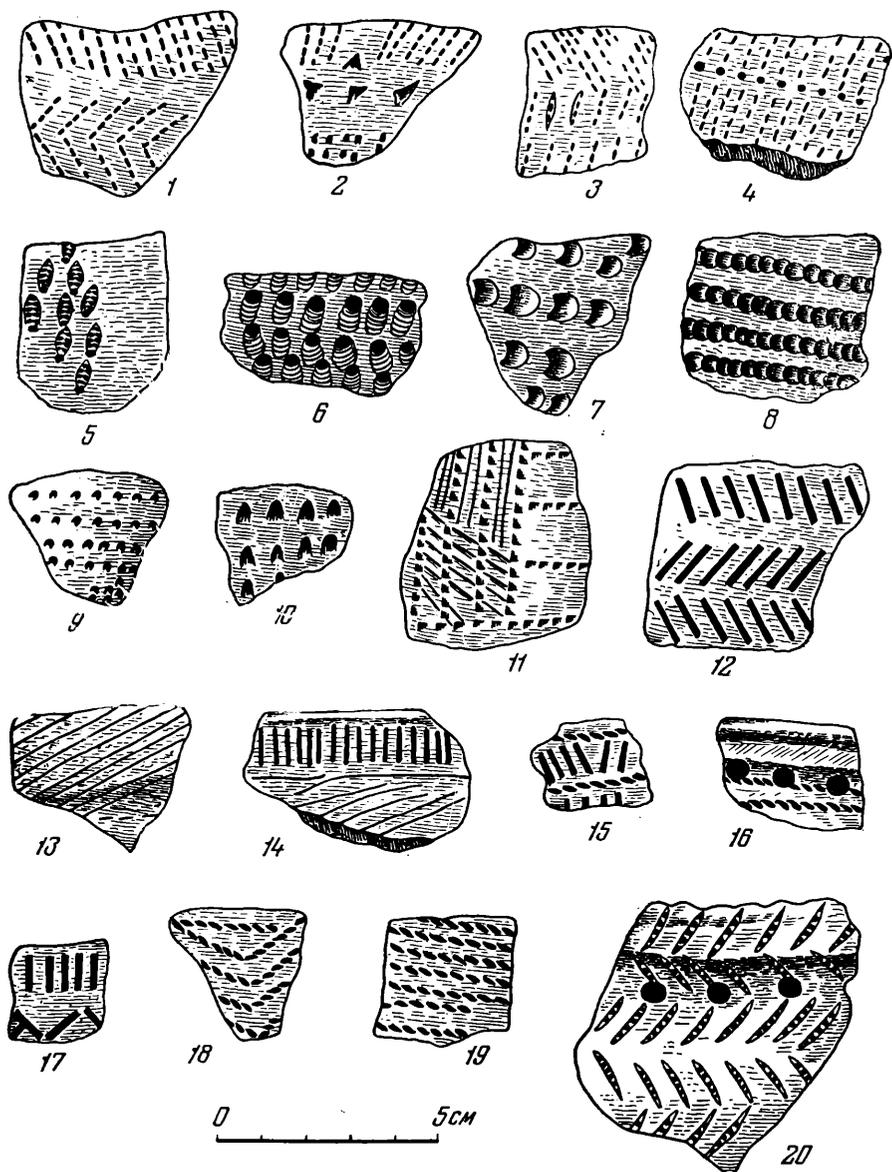

Рис. 10. Керамика эпохи неолита и бронзы.

1—3, 5—11 — с. Ромашовичи; 4 — с. Сэбровичи, урочище Липавка; 12—20 — с. Мламе Роги.

краю надпойменной террасы и в пойме, на возвышенных песчаных останцах или дюнах.

Кремневого инвентаря собрано немного. Он представлен треугольными наконечниками стрел с выемкой у основания или с прямым основанием (рис. 9—2—5), ножевидными пластинками с ретушью, скребками на небольших тонких отщепах, обломками клиновидных топориков с полировкой лезвия или всей поверхности. Сечение их линзовидное.

Основное количество находок составляет керамика, которая характеризуется некоторыми чертами орнамента поздненеолитической керамики, но формой сосудов и основными видами орнамента резко отличается от последней.

Удалось выделить две группы сосудов. К первой относятся круглодонные (или со слегка уплощенным дном), тонкостенные, хорошо обожженные сосуды; в глине — примесь песка, цвет изнутри серый или черный, снаружи — желтый, серый, коричневый. Венчики высокие, прямые, со скошенным внутрь краем. Орнаментирована обычно только верхняя часть сосуда. Орнамент состоит из тонких прочерченных линий, оттисков шнура в сочетании с короткими насечками или линейным штампом и образует широкие пояса из треугольников или елочных композиций (рис. 10—13—16, 18, 19).

Вторая группа сосудов отличается и по форме, и по орнаменту. Это плоскодонные сосуды с выпуклым туловом, прямыми венчиками, края которых закруглены или косо срезаны внутри. Толщина стенок — 0,6—0,9 см. В глине содержится примесь песка или мелкого кварца; цвет желтый, красный или коричневый; внутренняя поверхность обычно заглажена зубчатым штампом. Орнаментированы вся поверхность сосуда и дно или только верхняя часть. Орнамент состоит из оттисков шнура, линейного штампа в елочку или из рядов таких же оттисков (по 3—6), наклоненных в разные стороны (рис. 10—12, 17).

Кроме двух основных групп керамики, встречаются сосуды с гусеничным орнаментом, лапчатым, гребенчатым с валикообразным утолщением под краем и рядом глубоких ямочных вдавлений (рис. 10—20).

Обе группы керамики, насколько нам удалось проследить, встречаются вместе на всех обследованных поселениях, и их, по-видимому, можно считать одновременными. Подтверждением этого могут служить сосуды, в орнаменте которых оттиски шнура сочетаются с линейным штампом.

Посуда первой группы относится к выделенной Т. С. Пассек¹² днепро-деснинской группе керамики среднеднепровской культуры и связана с кругом культур шнуровой керамики. Сосуды второй группы сходны с раннекатакомбной керамикой порожиистой части Днепра.

Памятники ранней бронзы распространены на обширной территории. Они прослеживаются по всему Верхнему Днепру, Сожу, Десне и Припяти.

Памятники средней бронзы обследованы в 7 пунктах¹³. Они расположены на высоких мысах берегов рек¹⁴. Позднее на месте этих поселений возникли укрепленные городища раннего железного века. Находки представлены исключительно керамикой.

Интересно поселение у с. Мохов, Лоевского района, Гомельской области. Расположено оно на высоком мысу правого берега Днепра. Позднее, в раннем железном веке здесь возникло городище, относящееся к милоградской культуре. В 1955 г. во время раскопок городища О. Н. Мельниковская¹⁵ обнаружила в южной части мыса слой, относящийся к бронзовому веку. Основное количество находок этого слоя составили обломки плоскодонных сосудов красного и желтого цветов; в глине — примесь песка, обжиг хороший¹⁶. Венчики утолщенные, слабо отогнутые наружу, с косо срезанным краем. Наружная поверхность хорошо заглажена. Орнаментирована обычно вся поверхность сосуда, реже — только верхняя часть. В орнаменте наблюдается большое разнообразие: шнуровой — крупный и мелкий (рис. 11—4, 7); прочерченные линии, образующие тре-

¹² Т. С. Пассек. К вопросу о среднеднепровской культуре. КСИИМК, вып. XVI, 1947, стр. 46—48, рис. 14.

¹³ Памятники средней бронзы на карте №№ 9, 21, 25, 35, 37, 52, 56.

¹⁴ Поселения средней бронзы встречаются также и в поймах рек на песчаных останцах или дюнах. Они известны из разведок К. М. Поликарповича по р. Сож. См. Работы кафедры археологии Института белорусской культуры, т. I. Минск, 1928, стр. 179—182, 238—241.

¹⁵ Пользуюсь случаем выразить О. Н. Мельниковской глубокую признательность за предоставление материала и разрешение опубликовать его.

¹⁶ Материал хранится в Гомельском краеведческом музее.

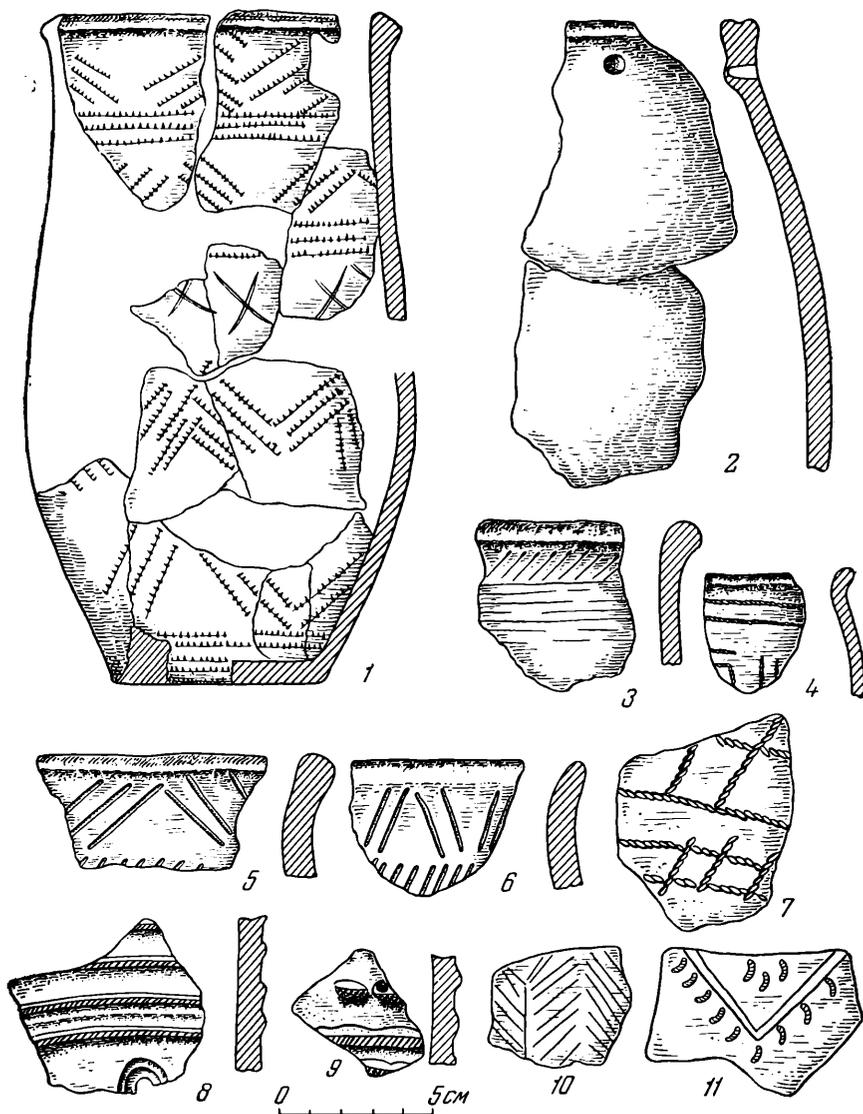

Рис. 11. Керамика эпохи бронзы.

1 — с. Горшков; 2 — с. Тимошкин Перевоз; 3 — с. Проскури; 4—11 — с. Мохов.

угольник, окаймленный короткими оттками шнура (рис. 11—11); короткие прочерченные линии в елочку (рис. 11—10); оттки линейного штампа группами, наклоненными в ряду в разные стороны, ниже — оттки линейного штампа в елочку (рис. 11—5, 6); оттки линейного штампа в елочку, зубчатого штампа в елочку и горизонтальными рядами.

Керамика Моховского поселения по форме сосудов и технике их обработки находит аналогии в керамике тшинцевкой культуры. Но в то же время она значительно отличается орнаментом, который здесь несравненно богаче и разнообразнее.

Встречается также многоваликовая керамика (рис. 11—8, 9), распространенная на довольно обширной территории. Экспедицией «Большой

Киев» Института археологии АН УССР памятники с многоваликовой керамикой обнаружены на Правобережье Днестра и Припяти, в бассейне Десны и Сейма¹⁷.

У с. Проскурни (правый берег Днестра), ниже городища (где встречается керамика эпохи средней бронзы, украшенная оттисками тонкой палочки, обмотанной ниткой или тонким шнуром), на песчаных дюнах у самой реки, среди обломков керамики раннего железного века (по-видимому, — разрушенный могильник?) найден обломок венчика (рис. 11—3), который по форме и орнаменту наиболее близок к типу керамики тшинецкой культуры.

Следует также упомянуть сосуд (рис. 11—1), найденный О. Н. Мельниковской в 1955 г. во время раскопок городища у с. Горошков, Речицкого района, Гомельской области. Сосуд обнаружен за пределами городища, на глубине 0,6 м, в пятне, которое было немного темнее окружающего его желтого материкового песка. Форма сосуда характерна для сосудов тшинецкой культуры, но он отличается от них орнаментом, состоящим из отпечатков шнура, обмотанного ниткой. Этот прием широко распространен на Верхнем Днестре и появляется уже на керамике ранней бронзы.

Аналогичная керамика известна из поселений средней бронзы у с. Гадилевичи, Рогачевского района, Гомельской области¹⁸, у с. Лебедивка, Верхне-Дубичанского района (левый берег Днестра), у с. Вита-Литовская, Киевской области (правый берег Днестра)¹⁹; на правом берегу Припяти, у с. Янивка, Чернобыльского района, Киевской области²⁰; в урочище Казаргац под Туровом и у с. Слепцы, Туровского района, Гомельской области²¹; у с. Небель, Заречнянского района, Ровенской области. Кроме того, этот тип керамики встречается и на территории подлясно-мазовецкой группы тшинецкой культуры, например — в Слохах Аннопольских, Бельско-Подляского уезда, Польской Народной Республики²².

Заканчивая краткий обзор обследованных памятников эпохи средней бронзы Верхнего Днестра, следует отметить, что керамика их носит некоторые черты сходства с керамикой тшинецкой культуры; но наиболее близкое сходство, особенно в орнаменте, она имеет с сосудами памятников сосницкого типа, исследованных на Десне и Сейме²³.

Из разведок К. М. Поликарповича²⁴ по р. Сож в 1926 г. нам известна керамика, найденная у с. Присно в урочище Замостевье, Ветковского района, Гомельской области, у с. Клубовка в урочище Гребля и у с. Сусловка в урочище Колесище, Репкинского района, Черниговской области, имеющая прямые аналогии с керамикой сосницкого типа²⁵.

На основании анализа керамики поселений ранней и средней бронзы можно предположить, что памятники средней бронзы Верхнего Днестра представляют собой дальнейший этап развития памятников ранней бронзы на этой территории. Это особенно хорошо прослеживается на приемах

¹⁷ Материал хранится в Институте археологии АН УССР.

¹⁸ Сборы автора.

¹⁹ Сборы экспедиции «Большой Киев» Института археологии АН УССР.

²⁰ Сборы автора.

²¹ А. З. Каваленя і С. С. Шутаў. Матэрыялы з дагісторыі Тураўшчыны. Працы археалягічнай камісіі Беларускай Акадэміі навук, т. II, Мінск, 1930, стр. 329—378, табл. III, 1; табл. XII, 21, 22.

²² J. Kostrzewski. The North-Eurasian Pottery in Poland. «Palaeologia», vol. III, № 3, Osaka, 1954, стр. 203, рис. 12.

²³ С. С. Березанська. Памятки періоду середньої бронзы на Десні та Сеймі. «Археологія», т. XI, 1957.

²⁴ Автор выражает сердечную благодарность К. М. Поликарповичу за оказанную большую помощь в изучении памятников неолита и бронзы Верхнего Днестра.

²⁵ К. М. Палікарповіч. Дагістарычныя стаянкі сярэдняга і ніжняга Сажа. стр. 179—182, табл. XXI, 11—16; стр. 238—241, табл. XLVI, XLVIII, XLIX.

орнаментации зубчатым и линейным штампом и палочкой, обмотанной ниткой или тонким шнуром; этот орнамент появляется еще в ранней бронзе.

Памятники поздней бронзы нам пока еще не известны. В 1957 г. у с. Тимошкин Перевоз, в урочище Купорейкин Бугор, на песчаной возвышенности в пойме правого берега р. Ипать, в слое на глубине 0,5 м мы обнаружили несколько обломков одного сосуда (рис. 11—2). Поверхность черепка коричневая, в тесте — примесь песка и мелкого кварца; венчик утолщен, под ним — ряд глубоких ямок; бока слегка округлые. Сосуд не орнаментирован. Этот тип керамики относится, по-видимому, к переходному времени от бронзового века к железному.

Одной из первоочередных задач исследования культур бронзового века Верхнего Поднепровья является проведение широких археологических раскопок с целью определить отдельные группы памятников, установить их хронологическую последовательность и территорию распространения. Особенно следует обратить внимание на исследование памятников поздней бронзы и определение их связи с памятниками раннего железного века.

Ю. А. ЗАДНЕПРОВСКИЙ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ В ЮЖНОЙ КИРГИЗИИ
В 1957 ГОДУ¹

Южно-Киргизский отряд Киргизской археологической экспедиции в 1957 г. ставил основной задачей работ сбор материалов для составления «Историко-археологического очерка Южной Киргизии». Проводились изучение памятников кочевого и оседлого населения и поиски новых памятников. Разведывательными маршрутами обнаружено, главным образом в западных районах Ошской области, более 20 тепе и городищ и зарегистрировано около 800 курганов в 20 пунктах. Объектами раскопок были городище Шурабашат и могильник Карамуйнак.

Городище Шурабашат². В четвертый сезон работ отряда на Шурабашате были продолжены раскопки на среднем (II) городище. Раскоп II расширен на север площадью 8×8 м, а с западной и восточной сторон к нему прирезаны полосы размером 14×4 м. Таким образом, общая площадь, вскрытая в 1957 г., равна 180 кв. м. Обнаружено одно помещение полностью, части еще 3 помещений и 8 зерновых ям. Раскоп не доведен до материка. Изучены лишь культурные напластования до глубины 1,4 м от поверхности (отметка по юго-восточному углу).

В юго-западном углу раскопа на глубине 0,6 м раскрыта утрамбованная площадка, представляющая собой, вероятно, основание или пол какой-то постройки. При расчистке площадки обнаружены остатки прямоугольного помещения, забутованного кусками сырцового кирпича. Помещение размером $3,3 \times 2$ м, вытянутое длинной осью с юго-запада на северо-восток, расположено перпендикулярно «меридиональной» стене в середине раскопа. Пол помещения находится на глубине 0,7 м от поверхности площадки и на 1,3 м от поверхности холма. Северная стена сложена из блоков ($0,65 - 1 \times 0,7$ м при ширине 0,8 м); другие стены сохранились хуже, и установить конструкцию их не удалось; восточная стена была прорезана раскопом 1956 г.

В юго-восточной части раскопа на глубине 1,4 м открыты остатки двух стен (длиной 3,3 м и около 3 м), образующих угол, — вероятно, часть еще одного, третьего помещения. Оно расположено также перпендикулярно к «меридиональной» стене, как и первое. Стены, сложенные из

¹ Из работ Южно-Киргизского отряда Киргизской археологической экспедиции Института истории АН Киргизской ССР и Ленинградского отделения ИИМК.

² О предшествующих работах на Шурабашате см. Ю. А. Заднепровский. Археологические работы в Южной Киргизии. КСИЭ, XXVI, 1957, стр. 76—79; его же. Городище Шурабашат. КСИИМК, вып. 71, 1958; его же. Археологические работы в Южной Киргизии в 1956 г. КСИИМК, вып. 76, 1959; его же. Работы Южно-Киргизского отряда в 1956 г. Тр. Ин-та ист. АН Кирг. ССР, вып. 5, 1959, стр. 143—176.

блоков размером 0,6—0,7 × 0,9 м, сохранились на высоту 0,3 м; глинобитный пол был покрыт толстым слоем золы и угля. В юго-западном углу на этом полу находилась горловина ямы № 3, расчищенной в 1956 г. На остальной площади восточной половины раскопа не обнаружено строительных остатков. На ровной, утрамбованной поверхности заметны большие зольные пятна. Очевидно, это участок двора или хозяйственной постройки, поскольку здесь сосредоточено 7 зерновых ям. Все они, за исключением ям № 12 и 17, начинаются с уровня двора.

Работы 1957 г. представили первые данные о существовании строительных комплексов на городище Шурабашат и их планировке. Выявлены 2 горизонта — нижний и верхний. К верхнему горизонту относятся вскрытые в 1957 г. культурные слои и «меридиональная» стена.

Получены материалы для характеристики зерновых ям, которые различаются по форме (конические, грушевидные) и размерам и заполнены мягкой землей с прослойками золы, органическими остатками, битой глиняной посудой, костями животных и поделками из камня и кости; все это является результатом вторичного использования ям для сброса мусора. В раскопе II за 3 года обнаружено 18 ям.

Зерновые ямы на поселениях Средней Азии этого периода почти совсем не известны³. Традиция хранения припасов и зерна в земляных ямах восходит в Фергане к раннему времени; они встречены в большом количестве уже на Чустском и Дальверзинском поселениях бронзового века.

Собрано большое количество фрагментов керамики (более 5 тысяч). Найдено несколько десятков целых или полностью восстанавливаемых сосудов. Среди них особого внимания заслуживает плоскодонный кувшин с шаровидным туловом и высоким горлом, покрытый плотным блестящим красным ангобом. Это первая находка на Шурабашате красноангобированного кувшина больших размеров; до этого встречались только обломки небольших чаш и горшков. Отметим 3 обломка посуды с красным ангобом и процарапанным орнаментом, характерным для Ферганы. Новую форму представляет также плоскодонный банкообразный сосуд с прямыми толстыми стенками, на которых карминно-фиолетовой краской по беловатому фону нанесены зигзагообразные линии, спускающиеся от бортика до дна. Оригинальна узкая овальная жаровня с прямым бортиком, на дне которой — следы пребывания на огне. В большом количестве встречены, как и в предшествующие годы, чаши с перехватом стенок, окрашенные целиком и с расписным орнаментом. На дне одной из таких чаш — овальный тамгообразный знак.

Собрано около 600 фрагментов керамики с росписью, среди которых очень много новых и своеобразных образцов. Наиболее интересна находка скульптурного изображения головы человека (из глины; рис. 12). Это первая находка подобного рода в культурном слое городища (квадрат 17, глубина — 1 м). Другая глиняная головка человека найдена в 1954 г. вблизи Шурабашата на поверхности земли⁴.

В 1957 г. обнаружены также костяные накладки на лук, альчики с просверленными отверстиями и другие поделки из кости и камня.

На цитадели, расположенной на восточном городище, в предшествующие сезоны был заложен шурф до глубины 3,5 м. В 1957 г. работы были продолжены (шурф — 2,6 × 2,2 м) до глубины 9 м, но до материкового грунта не дошли (высота холма цитадели — 12 м). Огромная толща

³ Ямы Шурабашата по устройству, форме и размерам очень близки зерновым ямам, известным в городах и на поселениях Северного Причерноморья и Прикубанья, что отчасти подтверждает предположение об их назначении.

⁴ Ю. А. Заднепровский. Разведки и раскопки Южно-Киргизского отряда Киргизской археолого-этнографической комплексной экспедиции АН СССР. ТАН ТаджССР. т. 37, 1956, стр. 120, рис. 1.

культурного слоя (более 9 м) на цитадели накопилась за время существования поселения древнего периода. Сооружение цитадели относится ко времени возникновения самого поселения, очевидно, — к IV—III вв. до н. э.

Могильник Карамуйнак. В межгорной долине к западу от Исфары, на высокой террасе правого берега р. Карамуйнак, одного из притоков р. Ляйляк, находится компактная группа курганов, вытянутая с запада на восток и насчитывающая 12 насыпей. Площадка, на которой они расположены, ограничена с севера глубокой ложиной, а с юга — крутым склоном берега реки. Во время работ вскрыто 10 курганов.

Рис. 12. Городище Шурабашат. Глиняное изображение головы человека.
1 — фас; 2 — профиль.

По устройству могилы и ритуалу погребения курганы можно отнести к следующим 3 группам: 1) захоронения в подбойных могилах, ориентированные на север (№ 1, 2, 10 и 12); 2) погребения в таких же могилах, ориентированные на юг (№ 4, 7 и 9; сюда же следует добавить парное погребение в кургане № 3); 3) погребение в грунтовой яме, очевидно, перекрытое накатом из жердей (№ 5). В кургане № 6 костяк оказался сильно разрушенным, и положение его не удалось установить; отнести его к определенной группе нельзя.

Приведем описание наиболее интересных захоронений каждой группы.

Насыпь кургана № 1, круглая в плане (диаметр — 11 м, высота — 0,84 м), сложена из земли с небольшим количеством камней и сильно задернована. Могильная яма, выявленная примерно на уровне дневной поверхности, имела овальную форму и была вытянута с севера на юг (размер — 2,6 × 1,0 м). Она оказалась заваленной крупными камнями попеременно с рыхлой землей. Вдоль восточной стены проходила ниша —

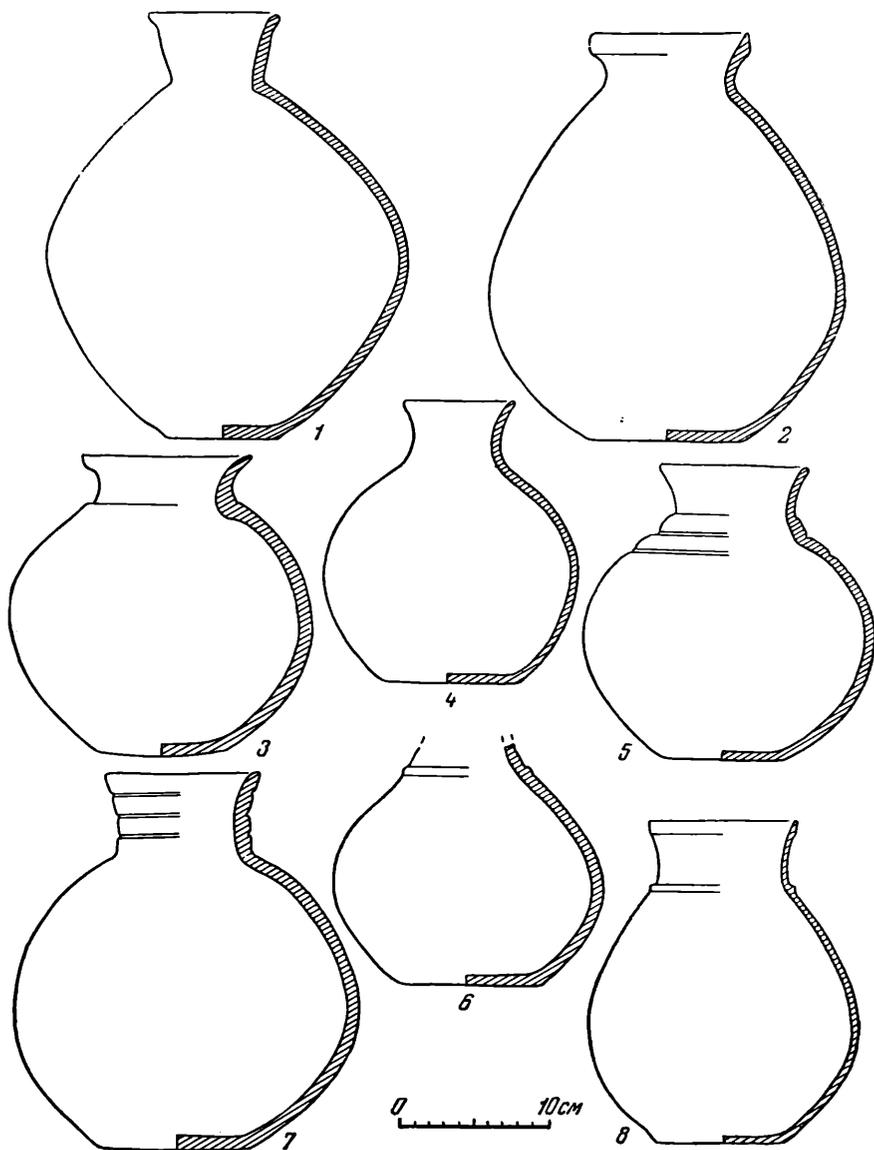

Рис. 13. Могильник Карамуйнак. Керамика из погребений.

1, 3 — из кургана № 1; 2 — из кургана № 2; 4 — из кургана № 5; 5 — из кургана № 7;
6, 8 — из кургана № 10; 7 — из кургана № 3.

подбой (2,9 × 0,8 × 0,9 м), на дне которого (глубина — 1,6 м) находилась деревянная колода, сверху перекрытая широкой арчевой доской (2,05 × 0,36 м, толщина — 6 см). Внутренняя поверхность доски сохранилась хорошо, так что можно проследить следы инструмента, которым она была отесана. От колоды уцелели торцевая часть в южном конце, отдельные обломки дерева и тлен. Скелет лежал в колоде на спине, в вытянутом положении, головой на север. Кости сильно разрушены; у бедренной кости слева находился обломок железного ножа, а справа — бронзовая круглая пряжка с подвижным язычком. В колоде в ногах захороненного найдены обломки деревянной посуды. Там же, но вне колоды, к западу

от нее, стояли 2 кувшина: один из них — биконической формы, с узким высоким горлом, расширяющимся кверху; другой — с шаровидным туловом, широким низким горлом и отогнутым венчиком (рис. 13—1, 3).

Насыпь кургана № 7 отличалась от предыдущей только меньшими размерами (диаметр — 9 м, высота — 0,4 м). На уровне дневной поверхности появился контур могильной ямы (размер — $2,45 \times 1,4$ м), ориентированной длинной осью по линии север—юг. Подбой ($2,6 \times 1,0 \times 1,4$ м) был выкопан в восточной стене; из ямы в него ведет небольшой уступ — порог. Здесь на глубине 1,7 м (от дневной поверхности) обнаружен скелет, лежавший вытянуто на спине, головой на юг. К востоку от черепа находились сгнившие куски дерева, может быть, от гроба или от деревянного столика. В других частях могилы следов дерева нет. В головах помещались 3 сосуда: 1) небольшая вьючная фляга, лежавшая горлом кверху (рис. 14—9); 2) кувшин с шаровидным туловом и невысоким горлом; венчик отогнут, на плечиках — 2 концентрических желоба (рис. 13—5); 3) миниатюрный горшочек (рис. 14—13), у таза справа железный нож.

Курган № 3 по внешнему виду ничем не отличался от других. В нем также на уровне дневной поверхности обнаружена овальная в плане могильная яма, вытянутая с севера на юг (размер — $2,6 \times 1,1$ м). После расчистки ее от завала камней в восточной стене открыта вторая яма такой же формы и размера; в восточной стене ее оказался подбой. На дне ямы, в южной половине, найден скелет человека, лежавшего на груди в сильно скорченном положении, лицом вниз, головой на юг. Покойник, возможно, был связан. Вероятно, это скелет человека, преднамеренно убитого и брошенного у входа в подбой. Никаких вещей здесь не оказалось. В подбое на глубине 2,9 м находилось основное погребение. Костяк лежал вытянуто на спине, головой также на юг, лицом на восток. Захоронение, по-видимому, было совершено в деревянном гробу, от которого сохранились остатки арчевой доски, прикрывавшей голову и грудь. В других частях могилы прослежен лишь древесный тлен. Возле головы погребенного стоял миниатюрный горшочек (рис. 14—7), в ногах — 2 кувшина. Один из них — небольшого размера, с шаровидным туловом, высоким горлом и отогнутым венчиком. В месте перехода к горловине сосуд опоясан двумя концентрическими желобками (рис. 14—4). Второй кувшин сероглиняный, с шаровидным туловом и высоким узким горлом (рис. 13—7). Возле костяка справа найден обломок железного ножа.

По устройству могилы выделялся курган № 5, внешним видом ни в чем не отличавшийся от других. На уровне дневной поверхности в нем появилась широкая грунтовая могильная яма (размер — $2,6 \times 1,5$ м). На всей ее площади — и вдоль стенок, и поперек — встречались обломки дерева, — очевидно, остатки деревянного наката, перекрывавшего могилу. В ней на глубине 1,4 м от дневной поверхности вскрыто двойное захоронение. Оба костяка лежали рядом, на спине, в вытянутом положении, головами на север. Кости — очень плохой сохранности. Следов повторного захоронения не выявлено; незаметны были и перемещения костяков. На этом основывается предположение об одновременном их захоронении. Пол погребенных не установлен.

Судя по остаткам дерева возле костяков, захоронение, возможно, было совершено в деревянных гробах. У восточной стенки ямы лежала кость барана. В головах погребенных находились 2 кувшина почти одинаковой формы, с шаровидным туловом (рис. 13—4; рис. 14—1); возле них — сероглиняное прясло с орнаментом. Здесь же найден обломок железного ножа. Еще один сосуд — миниатюрный горшочек из серой глины (рис. 14—12) — обнаружен слева (восточнее) от восточного костяка.

Курганы Карамуйнакского могильника по конструкции погребального сооружения (подбойная могила) и характерным особенностям ритуала

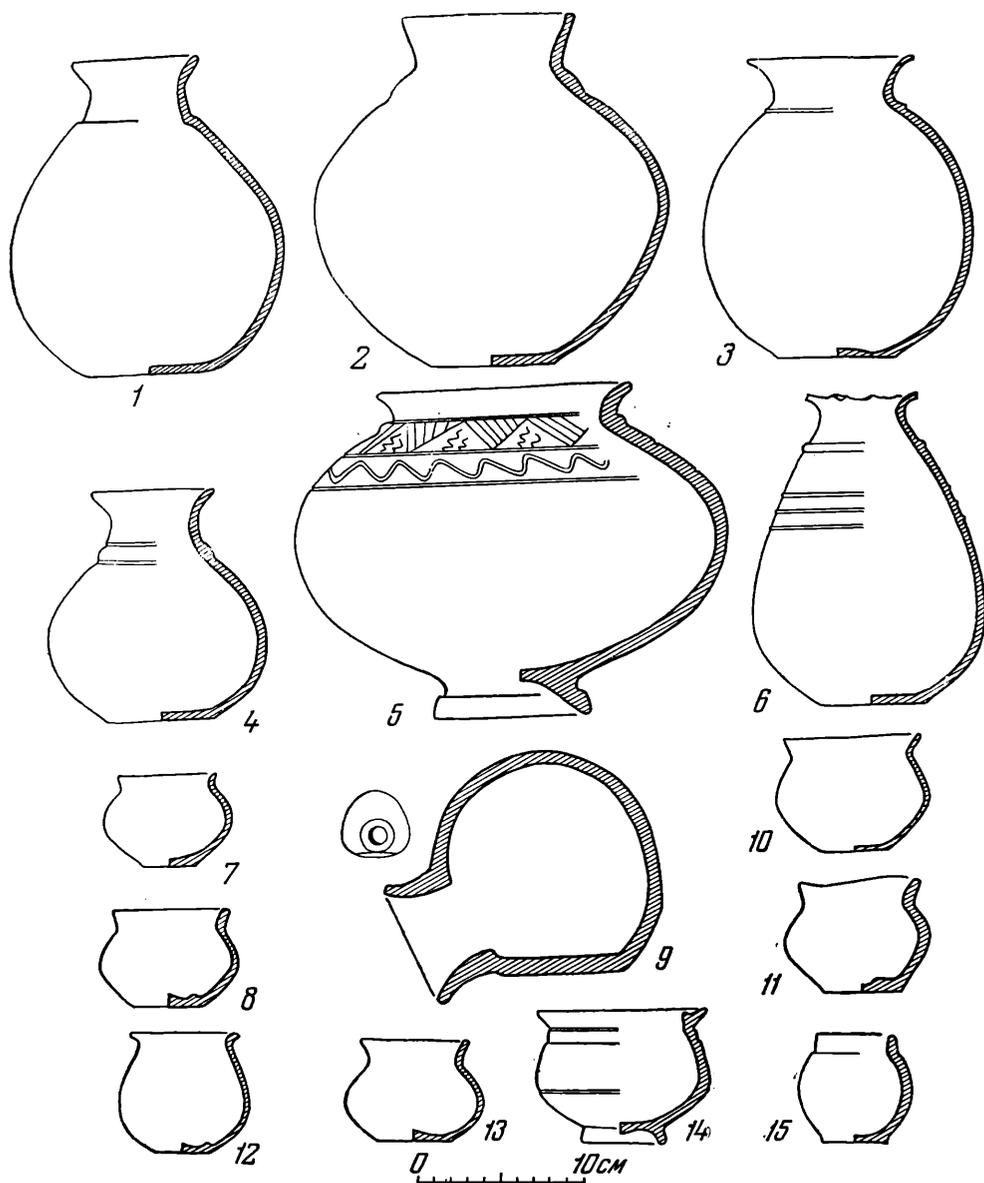

Рис. 14. Могильник Карамуйнак. Керамика.

1, 12 — из кургана № 5; 2, 5, 10 — из кургана № 4; 3, 14 — из кургана № 12; 4, 7 — из кургана № 3; 6 — из кургана № 2; 8 — из кургана № 9; 9, 13 — из кургана № 7; 11, 15 — из кургана № 10.

(вытянутое положение захороненного на спине, в деревянной колоде; ориентация; находки костей барана; состав сопровождающего инвентаря) входят в круг широко известных катакомбно-подбойных памятников Ферганской долины и других районов Средней Азии, относящихся к первым векам нашей эры. Рассмотрение находок помогает определить место могильника среди аналогичных и синхронных памятников Ферганы и ее горного окружения.

Погребальный инвентарь могильника в целом беден и однообразен. Лучше всего представлена глиняная посуда, встреченная во всех могилах.

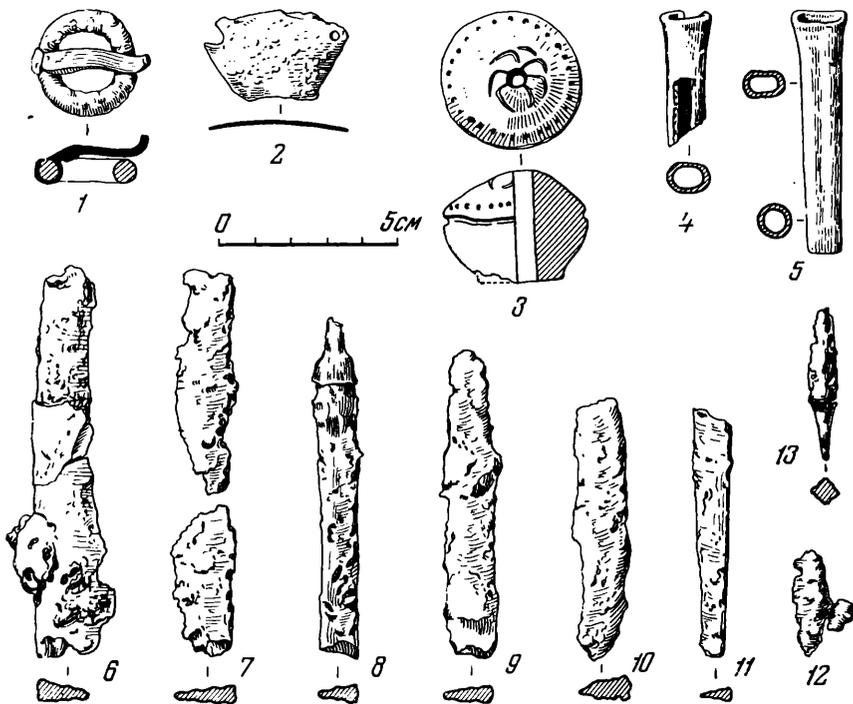

Рис. 15. Могильник Карамуйнак. Различные находки.

1 — бронзовая пряжка; 2 — бронзовая пластинка; 3 — глиняное прясанце; 4, 5 — костяные рукоятки; 6—11 — железные ножи; 12 — обломок железного изделия; 13 — железный наконечник стрелы.

Сосуды обычно стояли в ногах или возле головы, реже — рядом с погребенными. В каждом погребении, как правило, было по 2—3 сосуда. В кургане № 10 их оказалось четыре, а в кургане № 9 — только один сосуд грушевидной формы. Всего в Карамуйнакском могильнике найдено 23 сосуда ремесленного и домашнего производства. По характеру обработки поверхности они могут быть разделены на следующие группы: 1) с красноватым жидким ангобом; 2) буро-черным ангобом, причем на двух сосудах ясно заметны полосы жидкого ангоба; 3) беловато-желтым ангобом; 4) сероглиняные. Формы сосудов разнообразны (рис. 13 и 14), но могут быть сведены к следующим: 1) большие кувшины биконической формы, с узким горлом; 2) кувшины с шаровидным туловом и высоким горлом; 3) кувшины яйцевидной формы, без горловины, непосредственно завершающиеся венчиком; 4) сосуды приплюснутой формы, на кольцевом поддоне, с процарапанным орнаментом по буро-черному ангобу и с прорезным волнистым узором, нанесенным до ангобирования; 5) вьючая фляга небольших размеров; 6) миниатюрные сосуды, главным образом горшочки. Вся керамика плоскодонная, за исключением нескольких сосудов на кольцевом поддоне. Отсутствуют сосуды с ручками, чаши и кружки.

В 6 курганах найдено по одному железному ножу. Это обломки плохо сохранившихся небольших однолезвийных ножей, покрытых коррозией (рис. 15 — 6—11). Только на одном из них есть черешок со следами (отпечатками) деревянной рукоятки (рис. 15—8). Единичными экземплярами представлены: железный черешковый наконечник стрелы, ромбический в сечении (рис. 15—13); бронзовая круглая пряжка с подвижным язычком (рис. 18—1); обломок довольно широкой бронзовой пластинки,

слегка выпуклой и с отверстием для прикрепления (рис. 15 — 2); обломок железного предмета неопределенной формы (рис. 15 — 12). В могильнике найдено сероглиняное пряслице биконической асимметричной формы. Верхняя половина его орнаментирована углублениями по краю и прорезным узором в виде розетки вокруг отверстия. По краю проходит желобок (рис. 15 — 3). В одном кургане найдены костяные трубки (целая и фрагментированная), служившие, очевидно, рукоятями (рис. 15 — 4, 5).

Изделия из дерева немногочисленны. Это обломки низкой чаши с выступающим бортиком и обломок массивного круглого поддона.

При сопоставлении материалов Карамуйнакского могильника с находками в других памятниках приходится ограничиваться только керамикой. В настоящее время известно уже более 20 могильников с погребениями в подбоях и катакомбных камерах. Они исследованы в разных пунктах Ферганской долины. В Южной Фергане: а) горная полоса — Карабулак⁵, Боркорбаз⁶, Карамуйнак, Ворухский могильник I⁷, Ворухский могильник II⁸, Гор-и-муг в Исфаре⁹; б) предгорная полоса — Джангаил¹⁰, Хангиз¹¹, Ак-Там¹², Вуадиль¹³; в Северной Фергане — Гурмирон¹⁴, в Восточной Фергане — Караджар¹⁵, в Западной Фергане — Ширин-Сай¹⁶; на Чаткале — Чукурчак¹⁷, Узун-Булак¹⁸, Миян-Кол¹⁹, Джергетал²⁰; на Алае — Кургак²¹, Мааша²², Кызыл-Туу²³.

В 1957 г. погребения в катакомбах впервые выявлены в долине Кетмень-Тюбе²⁴.

⁵ Ю. Д. Баруздин. Карабулакский могильник (раскопки 1954 г.). Труды Института истории АН Кирг. ССР, вып. 2, 1956, стр. 17—38; его же. Карабулакский могильник (раскопки 1955 г.). Труды Института истории АН Кирг. ССР, вып. 3, 1957, стр. 17—31.

⁶ С. С. Сорокин. Некоторые вопросы происхождения керамики катакомбных могил Ферганы. СА, XX, 1954, стр. 131.

⁷ Е. А. Давидович и Б. А. Литвинский. Археологический очерк Исфаринского района. Труды АН Тадж. ССР, т. 35, 1955, стр. 22—69.

⁸ Б. А. Литвинский и Е. А. Давидович. Предварительный отчет о раскопках курганов в Ворухе (Исфаринский район) в 1954 г. Труды АН Тадж. ССР, т. 37, 1956, стр. 61—68.

⁹ Б. А. Латынин, Т. Г. Оболдуева. Исфаринские курганы. (К вопросу о системе хозяйства древней Ферганы). КСИИМК, вып. 76, 1959.

¹⁰ Раскопки экспедиции А. Н. Бернштама в 1951 г. Отчет о работах Памиро-Ферганской комплексной экспедиции. Рукопись хранится в Секторе Средней Азии и Кавказа ИИМК.

¹¹ Н. Г. Горбунова и Б. Э. Гамбург. Могильник Хангиз. Изв. ООН АН Тадж. ССР, вып. 14, 1957, стр. 33—44.

¹² Б. Э. Гамбург и Н. Г. Горбунова. Ак-Тамский могильник. КСИИМК, вып. 69, 1957, стр. 78.

¹³ Б. Э. Гамбург и Н. Г. Горбунова. Могильник эпохи бронзы в Ферганской долине. КСИИМК, вып. 63, 1956, стр. 86.

¹⁴ Раскопки экспедиции А. Н. Бернштама в 1951 г. (указ. рукопись).

¹⁵ Раскопки Узгенского отряда Киргизской археолого-этнографической экспедиции, 1953 г. Отчет Н. Н. Забелиной хранится в Институте истории АН Кирг. ССР. Изучение продолжено Южно-Киргизским отрядом в 1954 г. Ю. А. Заднепровский. Отчет о работах Южно-Киргизского отряда в 1954 г. Труды Киргизской экспедиции, т. IV, 1959.

¹⁶ В. Ф. Гадюкевич. Могильник близ Ширин-Сая в Узбекистане. СА, XVI, 1952, стр. 331—359.

¹⁷ А. К. Кибиров. Археологические памятники Чаткала. Труды ИЯЛИ АН Кирг. ССР, вып. 5, 1956, стр. 7—9.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Раскопки Южно-Киргизского отряда Киргизской археологической экспедиции в 1955 г.

²¹ А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, № 26, 1952, стр. 202.

²² Там же, стр. 192, 193.

²³ Там же.

²⁴ Киргизская археологическая экспедиция (начальник отряда — П. Н. Кожемяко).

Памятники в каждом из намеченных физико-географических районов имеют свои характерные особенности в устройстве могилы, ритуале погребения, но наиболее ярко своеобразие их проявляется в материальной культуре, главным образом в глиняной посуде. Карамуйнакский могильник, как и следовало ожидать, наиболее сходен с ближайшими Ворухскими могильниками в верхней части долины Исфары и с Карабулакским в Баткентской долине. Расстояния между ними незначительны: Карамуйнак находится примерно в 40 км к западу от Воруха, а от Воруха до Карабулака по прямой линии насчитывается около 30 км.

Географическая близость обусловила большое сходство этих памятников, однако каждый из них сохраняет некоторое своеобразие. Так, в насыпи Карамуйнакских курганов нет каменного кольца (кромлеха), как в Ворухских и Карабулаке. В этих могильниках встречаются 3 разновидности могильного сооружения — катакомба, подбой и грунтовая яма, а в Карамуйнаке отсутствуют погребения в катакомбной камере. В этих 3 памятниках совпадают: положение покойника — вытянуто на спине, в гробу-колоде; определенное место сопровождающего инвентаря в могиле, наличие костей барана и др. Однако для Карабулака типичны подбой в западной стене могильной ямы, хотя известны подбой и в восточной, так же как и в могильнике Карамуйнак. В Ворухском могильнике встречаются отдельные погребения с южной ориентировкой, но все же преобладает юго-восточная; в Карабулаке, как правило, распространена южная ориентация погребенных, а для Карамуйнакского могильника отмечена и северная, и южная. В рассматриваемых 3 могильниках, несмотря на многие общие черты, характер могильного сооружения и ритуал полностью не совпадают и не повторяются.

Много общего имеется и в материальной культуре. Найдена керамика ремесленного и домашнего производства. Для первой характерны сосуды с красным и черным ангобом и процарапанным орнаментом (который Б. А. Литвинским почему-то назван «даваньским») ²⁵. Встречаются во всех 3 могильниках некоторые общие формы: кувшины с шаровидным туловом, вьючная фляга, миниатюрные сосуды. Вместе с тем при большом сходстве керамики формы ее своеобразны в каждом могильнике. В комплексе керамики Карамуйнака, по сравнению с Ворухским, отсутствует роспись, нет бочонковидных сосудов и таких форм, как чаши, кувшины с ручками и др. Трудно сказать, какие формы посуды Карамуйнакского могильника отсутствуют в более обширных и разнообразных коллекциях Карабулакского и Ворухского могильников; однако сравнение с опубликованными материалами все же позволяет сделать заключение о самостоятельности и своеобразии керамического комплекса Карамуйнака. Несколько большее сходство наблюдается между материалами Карабулакского и Ворухского могильников, что было отмечено уже в литературе ²⁶.

Карабулакский и Ворухский могильники богаты находками вещей из металла, кожи, дерева, поэтому более чем скромные находки в Карамуйнаке ни в какое сравнение с ними не идут. Однако следует отметить, что, например, среди первых 5 курганов в Ворухе есть такие, которые по бедности и составу инвентаря не отличаются от Карамуйнакских.

Из приведенного краткого сопоставления можно сделать заключение, что Карабулакский, Ворухские и Карамуйнакский могильники имеют много общих черт, но полного сходства и тождества между ними нет. Эти памятники, очевидно, относятся к одной культурной и этнической общ-

²⁵ Е. А. Давидович и Б. А. Литвинский. Археологический очерк Исфаринского района, стр. 42, 45

²⁶ Ю. Л. Баруздин. Карабулакский могильник. Труды Института истории АН Кирг. ССР, вып. 3, 1957, стр. 30.

ности, что подтверждается также сходством антропологического типа захороненных в Карабулаке, Ворухе и Карамуйнаке, где погребены представители европеоидного брахикранного населения Среднеазиатского междуречья и отдельные особи смешанного типа — с примесью монголоидных признаков²⁷.

Намечаемые палеоэтнографические особенности каждого памятника, которые более ясно можно будет определить после исследований и опубликования больших коллекций Карабулака и Воруха, несомненно, в значительной мере обусловлены родоплеменной разнородностью населения, оставившего памятники. Нам представляется, что своеобразие облика могильников Карабулак, Ворух и Карамуйнак отражает локальные группы внутри племенного объединения. Решение этого вопроса, конечно, возможно только после дальнейшего накопления материалов. Раскопки 1957 г. на Карамуйнакском могильнике выявили еще один пункт распространения памятников этого типа, причем наиболее западный из всех известных в горной полосе юга Ферганы.

²⁷ Антропологические материалы из Карабулакского могильника изучены Г. Ф. Дебецем. См. Ю. Д. Баруздин. Карабулакский могильник. Труды Института истории АН Кирг. ССР, вып. 3, 1957, стр. 31. О материалах из Ворухского могильника см. В. Я. Зезенкова. Предварительный отчет об исследовании краниологического материала из раскопок курганов в Ворухе (1952 г.). Труды АН Тадж. ССР, т. 35, 1955, стр. 215—219; Т. П. Кияткина. Предварительное определение краниологического материала из могильников в Ворухе. Труды АН Тадж. ССР, т. 63, 1956, стр. 110, 111. Материалы из Карамуйнакского могильника исследованы В. В. Гинзбургом.

Н. И. СОКОЛЬСКИЙ

РАСКОПКИ В КЕПАХ В 1957 ГОДУ

Городище Кепы расположено у восточной оконечности Таманского залива на расстоянии 2 км к северу от поселка Сенная¹. Судя по нескольким кратким упоминаниям Кеп античными авторами², это был относительно небольшой город Боспорского царства, основанный переселенцами из Милета. Раскопки его еще не производились. Городище, оставшееся долгое время пустырем, в последние годы стало застраиваться соседним поселком.

В 1957 г. на городище производил работы отряд³ Пантикапейской археологической экспедиции ИИМК. Было разбито 2 раскопа — северный и западный. Кроме того, произведены топографическая съемка, небольшая записка берегового обрыва и обследование остатков грунтового некрополя.

Городище расположено на неровном плато, понижающемся под углом 3—5° с востока на запад (рис. 16). Высшая горизонталь проходит в северо-восточной части и лежит на 27 м выше уровня воды в Таманском заливе. С севера и востока городище обрамлено валообразным возвышением, на западе плато переходит в спуск (15—20°) к заливу; спуск заканчивается береговым обрывом высотой 3—4 м. Под обрывом находится многоводный источник, по-видимому, существовавший и в древности.

Напротив городища в заливе мысом выдается мелководье; возможно, что в древности здесь был пологий мыс, впоследствии размытый или опустившийся подобно южному берегу Таманского залива⁴. Южная граница городища пока прослеживается с трудом, так как этот пологий участок застроен.

Городище, общей площадью около 8 га, во многих местах изрыто современными ямами; кроме того, ранее здесь был виноградник (корни лоз), что объясняет глубокую перекопку верхних пластов (на глубину до 0,4 м), окатанность и поцарапанность фрагментов керамики.

При осмотре городища в 1956—1957 гг. собран многочисленный подъемный материал — фрагменты керамических изделий разного времени;

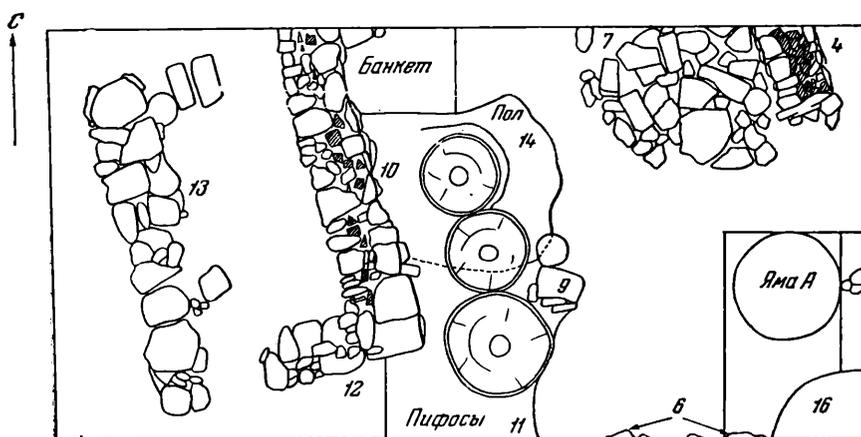
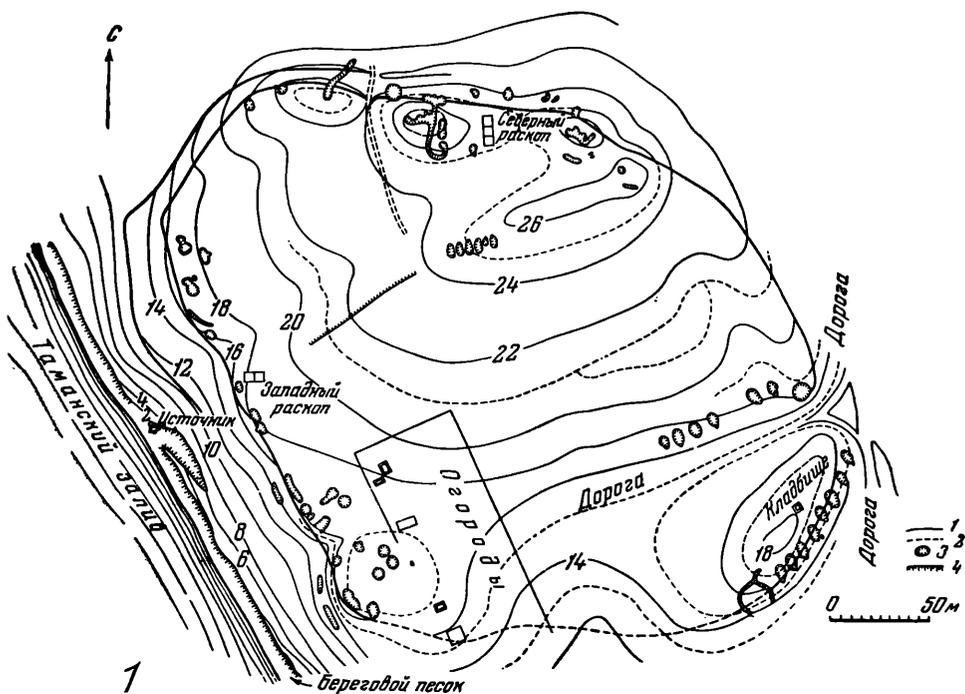
¹ Отожествление этого городища с упоминаемым античными писателями городом Кепы (Κήποι) на основе данных Страбона (Strab., XI, 2, 10) сделано уже давно (см. об этом: В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.—Л., 1949, стр. 196, 197, 202, 203).

² Псевдо-Скилак (SC, I, стр. 82), Перипл Анонима (SC, I, стр. 281), Эсхин (SC, I, стр. 369), Диодор Сицилийский (Diod., XX, 24), Страбон (Strab., XI, 2, 10), Плиний (SC, II, стр. 180), Помпоний Мела (SC, II, стр. 118).

³ В составе отряда были Н. И. Сокольский (руководитель), Г. И. Вадорнов, Ю. А. Савельев, Э. Я. Николаева, Н. А. Соболева, С. С. Ширинский (студенты МГУ).

⁴ В. Д. Блаватский. Материалы по античной фортификации в Северном Причерноморье. Ученые записки МГУ, вып. 143, 1950, стр. 126—150.

наиболее ранние из них относятся ко второй половине VI в. до н. э., наиболее поздние — к X—XII вв. н. э. Местные жители находят на городище много монет. В ходе работ 1957 г. подобраны 4 медных боспорских

2

■ Фрагменты керамики

0 1м

Рис. 16. Планы городища Кепы (1) и Западного раскопа (2).

1 — горизонтали через 2 м; 2 — горизонтали через 1 м; 3 — ямы; 4 — обрыв.

монеты: Рискупорида I (10—37 гг. н. э.), Савромата II (174—186 гг. н. э.), Котиса III (227—233 гг. н. э.) и Фофорса (около 300 г. н. э.). Среди подъемного материала были беломраморные и серомраморные обломки облицовочных плиток, плоско-пирамидальное грузило

с прорезным знаком (см. ниже на рис. 19—3), обломок серомамраморной архитектурной детали, ручка средневековой амфоры с клеймом. При рытье ямы местным жителем обнаружен известняковый барабан колонны дорического ордера с 19 каннелюрами (диаметр—0,52 м, высота—0,24 м), по-видимому, эллинистического или раннеримского времени.

Осенью 1957 г. здесь найдена терракотовая статуэтка, изображающая Афродиту⁵ (рис. 17).

Северный раскоп (75 кв. м) расположен в седловине северной валообразной возвышенности; составляющие его 3 отсека (I, II и IV), размером 5 × 5 м, ориентированные по странам света, вытянуты с севера на юг. Вследствие непрочности грунта раскапываемая площадь по мере углубления сокращалась. Работы доведены до материка — желтого чистого песка, залегающего на глубине от 3,75 до 4,5 м. Зафиксировано 6 культурных напластований.

Слой 1, мощностью 0,2—0,4 м, лежит на материке. Он относится к III—II вв. до н. э. Грунт слоя — коричневый влажный суглинок, включающий осколки раковин-мидий и темные пятна перегноя. Фрагменты керамики, обнаруженные в слое, — эллинистического времени (черепица, остродонные амфоры, домашняя посуда).

Здесь найден ряд мелких обломков белого мрамора, край лепного толстостенного горшка, ручка синопской амфоры с клеймом 'Επί Μενελάου Διονυσίου. Вблизи материка встречена круглая ручка амфоры второй половины VI в. до н. э. Остатков сооружений нет.

Слой 2 относится к I в. до н. э. Толщина слоя — 0,25—0,45 м. Грунт его подобен грунту предыдущего слоя. У южного борта IV отсека обнаружен развал кладки (№ 17), размером 1,37 × 0,55 м, подошва которого лежит на глубине 4,2 м от современной поверхности. Развал состоит из мелких кусков известняка, голышей и осколков белого и серого мрамора, составляющих 50% всего количества камней. Куски мрамора представляют собой части разбитых архитектурных деталей; некоторые из них с ровно отесанными или профилированными сторонами; встречен небольшой осколок беломраморной плиты с остатками трех букв. В слое обнару-

Рис. 17. Терракотовая статуэтка Афродиты. (Случайная находка 1957 г.).

⁵ Хранится в школьном музее поселка Сенная.

жено много таких же мраморных осколков и камней, несомненно, относящихся к тому же сооружению. Слой характеризуется находками светлоглиняной черепицы, светлоглиняными двустольными ручками амфор и краснолаковых сосудов I в. до н. э., двумя фрагментами чашек типа мегарских, найденными непосредственно под развалом кладки, коричневоглиняной плоской ручкой амфоры I в. до н. э. Встречаются и более ранние фрагменты синопских, родосских и косской амфор.

Слой 3 (мощность — от 0,6 до 1 м) датируется I—II вв. н. э. Грунт его — темная супесь с прослойками коричневого суглинка. Архитектурных остатков в нем не обнаружено. Наиболее поздними датируемыми находками среди небольшого их количества служат фрагменты светлоглиняных узкогорлых амфор и краснолаковые черепки I—II вв. н. э.

Слой 4, толщиной 1,2—2 м, следует отнести к III в. н. э. Для него характерно чередование прослоек чистого светло-желтого песка, не содержащего находок, и прослоек коричневой супеси или суглинка с находками. Нужно полагать, что в III в. н. э. на этот участок навевались подвижные пески. В слое встречены пласты спрессованной морской травы, а на IV отсеке — завал желтых сырцовых кирпичей толщиной 0,63 м. Находок немного; они разновременны, но большая часть их датируется II—III вв. н. э.: это фрагменты красноглиняных больших широкогорлых амфор, а также светлоглиняных узкогорлых амфор III в. н. э., на горлах которых обычно имеются знаки, нанесенные красной краской; фрагменты сероглиняных лощенных кувшинов, лепных горшков, куски печины, пирамидальное грузило, часто попадавшие и в других слоях дисковидные керамические пробки, два куска красноглиняных кирпичей толщиной 0,034 м.

Слой 5 относится к III—IV вв. н. э. Мощности его — 1—1,25 м. Грунт — однородная серая сыпучая супесь с равномерной примесью золы. Верхняя граница слоя — темная прослойка толщиной 0,1—0,15 м, — представляет собой погребенную полевую поверхность IV в. н. э. Остатков сооружений нет. Находки слоя разновременны — от фрагментов эллинистической керамики до позднеантичных массивных широкогорлых и светлоглиняных узкогорлых грубых амфор. Отметим находки фрагментов сероглиняных лощенных кувшинов, точильный брусочек, гранитное ядро (0,08—0,065 м), втулку железного наконечника копья, солонку, сделанную из дна кувшина, куски розовой цемьянки.

Слой 6 — верхний, включающий дерновую прослойку; его толщина достигает 0,9 м. Грунт — темно-серая однородная супесь. Слой датируется фрагментами амфор X—XII вв., но включает большей частью позднеантичные находки. На подножии слоя располагался завал камней от разрушенной большой постройки, занимавшей весь II отсек и часть IV отсека (35 кв. м). В завале оказался обломок серомраморной колонны византийского времени; высота обломка — 0,65 м, диаметр — 0,37 м. Особо отметим стенку амфоры X—XII вв. с прорезными линиями, возможно, — часть чертежа.

Западный раскоп находится посередине западного края городища, у спуска к заливу; он состоит из 2 отсеков (III и V), общей площадью 50 кв. м (рис. 16—2). Здесь зафиксировано 7 культурных напластований, в основном аналогичных слоям Северного раскопа. Материк (песок) залегает на глубине 2,27—2,53 м; его поверхность неровная, с выпуклостями и углублениями. Слои немного наклонены к западу и очень неравномерны по мощности, отчасти вследствие перекопов.

Слой 1 лежит на материке и относится к III—II вв. до н. э. Грунт — известковатый коричневый суглинок с пятнами желтой глины от разрушившихся сырцовых кирпичей. Толщина слоя доходит местами до 0,5 м. Архитектурных остатков нет. Среди многочисленных находок значительна группа керамики V—IV вв. до н. э. (фрагменты чернолаковых сосудов.

остродонных амфор, среди них — «колпачковые», фасосские и др.) и даже второй половины VI в.—начала V в. до н. э. (фрагменты чернолаковых сосудов и амфор, в том числе расписанных бурой краской). Группа архаической керамики концентрируется в углублении материка на V отсеке и представляет собой остаток раннего слоя, нарушенного в III в. до н. э. Здесь же встречена наиболее ранняя находка на городище — край родосского килика второй четверти VI в. до н. э.

Основная часть находок относится к эллинистической эпохе. Найдено несколько медных боспорских монет III и II вв. до н. э.⁶, фрагментированные клейма на 2 ручках синопских и одной ручке фасосской амфор, а также многочисленные фрагменты остродонных амфор IV—II вв. до н. э. — синопских, фасосских, гераклеиских, родосских. Среди находок выделяется большая группа красноглиняных черепиц, в том числе с клеймом МЕТРО. Простая домашняя посуда представлена фрагментами красноглиняных кувшинов, мисок, тарелок, рыбных блюд, а также светильников, типичных для эллинистических слоев ряда поселений Боспора, но главным образом для близлежащей Фанагории. Особо следует отметить кусок красной штукатурки, маленькую разбитую терракотовую женскую головку (рис. 18; качество обработки глины столь высоко, что фактура ее напоминает слоновую кость); терракотовую протому Деметры (рис. 19 — 2); нижнюю часть статуэтки из мягкого белого камня, изображающую сидящую женскую фигуру, которая, по всей вероятности, была моделью для изготовления терракотовых форм. Здесь найдены также кусочек точильного бруска; медные пластинка и изогнутое острие; фрагменты сероглиняной посуды, сделанной на гончарном круге; трехгранный бронзовый наконечник стрелы, характерный для IV—III вв. до н. э.; мраморное изображение передней части ступни в сандали, рант которой окрашен красной краской (рис. 19 — 4); костяная про-⁷ и т. д.

Слой 2 относится к I в. до н. э.; его мощность — 0,18—0,25 м. Грунт подобен грунту предыдущего слоя, но включает известняковую крошку. Архитектурных остатков также нет. Относительно многочисленные находки очень близки по характеру и типам находкам предшествующего слоя с той разницей, что наиболее поздние из них могут быть датированы

Рис. 18. Кепы. Женская головка. Терракота.

⁶ 1. Лицевая сторона — голова бородатого сатира влево, обратная сторона — голова быка влево, ПАН (аналогия: Д. Б. Шелов. Монетное дело Боспора VI—II вв. до н. э. М., 1956, табл. V, 63), начало III в. до н. э. 2. Лицевая сторона — голова сатира, обратная сторона — лук (аналогия: Д. Б. Шелов. Указ. соч., табл. VI, 65—67), первая половина III в. до н. э. 3. Лицевая сторона — голова Аполлона вправо, обратная сторона — лук в горите, ПАН (аналогия: Д. Б. Шелов. Указ. соч., табл. VIII, 95), первая половина II в. до н. э.

⁷ Подобные пронызы (вероятно, — от упряжи) неоднократно встречались в скифских погребениях (В. А. Ильинская. Курган Старшая могила — памятник архаи-

Рис. 19. Находки на городище Кепы.

1, 2 — терракоты; 3 — позднеантичное грузило со знаком; 4 — фрагмент мраморной ступицы
 « сандалии (эллинистическое время); 5 — горшок III—IV вв. н. э.; 6 — свинцовая пластина;
 7 — лепной темноглиняный горшочек III в. н. э.; 8 — горло амфоры III в. н. э.

I в. до н. э. Отметим веретенообразный флакончик (II в. до н. э.), фрагменты краснолаковой посуды (чашки, блюда, канфары) I в. до н. э., бочкообразную бусину из серой пасты с белой волнистой линией на боку, фрагменты беломраморного и окрашенного известнякового соленов, обломки чернолаковой пиксиды IV в. до н. э. с цветочным орнаментом из накладной глины, терракотовую женскую головку (рис. 19—1), кусочки пола из смеси известки с мелкой галькой, несколько фрагментов сероглиняных лепных сосудов.

Слой 3 характеризует интенсивную жизнь города в I—II вв. н. э. Коричневый суглинок слоя включает известковую крошку, золу и уголь. Толщина слоя колеблется от 0,2 до 1,44 м (в районе очага № 16). В противоположность предыдущим двум слоям, здесь обнаружены остатки нескольких сооружений и хозяйственных комплексов.

В северной части III отсека на глубине 1,8—1,9 м от поверхности раскопа находилась часть вымостки (№ 7), размером 2,35 × 1,7 м, хорошо сложенной из массивных, немного подтесанных известняковых камней средних размеров (рис. 20—1). Другая часть этой вымостки (№ 9) сохранилась в виде ряда камней, идущих от южного борта III отсека к северу на расстоянии 2,55 м. На границе III и V отсеков обнаружены нижние части трех тонкостенных плоскодонных пифосов (№ 11), поставленных рядом цепочкой, от южного борта к северу (рис. 20—2). Пифосы, прорезая вымостку, составляли вместе с ней единый хозяйственный комплекс — кладовую. Позднее, при сооружении новых зданий, верхние половины пифосов были довольно ровно сбиты, а нижние перекрыты сплошным глиняно-золистым полом (№ 14). Диаметр наибольшего пифоса (южного) достигал 1,27 м, двух других — 0,98 м. В южном пифосе найдена сероглиняная лощеная ручка (от сосуда) в виде кабана⁸, в среднем пифосе — фрагменты амфор I—II вв. н. э., половина краснолаковой чашки I в. н. э. и фрагменты сосуда из зеленоватого стекла, характерного для I—II вв. н. э.

Возможно, что обнаруженные в юго-восточном углу III отсека остатки очага (№ 16) в виде кусков обожженной глины и скопления углей, золы и сажи также были связаны с описанным хозяйственным комплексом. Однако очаг очень сильно разрушен. Он был углублен по сравнению с горизонтом современной ему жизни и прорезал нижележащие слои вплоть до материка. Находки из очага соответствуют находкам слоя I—II вв. н. э. Отметим, что на ниспадающей границе слоев I—II вв. н. э. и слоя III—II вв. до н. э. найдена строительная свинцовая заливка весом 10 кг, в виде бруска длиной 0,44 м, с пазом (рис. 19—6). Рядом с очагом и севернее его вскрыта яма а, в плане представляющая круг диаметром 1,25 м, вырытая в материковом песке на глубину 1,8 м. Дно ее лежит на глубине 4,66 м от поверхности раскопа. Кроме немногочисленных фрагментов керамики I—II вв. н. э., в яме найдены куски печины от очага № 16, а также край свинцовой пластинки с остатками рельефных изображений и надписи.

В западной части Западного раскопа обнаружена относящаяся к этому слою сильно разрушенная часть монументального фундамента длиной 4,2 м, шириной 0,88 м, сложенного из кусков известняка крупных и сред-

ческой Скифии. «Археология», т. V, 1951, табл. V, 13) и в боспорских городах (И. Т. Кругликова. Костерезные изделия из Пантикапея. МИА, № 57, 1957, стр. 176, рис. 3, 2).

⁸ Фрагмент сосуда с подобного рода ручкой, датированный II в. н. э., найден, например, в Тиритаке (В. Ф. Гайдукевич. Раскопки в Тиритаке в 1935—1940 гг. МИА, № 25, 1952, стр. 27, рис. 20). Сарматские сосуды с подобными ручками — см. К. М. Скалон. Изображения животных на керамике сарматского периода. Государственный Эрмитаж, Труды Отдела первобытной культуры, т. I. Л., 1941, табл. III и сл.

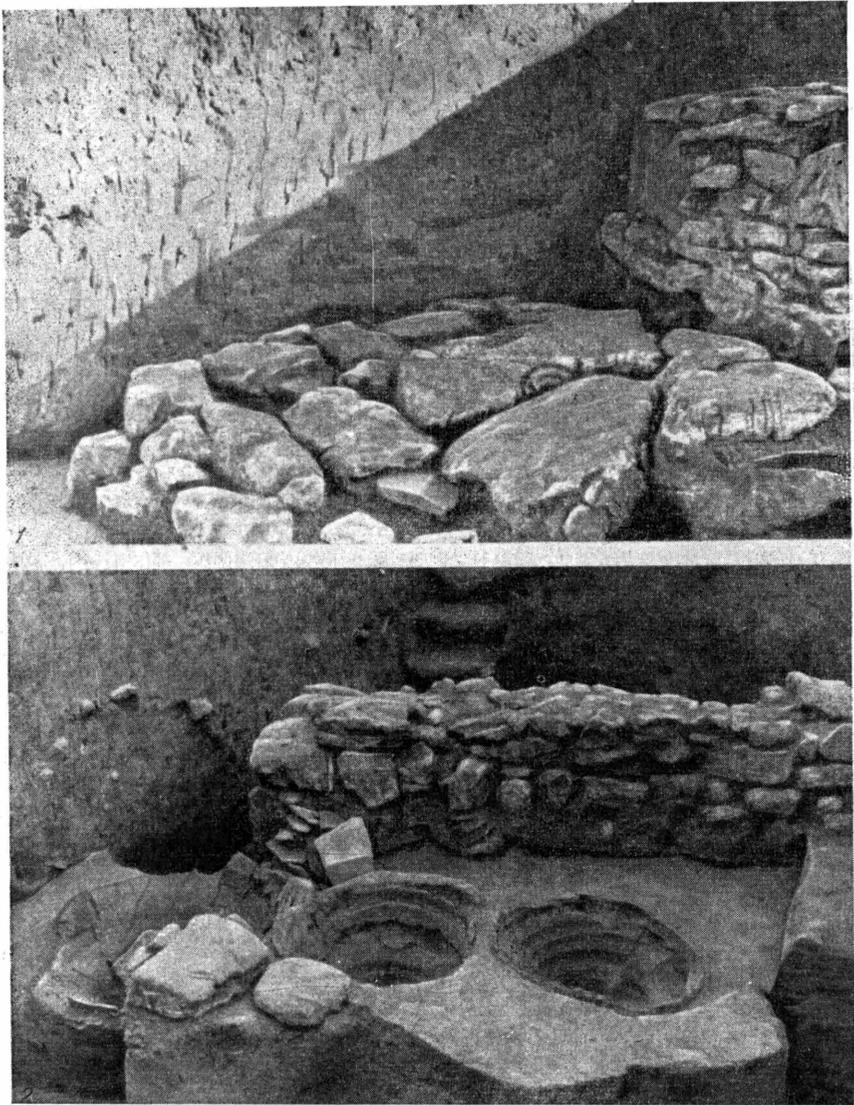

Рис. 20. Кепы. Остатки кладовой, вскрытые на Западном раскопе.

1 — вымостка; 2 — нижние части трех пифосов.

них размеров ($0,6 \times 0,44 \times 0,13$ м, $0,3 \times 0,2 \times 0,15$ м и подобных) в 2 панциря с забутовкой между ними. Несколько камней фундамента обработано; среди них были 3 мраморных фрагмента, из которых два оказались частями соленов.

В числе находок — фрагменты эллинистических сосудов. Наиболее поздние и характерные для слоя находки — это фрагменты светлоглиняных узкогорлых амфор и краснолаковых сосудов I—II вв. н. э. Отметим находку цилиндрической черной костяной бусины, остатки клейма на ручке родосской амфоры, куски известково-галечного пола, однорожковые светильники — открытый эллинистический и миниатюрный закрытый I—II вв. н. э. Поблизости от очага № 16 обнаружены разбитая маленькая светлоглиняная амфора, фрагмент горла амфоры с бурными знаками на

ней, а также часть светлоглиняного щитка светильника с превосходным рельефным изображением упряжки лошадей, погоняемых возницей.

Слой 4 (III в. н. э.), мощностью 0,2—0,4 м, состоял из светло-коричневого суглинка, в котором часто встречались мелкие и средние по размеру куски известняка и прослойки спрессованной морской травы. К этому слою относится конец стены (№ 4), выходящей из северного борта III отсека на расстояние 1,45 м; ее ширина — 0,7—0,75 м, высота — 0,78 м. Стена представляет собой глинобитный цоколь на фундаменте из необработанных уплощенных кусков известняка; конец цоколя укреплен такими же кусками, а торец замкнут необработанной известняковой плитой. Поверхность цоколя аккуратно выложена плоскими обломками известняка и фрагментами стенок амфор III в. н. э. На цоколе возвышалась стена из желтых сырцовых кирпичей толщиной 0,07 м, завал которых (до 0,7 м толщиной) хорошо прослеживался по бортам раскопа. Фундамент цоколя лежал (глубина — 1,83 м) на глиняной подушке толщиной 0,1—0,15 м, при сооружении которой была разрушена восточная часть вымостки № 7. Одновременно цоколю и, видимо, принадлежал тому же зданию пол (№ 14), толщиной 0,03—0,04 м, из утрамбованной глинисто-золистой смеси с мелкой галькой, перекрывавший пифосы и вымостку (№ 7 и 9). Пол разрушен, но над пифосами кусок его (размером 2 × 1,5 м) сохранился хорошо.

Слой 5 относится также к III в. н. э., но более поздний, чем предыдущий. Он состоял из суглинка желтоватого или коричнево-серого оттенков с известковыми включениями и кусочками спрессованной морской травы; толщина его — 0,3—0,6 м. У южного борта III отсека обнаружена сильно разрушенная вымостка (№ 6) из мелких кусков известняка и крупных фрагментов черепицы и амфор III в. н. э. Размеры сохранившейся части вымостки — 3 × 1,9 м, глубина залегания подошвы — 1,4—1,5 м. Сверху вымостки, на дне перекопа IV в. н. э., найдена монета Рискупорида VI (323 г. н. э.).

В центре раскопа открыт угол здания. Его южная стена (№ 12) разрушена и сохранилась на длину 1,28 м. Восточная стена (№ 10), идущая с юга на север, с отклонением на 10° к западу, сохранилась хорошо (рис. 20—2); длина ее — 4,02 м (северный конец уходит в борт), ширина — 0,7—0,78 м, высота — до 0,75 м; подошва фундамента лежала на глубине 1,65 м от современной поверхности. Стена представляет собой цоколь на каменном фундаменте; она очень аккуратно сложена на глине, в 2 панциря, из крупных и средних кусков известняка (0,45 × 0,3 × 0,25 м и т. п.), в большинстве довольно грубо подтесанных; забутовкой служили мелкие камни и фрагменты керамики. Угол здания оформляли 3 крупных блока. Верх цоколя тщательно выровнен для укладки сырцовых кирпичей. Здание располагалось на краю откоса, а потому ниже фундамента стены откос был укреплен пластом (толщиной до 0,4 м) камня железняка. К востоку от стены № 10 обнаружены 5 больших разбитых широкогорлых красноглиняных амфор III в. н. э. (рис. 19—8), из которых три лежали рядом, вблизи стены, на прослойке обожженной земли, причем крайняя с севера амфора налегала на остатки совершенно разрушенной печи. Несомненно, что вымостка № 6, амфоры и печь относятся к комплексу хозяйственного помещения, связанного с располагавшимся западнее основным зданием, которому принадлежали стены № 10 и 12. Между амфорами и стеной расчищен черепяный завал, где обнаружены клинок железного ножа и маленький черноглиняный лепной горшочек (рис. 19—7).

Находки 4 и 5-го слоев аналогичны, но разновременны; наиболее характерны фрагменты красноглиняных широкогорлых амфор с плоскими профилированными ручками и реберчатыми стенками, а также светлоглиняных узкогорлых амфор III в. н. э. Отметим находку нескольких медных боспорских монет II в. н. э., кусочка железного шлака, фрагмента кир-

пича с гофрированной поверхностью. В слое собрано много черепков простой домашней и краснолаковой посуды, в том числе — часть глубокого блюда.

Слой 6 — последний, характеризующий жизнь античного города; он относится к III—IV вв. н. э. Мощность его колеблется от 0,2 до 1,4 м. В западной части V отсека залегал сброс IV в. н. э. с включением сажи, золы, углей, кусков обожженной глины и сырцовых кирпичей. Помимо отдельных камней, постоянно встречавшихся в слое (серо-желтоватого суглинка), отметим группу, состоявшую из известнякового квадрата (0,62 × 0,28 × 0,18 м), двух кусков ракушечника, куска белого мрамора и нескольких мелких обломков известняка у западного борта III отсека; это остатки разрушенного фундамента. Находки многочисленны и по характеру аналогичны находкам 5-го слоя Северного раскопа. Обнаружены несколько обломков кирпичей толщиной 0,032 и 0,035 м, биконическое глиняное пряслице, дно краснолаковой чашечки, с обеих сторон имеющее процарапанные кресты, 2 лепешкообразных и 3 пирамидальных рыболовных грузила, горшок с отбитой ручкой (рис. 19 — 5), 2 железных четырехгранных больших гвоздя, медные монеты Митридата III (39—45 гг. н. э.) и Фифора (около 300 г. н. э.).

Слой 7 (верхний), толщиной 0,25—0,9 м, относится к X—XII вв. н. э. Он состоял из темно-серой однородной супеси, перекрытой дерновой гумусной прослойкой. Строительных остатков здесь нет. Датирующие находки — фрагменты больших амфор X—XII вв., с высокими ручками и горлом в виде раструба, с отложным венцом; однако подавляющее большинство вещей относится к античной эпохе.

При зачистке берегового обрыва над городищем (напротив его северной границы) выявлены 3 слоя, относящихся к I—II вв., III в. и III—IV вв. н. э. Однако эти слои отличаются от обычных городских и производят впечатление наносных или намывных. Тем не менее общая мощность культурных напластований достигает здесь 2,6 м, а в других местах (южнее по обрыву) — даже 3,5 м. Немногочисленные находки оказались дроблеными и окатанными. На подножии слоя III—IV вв. н. э. (глубиной 1,2 м) обнаружен ряд камней (длиной 4,2 м) — остатки крайнего ряда фундамента обвалившейся позднеантичной постройки.

Грунтовой некрополь Кеп располагался на песчаных косогорах в 300—350 м к северо-востоку от городища. В настоящее время некрополь в большей своей части разрушен карьером, причем только минимальное количество вещей из поврежденных погребений попало в музей. В 1957 г. экспедиции удалось зарегистрировать 3 разрушенных погребения, относящихся ко II в. до н. э. В одном из них, женском, найдены мелкие золотые украшения. Вещи из этих захоронений хранятся в школьном музее поселка Сенная. К сожалению, ни типа могил, ни глубины их, ни расположения вещей установить не удалось. Осенью 1957 г. на некрополе найдено известняковое надгробие с изображением стоящего воина⁹.

В результате работ 1957 г. получены новые данные о городе Кепы, расширяющие сведения, известные от античных писателей. Установлена непрерывность его существования от второй половины VI в. до н. э. до IV в. н. э., когда античный город, нужно полагать, подобно другим городам Боспора, прекратил свое существование в результате натиска степных племен. На обследованных участках городища нет следов жизни в эпоху раннего средневековья; по-видимому, в V—IX вв. здесь был пустырь. В эпоху существования на Таманском полуострове русского Тмутараканского княжества, когда в этом районе жизнь стала интенсивнее, на городище древних Кеп вновь образовалось поселение.

⁹ По сообщению директора школы поселка Сенная — Д. Г. Прокопенко.

О дате возникновения античного города говорить пока еще преждевременно. Можно только предположить, что какое-то поселение, — возможно, небольшой эмпорий, — было здесь еще во второй четверти VI в. до н. э. Во второй половине VI в. до н. э. город уже существовал. Несмотря на то, что неповрежденных слоев V и IV вв. до н. э. не обнаружено, Кепы в это время, судя по многочисленным находкам V—IV вв. до н. э. в последующих по времени слоях, а также по свидетельствам Эсхина, Псевдо-Скилака и Диодора Сицилийского, представляли собой небольшой боспорский городок с довольно развитыми торговыми связями. В III и II вв. до н. э. город переживал цветущую пору. Его торговые связи характеризуются находками фрагментов фасосских, синопских, гераклейских, косских, родосских амфор и амфор из других средиземноморских центров. Кепы были тесно связаны с Пантикапеем и особенно с расположенной на том же острове Фанагорией, на что указывают единство форм керамики и сходство черепицы, часть которой вышла из пантикапейских и фанагорийских мастерских. Город, очевидно, был достаточно богат; в нем сооружались здания с колоннами, мраморными архитектурными деталями, существовали надписи на мраморных плитах, а его зажиточных граждан хоронили в подкурганных или грунтовых могилах с богатым инвентарем.

В I в. до н. э. город пережил серьезные потрясения, связанные с разрушением построек и изменением мест городского строительства (Северный раскоп). Однако в I—III вв. н. э. Кепы вновь жили полнокровной жизнью. От этого периода сохранились остатки доброкачественных построек и хозяйственных комплексов (Западный раскоп).

Жители занимались керамическим и металлургическим производством, изготовляли терракоты. О занятии рыболовством свидетельствуют находки грузил для сетей и сама близость к богатому рыбью Таманскому заливу. Пифосы для хранения зерна и название города — $K\eta\tau\omicron\iota$ («Сады») говорят о развитии земледелия, в частности — садоводства¹⁰. Во всех слоях встречались кости домашних животных, указывающие на существование скотоводства, с преобладанием крупного и мелкого рогатого скота¹¹. Лошадь также занимала важное место в хозяйстве населения Кеп.

Отметим значительный материал, полученный из раскопок, для изучения строительства. По-видимому, большая часть домов была крыта черепицей. В эллинистическое и раннеримское время для богатых построек употребляли мрамор (солены, калиптеры, облицовочные плитки, карнизы), окрашенную штукатурку, известково-галечные полы, свинцовые заливки. Для строительной практики в Кехах характерно широкое применение желтоглиняных сырцовых кирпичей, разрушенные части которых встречаются, начиная со слоев эллинистического времени; но сырцовое строительство особенно было распространено в III—IV вв. н. э. Широкое использование сырца нужно объяснить отсутствием строительного камня в ближайшей к городу округе¹². В это же время вошли в употребление обожженные плоские кирпичи, хотя нам неизвестно, в какого рода постройках они применялись в Кехах¹³. Находки больших железных и бронзового гвоздей свидетельствуют об использовании в строительстве дерева.

Обнаруженные боспорские монеты, начиная с эллинистической эпохи, указывают на оживленную внутреннюю торговлю с другими боспорскими городами.

¹⁰ В. Д. Блаватский. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953, стр. 85; его же. Архаический Боспор. МИА, № 33, 1954, стр. 31.

¹¹ Анализ костных остатков произведен В. И. Цалкиным.

¹² Большое применение сырца для устройства гробниц на азиатской стороне Боспора с очень раннего времени — уже отмечалось; см. Н. П. Сорокина. Тузлинский некрополь. Труды ГИМ. Памятники культуры, вып. XXVI, М., 1957, стр. 14.

¹³ В ближайшей Фанагории в 1955 г. обнаружена винодельческая цистерна из плоских кирпичей (сообщение М. М. Кобылиной).

И. Т. КРУГЛИКОВА

РАБОТЫ ВОСТОЧНО-КРЫМСКОГО ОТРЯДА
ПРИЧЕРНОМОРСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ В 1957 ГОДУ

В 1957 г. восточно-крымский отряд Причерноморской экспедиции ИИМК продолжал исследование сельской территории европейского Боспора. Раскапывались поселения у деревень Семеновка (на берегу Азовского моря) и Героевка (на берегу Черного моря) и велись широкие разведочные работы в Ленинском и Приморском районах Крымской области¹.

На поселении у дер. Семеновка был расширен раскоп 1953—1954 гг.², заложенный на вершине выступающего в море холма. В результате вскрыта площадь 350 кв. м, перерезавшая плато с юга на север. Раскопки показали, что эта часть холма была сплошь застроена жилыми домами, расположенными вдоль параллельных улиц I и II, проходивших с юго-запада на северо-восток. Стены домов были сложены из необработанных известняковых камней различных размеров. Имелись, вероятно, и двухэтажные дома, судя по помещению Г, из дворика которого вела каменная лестница, по-видимому, на второй этаж дома. Лучшее всего изучен центральный квартал между улицами I и II. Здесь в 1957 г. полностью расчищены помещения К, Г, Д и частично — Е (рис. 21).

В самом западном помещении К (размер — 3,4 × 5,5 м), площадью около 18,7 кв. м, восточная стена сохранилась на высоту до 0,9 м; наибольшая высота северной стены — 0,98 м, но в западной своей части она разобрана до нижнего слоя кладки; от западной стены уцелел лишь один ряд камней. С юга подходил мощный переулок, связанный с улицей I. Пол в помещении земляной, в северо-западной части — вымощен каменными плитами. Здесь находились 2 каменных ларя, предназначавшихся, видимо, для хранения зерна. Они сооружены из поставленных на ребро плит; один из них достигает 2 м в длину при ширине 0,5 м, другой — значительно меньше: 0,6 × 0,4 м. Рядом с одним из ларей стояли 2 ступы, выдолбленные в массивных камнях цилиндрической формы. В юго-западном углу помещения вскрыты небольшая яма-погребок со стенками, выложенными камнями, и рядом с ней — каменная ограда.

Внутри помещения, в слое золы и саж, сплошь покрывавшем пол, обнаружены 2 каменные зернотерки из плотного зеленоватого и лилового камня; они — такого же типа, как и найденные в Ново-Отрадном³, Ким-

¹ В работе отряда принимали участие И. Т. Кругликова (начальник отряда), В. Э. Кунин и В. И. Цехмистренко (Государственный Керченский историко-археологический музей), М. В. Романовская (ИИМК). Разведки проводил В. В. Веселов, геофизическую съемку — А. К. Вейнберг, Н. Н. Глазатов и В. В. Веселов.

² И. Т. Кругликова. Позднеантичные поселения Боспора. СА, XXV, 1956, стр. 250.

³ Там же, стр. 240, рис. 3.

мерике⁴ и других пунктах. В юго-восточном углу лежал железный наконечник плуга (рис. 22 — 1); плуги этого типа были распространены в дунайских провинциях Римской империи в первые века нашей эры. По всему полу были разбросаны обломки раздавленных остродонных амфор с реберчатыми стенками, лепных горшков и мисок, глиняные пряслица и др.

Соседнее помещение Г (размер — 3,1 × 5,1 м) занимало площадь 15,6 кв. м. Стены его сохранились лучше, чем в предыдущем. Строительные приемы те же. В юго-восточном углу была глинобитная печь размером

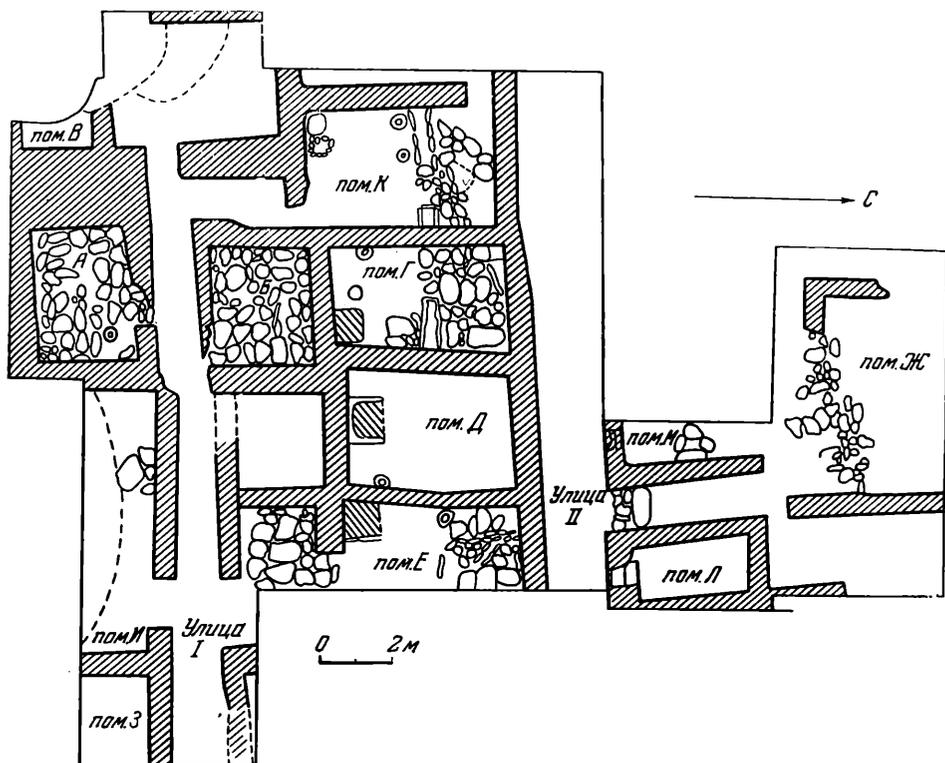

Рис. 21. План раскопа на поселении у дер. Семеновка.

1 × 0,8 м, со стенками из стоящих на ребре каменных плит, перекрытых сверху толстой (2—2,5 см) глиняной плитой. К северу от печи находился столик из массивного плоского камня, примыкавший к длинному каменному ларю. Пространство между камнями, на которые опиралась верхняя плита стола, и восточной стеной помещения было забито золой, видимо, вынутой из печи. Ларь узкой стороной примыкал к этой же стене. Внутри его найдены обуглившиеся зерна ячменя. В северо-западном углу было какое-то сооружение, вероятно, тоже в виде ларя, от которого сохранились одна глинобитная стенка, примыкавшая к северной стене помещения, и большая каменная плита. Здесь обнаружены большое количество обуглившегося зерна и куски обуглившихся переплетенных прутьев от корзин с зерном, находившихся до пожара внутри углового ларя.

У западной стены стояла каменная ступа, а вблизи печи — круглый жернов зернотерки. Пол в северной части выстлан каменными плитами,

⁴ В. Д. Блаватский. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953, стр. 139, 140, рис. 61, 62.

а в южной он был земляным. Весь пол был сплошь уставлен сосудами, среди которых преобладали лепные горшки и миски, иногда — с красно-лощеной поверхностью. Имелись также лепные и гончарные кувшины, лепные светильники с вытянутым рожком, круглые, на высокой ножке или совсем без ножки, с выступом в центре.

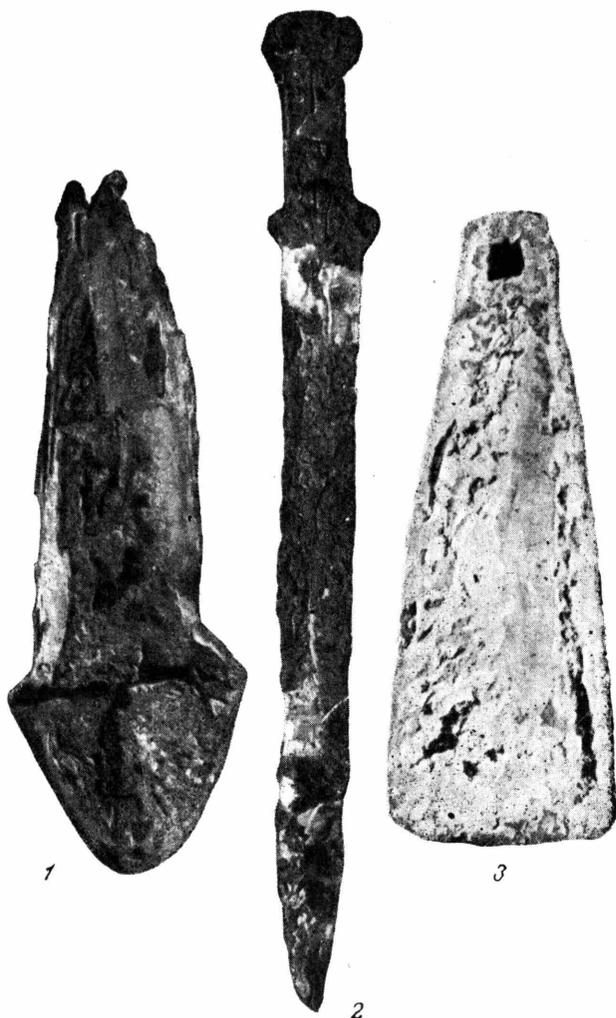

Рис. 22. Находки с поселений у деревень Семеновка и Героевка.

1 — железный наконечник палки; 2 — железный акинак; 3 — свинцовая гиря (1 — из Семеновки; 2, 3 — из Героевки).

Среди других находок интересны маленькая бронзовая птичка, вероятно, от крышки бронзового сосуда (рис. 23—6); костяные иглы для плетения сетей (рис. 23—1—5); пирамидальные грузила, обожженные и не обожженные; ложила, бронзовое кольцо и т. д. В этом же помещении у печки найдены 96 боспорских статов 239—267 гг. н. э., хранившихся, по-видимому, в мешочке и спрятанных хозяином в углу, среди горшков⁵.

⁵ И. Т. Кругликова. Клад боспорских статов III в. н. э. из дер. Семеновки. СА, 1958, № 3, стр. 134—143.

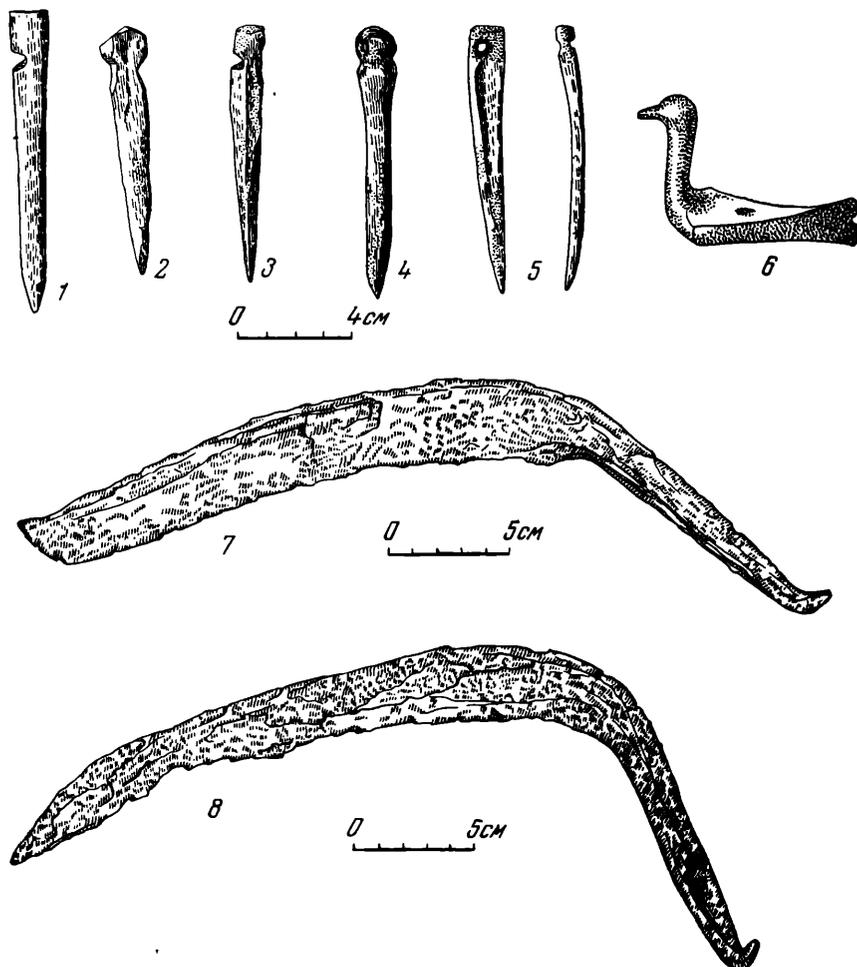

Рис. 23. Находки из раскопок поселения у дер. Семеновка.
1—5 — костяные иглы для вязания сетей; 6 — бронзовая птичка; 7, 8 — железные косы.

С юга рядом с помещением находился небольшой дворик Б, раскрытый еще в 1954 г.⁶

В помещении Д (размер — 3,1 × 4,9 м) площадью 15,19 кв. м была глинобитная печь, примыкавшая к южной стене, и стояла каменная ступа; но по характеру находок комната сильно отличалась от остальных. Пол не был покрыт таким толстым слоем золы и сажи; посуды найдено мало, преобладали обломки массивных остродонных амфор боспорской глины.

Помещение Е еще не вскрыто полностью. В расчищенной части обнаружены глинобитная печь со стенками из поставленных на ребро каменных плит — такого же типа и размера, как в предыдущем (Г), и аккуратно сделанная каменная четырёхгранная ступа, прислоненная к западной стене. Северная часть помещения Е, видимо, предназначалась для зимней стойки скота. Пол там был вымощен каменными плитами, и, кроме того, устроены небольшие «водостоки», вероятно, облегчавшие содержание

⁶ И. Т. Кругликова. Позднеантичные поселения Боспора, стр. 250.

стояла в чистоте. На каменных плитах пола лежал толстый слой камки, возможно, служившей подстилкой для скота. Вымощенная часть отделялась от остальной площади поставленной на ребро каменной плитой (в виде загородки), в которой у края было специально просверлено отверстие для привязывания скота. Находок здесь было мало; среди них — красноощенный горшочек, кувшин, несколько грубоглиняных лепных горшков. В центральной части помещения находилась яма — естественная расщелина материковой скалы, засыпанная мусорным грунтом и золой; возможно, сюда выбрасывали золу из печи и нечистоты из стойла.

С юга к этому помещению примыкал вымощенный плитами дворик такого же типа, какой был перед комнатой Г. На дворике найдены небольшие узкогорлые светлоглиняные амфоры, амфорка из розовой глины и другие сосуды. Вероятно, перед помещением Д также был дворик, выходивший на улицу I, но этот участок был поврежден в XX в. в результате выборки камня.

В описанный комплекс (К, Г, Д, Е) можно было проникать лишь с юга, так как в северной стене, выходящей на улицу II, нет никаких следов дверных проемов. Во все мощенные дворики, примыкавшие к улице I, можно было войти с юга; дверные проемы были также в южных стенах помещений К, Г, Е. Вопрос о дверях в комнату Д остается неясным; в западной, южной и восточной стенах дверных проемов нет, а южная сохранилась плохо.

К северу от комплекса построек проходила улица II. Уровень ее поверхности был выше пола всех южных и северных помещений и выше уровня улицы I.

Для того чтобы попасть в сооружения, расположенные к северу (Л, М и коридор между ними), надо было спуститься на несколько ступенек.

Помещение Л особенно интересно. Его длина — 3,6 м, а ширина — лишь 1,6 м. Небольшое по размерам, оно было сплошь заполнено костями и чешуей крупных осетровых и других рыб. Если бы не ступеньки, ведущие с улицы, а также не отсутствие каменной вымостки пола и обмазки стен, его можно было бы принять за рыбозасолочную ванну, сохранившую свое содержимое. По-видимому, это помещение предназначалось для хранения сушеной рыбы. Слой рыбьих костей достигает 0,5—0,8 м толщины. Среди них найдены кости собаки и обломки керамики, в том числе стенки массивных остродонных амфор с ребрами, лепных простых и красноощенных сосудов и стеклянного сосуда.

Пол был глинобитным. Под слоем глины в северной части расчищена подтесанная материковая скала, в южной — была подсыпка из гальки. Слой глины, покрывавший пол, содержал примесь морского песка, дробленых створок мидий и кусочков мела или гипса. В обмазке пола найдены бронзовый боспорский статер Рискупорида (267 или 266 г.), по времени соответствующий группе наиболее поздних монет клада из комнаты Г, и небольшое глиняное пряслице.

В коридорчике около помещения Л стояла огромная остродонная амфора с широким горлом, по-видимому, также предназначавшаяся для хранения и транспортировки рыбы. Помещение М полностью еще не раскопано. Во вскрытой части обнаружены ступеньки лестницы, ведущей с улицы II, каменные плиты вымостки пола и зольная яма, устье которой выложено камнями. Яма — естественная расщелина в материковой скале — использовалась для хозяйственных нужд и была засыпана мусором с примесью золы и обломков ракушек мидий. Среди находок в засыпке помещения были только обломки лепных сосудов.

Северная часть раскопа достигает обрыва берега моря. Склон в этой части сильно пострадал от оползней, часть холма, подмываемая морем,

обрушилась; культурный слой в значительной степени смыт. От помещения Ж уцелели лишь небольшие участки стен и вымостки пола. На одной из каменных плит вымостки оказались 5 железных кос типа «горбуш» (рис. 23—7, 8) и сильно попорченный железный наконечник плуга, аналогичный найденному в помещении К.

Комплекс находок и обнаруженные монеты заставляют датировать расположенное на холме поселение I—III вв. н. э. По-видимому, оно погибло между 267 и 275 гг. н. э. во время нападения врагов, вероятно, прибывших через Азовское море. Население либо было угнано в плен, либо уничтожено, так как никаких следов жизни в последующий период не обнаружено. Ни деньги, ни железные орудия труда, представлявшие в то время большую ценность, никто не извлек из-под обвалившихся зданий.

Обращает на себя внимание сходство планировки раскопанной части поселения и квартала на участке III в Илурате, между переулками II и III. В Илурате северные стены помещений, примыкающие к улице, также глухие; входы в сооружения — с юга; перед большими по размерам северными помещениями находятся маленькие проходные, замощенные камнями⁷.

Кроме раскопок на холме, были заложены шурфы у его подошвы и на большой, расположенной к югу возвышенности. В шурфах обнаружен культурный слой IV—III вв. до н. э. Видимо, поселение, предшествующее по времени исследованному на холме, находилось у той же бухты, но занимало большую территорию.

При разведках, проведенных в районе между мысом Казантип и Семью Колодезьями, обнаружены 12 не известных ранее древних поселений, относящихся к V, IV и III вв. до н. э. Все они были расположены на ровных местах, часто удалены от моря и лишены каких-либо следов оборонительных сооружений. На поселениях преобладает материал IV—III вв. до н. э.; встречается много обломков остродонных гераклеийских амфор, синопских, фасосских, боспорских и др.

По-видимому, в IV—III вв. до н. э. ничто не угрожало спокойной жизни сельских поселений, тогда как на рубеже и в первые века нашей эры население было принуждено селиться в укрепленных поселках, использовать для них холмы, мысы и другие удобные для укреплений места. Количество поселков уменьшилось по сравнению с числом пунктов в IV—III вв. до н. э., но сильно возросла плотность их населения; это влекло за собой скудность построек на незначительной площади и делало эти поселения похожими на поселки городского типа.

Второе из раскапывавшихся в 1957 г. поселений находилось на берегу Черного моря в 5 км к югу от дер. Героевка. Оно расположено на высоком ровном плато, сильно подмываемом морем, и в настоящее время уже частично обрушилось в воду. Берег здесь примерно на 15 м выше уровня моря. Раскопки начаты еще в 1956 г. Тогда были раскрыты остатки постройки V в. до н. э., сложенной из небольших известняковых камней уплощенной формы; глинобитная печь конца VI в. — начала V в. до н. э.; зерновые ямы и вымостки V—II вв. до н. э.; глубокий колодец V в. до н. э., выложенный прекрасно обработанными и пригнанными известняковыми блоками. Наиболее поздняя постройка античного времени относилась к I в. до н. э.—I в. н. э.

От нее сохранились лишь часть фундамента из крупных камней и несколько очень больших квадров нижнего ряда кладки. Они свидетель-

⁷ См. В. Ф. Гайдукевич. План участка III Илурата, приложенный к отчету о раскопках Боспорской экспедиции ИИМК в 1954 г. Архив Института археологии АН УССР; его же. История античных городов Северного Причерноморья. Сб. «Античные города Северного Причерноморья», М.—Л., 1955, стр. 137, рис. 47.

ствуют о массивности стен и крупных размерах здания, большая часть которого обрушилась в море вместе с обвалом берега. Здание это стояло на насыпном грунте, состоявшем из мусора, которым были засыпаны небольшая балка и находившийся в ней колодец, переставший функционировать еще в IV в. до н. э.

В 1957 г. была расширена площадь раскопа предшествующего года и заложен новый — на берегу моря, к югу от первого. Основной (первый) раскоп 1956—1957 гг. примыкал к месту, где обнаружен колодец, боковая стенка которого обнажилась после обвала в море части береговой полосы. За 2 года вскрыта площадь около 300 кв. м.

Самый ранний из культурных слоев, обнаруженных здесь, относился к VI—V вв. до н. э. Этот слой, соответствующий времени возникновения поселения, залегал на материке, на различной глубине (от 0,5—1 м и до 1—1,5 м). К этому слою относятся каменная вымостка, 3 зольные ямы, остатки печи и, вероятно, колодец. Яма № 1 (1956 г.) — конусовидной формы; она была заполнена золстым грунтом с обломками хиосских амфор, чернолаковых и лепных сосудов. Яма № 2 (1957 г.) — цилиндрической формы, глубиной 0,7 м — также была заполнена золстым грунтом, в котором найдены 2 горла хиосских амфор V в. до н. э., обломки чернолаковых сосудов и железный меч-акинак (рис. 22—2). В яме № 3 (1957 г.) грушевидной формы, глубиной 1,23 м, также был золстый грунт. От глинобитной печи конца VI в.—начала V в. до н. э. сохранились 2 глиняные лепешки толщиной по 3 см, с загнутыми вверх краями, опирающиеся на центральный глиняный столбик размером 28 × 10 см, сохранившийся на высоту 15 см. К печи примыкала зольная яма.

В 1957 г., после удаления остатков кладки здания I в. до н. э. — I в. н. э. и подстилавшего его грунта, приступили к расчистке колодца. В связи с тем, что одна из его стенок полностью обнажена и в грунте намечались трещины, расчистка может проводиться лишь при параллельной разборке кладки. В 1957 г. удалось расчистить колодец на глубину 4,38 м и разобрать 8 рядов его кладки (из 27 рядов, видимых в обрыве берега). Колодец — почти квадратной формы и слегка расширялся книзу. Размеры его — 1,44—1,5 × 1,2—1,3 м. Стенки сложены из крупных известняковых блоков, внутренняя поверхность которых прекрасно обработана, а пазы тщательно пригнаны. Внешние торцовые стороны квадров не обработаны, углы их скошены (вероятно, для удобства укладки блоков). Вдоль юго-западного угла колодца на всех расчищенных угловых блоках южной и западной стенок сделаны небольшие, регулярно размещенные углубления для установки деревянных или металлических брусков, по которым можно было бы спускаться.

В слое, перекрывавшем колодец, собрано большое количество обломков лепных плоскодонных горшков с отогнутым краем (иногда с вдавливами или насечками по краю), гончарных сосудов типа кастрюль, красноглиняных кувшинов, пифосов, чернолаковых и расписных сосудов; встречены обломки амфор (синопских, фасосских, хиосских, гераклейских, косских и др.), а также куски черепицы. Этот слой относится к I в. до н. э., когда для нивелировки местности и подсыпки грунта под постройку сюда была перевезена свалка эллинистического времени. Сам колодец был засыпан бутом, глиной и мусором, вероятно, еще в III в. до н. э., так как среди заполнявшей его керамики много обломков амфор IV—III вв. до н. э., боспорской черепицы и чернолаковых сосудов этого же времени. Среди мусора оказалось очень много костей собак. В грунте между стенками колодца и бортами выкопанной для него ямы найдены обломки хиосской амфоры VI—V вв. до н. э., что позволяет датировать сооружение колодца этим временем; однако окончательно определить дату удастся лишь после полной расчистки колодца.

К слою V—IV вв. относятся бóльшая часть кладок стен, черепяные и каменные вымостки, зольные ямы. Остатки стен свидетельствуют, что они сооружались в 2 панциря, из небольших камней уплощенной формы. Каменными были лишь нижние части стен, а верхние их части складывались из сырца. Камни кладок в значительной части выбраны, и строительные

Рис. 24. Находки из раскопок поселения у дер. Героевка.

1—4 — обломки расписных сосудов; 5 — фрагмент чернолакового клика с граффити; 6 — архитектурная терракота; 7 — головка терракотовой статуэтки VI в. до н. э.

остатки повреждены более поздними ямами; поэтому пока не удалось полностью восстановить план ни одной из построек. Обращает на себя внимание, что постройки этого времени размещались на довольно большом расстоянии одна от другой. Выше лежали слои IV, III и II вв. до н. э.; наиболее поздним был слой I в. до н. э. — I в. н. э., когда поселение окончательно прекратило свое существование.

Несмотря на малую насыщенность раскопанной площади архитектурными остатками, отсутствие следов оборонительных стен, плоский рельеф местности и сравнительно небольшой культурный слой, не превышающий 1,5 м и распространенный на большой территории, — нельзя с уверен-

ностью сказать, что это было чисто сельское поселение. По комплексу находок оно сильно отличается от известных до настоящего времени сельских поселений глубинной части Боспора и даже от обнаруженного на восточном склоне горы Опук раннего Киммерика⁸, существовавшего только до IV в. до н. э.

Необходимо отметить обилие среди находок в Героевке обломков дорогой привозной посуды: чернофигурных и краснофигурных расписных сосудов (рис. 24—1—4), ионийских амфорисков VI в. до н. э. (рис. 25),

Рис. 25. Ионийский амфориск VI в. до н. э. с поселения у дер. Героевка.

обломков чернолаковых сосудов с граффити (рис. 24—5), свидетельствующих о грамотности их владельцев. Среди находок отметим обломок мраморного акротерия и прекрасные архитектурные терракоты IV—III вв. до н. э. (рис. 24—6), которые должны были украшать карнизы больших, богатых зданий и вряд ли применялись при постройке сельских домов; архаические терракоты (рис. 24—7); большую свинцовую гирию конусовидной формы, весом 1960 г. (рис. 22—3). Эта находка говорит о развитии торговли и наличии торговцев, а железный акинак V в. до н. э., положенный или выброшенный в яму, — о том, что в поселке жили и воины (рис. 22—2). Все это заставляет предположить, что греческое поселение здесь носило полусельский, полугородской характер. Возможно, в I в. до н. э. — I в. н. э. характер поселения изменился — появились отдельные усадьбы, остатки одной из них обнаружены над колодезем.

Кроме описанных раскопок, в 1957 г. небольшие разведочные работы проводились на поселении у дер. Марьевка Приморского района, расположенном вдали от берега моря, около 8 км к северу от древнего Киммерика. Разведками обнаружены культурные слои эллинистического времени в 3 пунктах к северу, югу и востоку от современной дер. Марьевка,

у самых ее окраин. Кроме того, здесь открыт интересный некрополь этого же времени; стенки могильных ям были выложены мелкими камнями плитняка, а могилы покрыты огромными каменными плитами.

В небольшом раскопе, заложенном на северной окраине деревни, вскрыты остатки каменной постройки значительных размеров с подходовшей к ней вымосткой, две зольные ямы и следы очага. Строительные остатки связываются с культурным слоем IV—III вв. до н. э.; среди находок — обломки гераклеийских, косских, фасосских, синопских, боспорских и других амфор, в том числе одна ручка синопской амфоры с клеймом *Αγαθου ἀστίνουμου Κρατιστάρχου* и эмблемой — голова бородатого Силена вправо. Б. Н. Граков относит это клеймо к IV группе, т. е. к периоду от 180 до 150 гг. до н. э.⁹

⁸ И. Т. Кругликова. Раскопки древнего Киммерика. Сб. «История и археология Боспора». Симферополь, 1953, стр. 55 и сл.

⁹ Б. Н. Граков. Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов. М., 1929, стр. 138.

Культурный слой распространен на площади около 10 га — на восточном и западном склонах небольшой гряды. С целью выявить планировку поселения в 1957 г. впервые был применен метод геофизической разведки. При помощи потенциометра и соединенных с ним электродов, между которыми пропускали электрический ток небольшого напряжения, устанавливали степень сопротивления почвы на различных участках прямых параллельных линий, условно нанесенных в определенном порядке (через 2 м) на исследуемый участок. Стрелка потенциометра фиксировала места наибольшего сопротивления, которые, при нанесении на схему, концентрировались в пятна и при проверке шурфами оказались местами скопления камней — развалами построек. Развалы располагались на расстоянии около 30—40 м один от другого, что подтверждает наблюдения о планировке сельских поселений, сделанные при обследовании участков свежевспаханной земли и нанесении на план выявленных пятен культурного слоя¹⁰. К сожалению, геофизическая разведка проводилась недолго, и вся территория поселения не была охвачена. Это был лишь первый опыт применения новых методов.

Во время разведок, проведенных в окрестностях дер. Марьевка, обнаружено еще несколько не известных ранее поселений эпохи эллинизма и периода поздней бронзы. Выяснено, что этот участок Керченского полуострова в древности был более плотно заселен, чем в настоящее время; вероятно, это было связано с многочисленными в ту пору источниками и речками в ныне почти безводном районе.

¹⁰ См. И. Т. Кругликова. Исследование сельской территории европейского Боспора. СА, 1957, № 1, стр. 229, рис. 13.

Н. Н. ПОГРЕБОВА и Л. В. КОНДРАЦКИЙ

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ РАЗВЕДКА В СТЕПЯХ
ТИЛИГУЛО-БЕРЕЗАНСКОГО РАЙОНА
НИКОЛАЕВСКОЙ ОБЛАСТИ

Тилигуло-Березанский район расположен на юго-западе Николаевской области, между Березано-Сосицким и Тилигульским лиманами Черного моря. Побережье моря и обоих лиманов неоднократно подвергалось обследованиям и до революции¹, и особенно в советское время, когда были уточнены старые сведения и открыты не известные ранее памятники эпохи бронзы, скифского времени и первых веков нашей эры, а на некоторых из них были развернуты раскопки². На основании разведки по всему побережью Тилигульского лимана Э. А. Сымонович составил археологическую карту открытых там поселений, главным образом скифского времени и первых веков нашей эры³. Степная же часть района оставалась почти не изученной. Сведения об археологических памятниках в долине р. Сосики, собранные и обобщенные И. В. Фабрициус⁴, крайне отрывочны: отмечены лишь курганы и случайные находки. Среди последних следует указать на архаическое бронзовое зеркало с ручкой в виде женской фигуры, обнаруженное около хутора Анновка и изданное В. К. Мальмбергом и С. А. Желелевым⁵, и клад македонских монет IV—III вв. до н. э. из окрестностей хутора Лубянка. Эти находки указывают на связи местных племен с греческим миром в VI—III вв. до н. э.

В 1950 г. отряд Буго-Днепровской экспедиции Института археологии АН УССР открыл в долине р. Сосики поселение первых веков нашей эры в устье балки у с. Дмитриевка⁶, а близ хутора Лубянка найден обломок

¹ И. В. Фабрициус. Археологическая карта Причерноморья УССР, вып. 1. Киев, 1951, стр. 52, 56—62.

² М. С. Синицин. Карта поселень і городищ між гирлами Дністра и Південного Бугу скіфсько-сарматського часу. Одеський державний педагогічний Інститут ім. М. Д. Ушинського, Наукові записки, X, 1955, стр. 53—56; Л. М. Славін. Археологічні дослідження городищ, поселень та могильників Ольвійського оточення у 1949—1950 рр., АП, т. V, 1955, стр. 143—148; Э. А. Сымонович. О некоторых типах поселений первых веков нашей эры в Северном Причерноморье. КСИИМК, вып. 65, 1956, стр. 131 и сл.; его же. О древнем Одессе. ВДИ, 1954, № 4, стр. 146 и сл.; С. И. Капошина. Из истории греческой колонизации Нижнего Побужья. МИА, № 50, 1956, стр. 211 и сл.

³ Э. А. Сымонович. О некоторых типах поселений... стр. 132, рис. 46.

⁴ И. В. Фабрициус. Указ. соч., стр. 62.

⁵ В. К. Мальмберг и С. А. Желелев. Три архаические бронзы Херсонской губернии. МАР, № 32, 1907, табл. III, стр. 25 и сл.

⁶ Л. М. Славін. Указ. соч., стр. 147.

проушного каменного топора, происходящий, может быть, из распаханных курганов⁷.

Летом 1957 г. Западно-Скифская экспедиция ИИМК предприняла разведку в степях Тилигуло-Березанского района согласно сведениям, сообщенным краеведом Л. В. Кондрацким. За последние годы Л. В. Кондрацкий обнаружил в долине р. Сосики и по прилегающим к ней балкам, а также на северо-восточном побережье Тилигульского лимана несколько древних поселений и нанес их на карту района. Им собрана интересная коллекция керамики и каменных орудий.

Разведочная группа Западно-Скифской экспедиции под руководством Н. Н. Погребовой вместе с Л. В. Кондрацким посетила большую часть открытых им поселений и собрала дополнительный подъемный материал. На ряде пунктов проведены шурфовка или разведочные раскопки. В результате явилась возможность примерно определить возраст и культурную принадлежность открытых поселений. В настоящей статье публикуется карта Л. В. Кондрацкого в обработке Н. Н. Погребовой (рис. 26). Пункты № 10, 11, 16 и 22 обследованы только Л. В. Кондрацким, и характер их установлен по собранному им подъемному материалу. К началу разведки 1957 г. Л. В. Кондрацким было зафиксировано в обследованной им части Тилигуло-Березанского района 22 древних поселения. Из этих памятников Э. А. Сымоновичем открыто, по-видимому, только поселение II—IV вв. у с. Анатолевка (см. пункты № 14 и 15). Южнее села Л. В. Кондрацким зарегистрированы 2 пункта предскифского и скифского времени. Современные села Тузлы, Красное, Малахово, близ которых Л. В. Кондрацким открыты поселения № 5, 6, 7 и 16, упоминаются в труде И. В. Фабрициус только в связи с курганами и случайными находками.

Как показала проведенная разведка, большая часть осмотренных поселений относится к эпохе поздней бронзы или предскифского времени (с керамикой так называемого сабаатиновского типа). Таких поселений установлено 15, из них восемь — в долине р. Сосики (№ 1, 2, 6, 7, 9, 19, 21 и 22), пять — на Тилигульском лимане и по впадающей в него балке у с. Анатолевка (№ 8, 12, 13, 17 и 18), одно — в с. Тузлы на Тузловском соленом озере (№ 16) и одно — в южной части Березано-Сосицкого лимана (№ 10). Из этих поселений в пунктах № 2, 6, 17 и 18 среди подъемного материала (а в пункте № 6 и в слое шурфа) обнаружена греческая керамика VI—I в. до н. э., что свидетельствует о заселенности их и в скифское время, а на пунктах № 2 и 13 — сероглиняная керамика первых веков нашей эры, изготовленная на гончарном круге. Эта же керамика преобладает в пунктах № 3, 4, 14, 15 и 20, которые мы поэтому считаем поселениями первых веков нашей эры. Пункты № 5 и 11 остаются хронологически неясными.

Обследованные поселения в долине р. Сосики и по берегам балок (которые, по-видимому, являются руслами высохших речек) расположены на пологих склонах береговых плато, над самой поймой, а по берегам Тилигульского лимана — на плоском высоком берегу (№ 12) или береговых мысах, ограниченных балками (№ 17 и 18).

Характерная черта почти всех поселений, независимо от их датировки, — это следы каменного домостроительства из местного камня, во всяком случае, в предскифское время и в первые века нашей эры. Поставить каменное домостроительство в связь с материалами скифского времени пока не удастся. На распаханных поселениях признаками сооружения ка-

⁷ Э. А. Сымонович. Краткий отчет о работах отряда Буго-Днепровской экспедиции Института археологии АН УССР в 1950 г. Архив Института археологии АН УССР, Киев.

менных домов служат только камни, разбросанные на пашне или сложенные в кучи по ее краю. На поселениях с задернованной поверхностью остатки каменных кладок проступают местами из-под дерна.

○ а ○ б ○ в ● г ○ д ● е ○ ж — з — — и

Рис. 26. Карта распространения археологических памятников Тилигуло-Березанского района. (Разведки 1957 г.).

а — современные населенные пункты; б — поселения первых веков нашей эры; в — поселения предскифского времени и первых веков нашей эры; г — поселения предскифского времени; д — поселения предскифского и скифского времени; е — поселения предскифского, скифского времени и первых веков нашей эры; ж — поселения, не определенные в отношении датировки; з — долины рек; и — границы районов; 1 — Леонидовка или Попильная; 2 — Тилигуло-Березанка; 3 — хутор Свободный; 4 — Андреевка; 5 — Малахово; 6 — Красное II; 7 — Красное I; 8 — Анатольевка-Клауя; 9 — Каменка; 10 — Лиманы; 11 — Даниловка; 12 — Червона Украина; 13 — Анатольевка I; 14 — Анатольевка II; 15 — Анатольевка III; 16 — Тузлы; 17 — Атаманка II; 18 — Атаманка I; 19 — Васильевка; 20 — Малыши I; 21 — Малыши II; 22 — Попильная II.

Для исследования обнаруженных строительных остатков на поселении Леонидовка (№ 1), расположенном между современными селами Попильная и Андреевка на левом берегу Сосики, мы заложили разведочную траншею. Здесь на протяжении около 9,2 м раскрыто основание каменной стены в виде двух параллельных кладок, находящихся одна от другой на расстоянии 0,4—0,5 м. Каждая из кладок состоит из ряда крупных камней, поставленных на ребро или положенных плашмя, причем некоторые

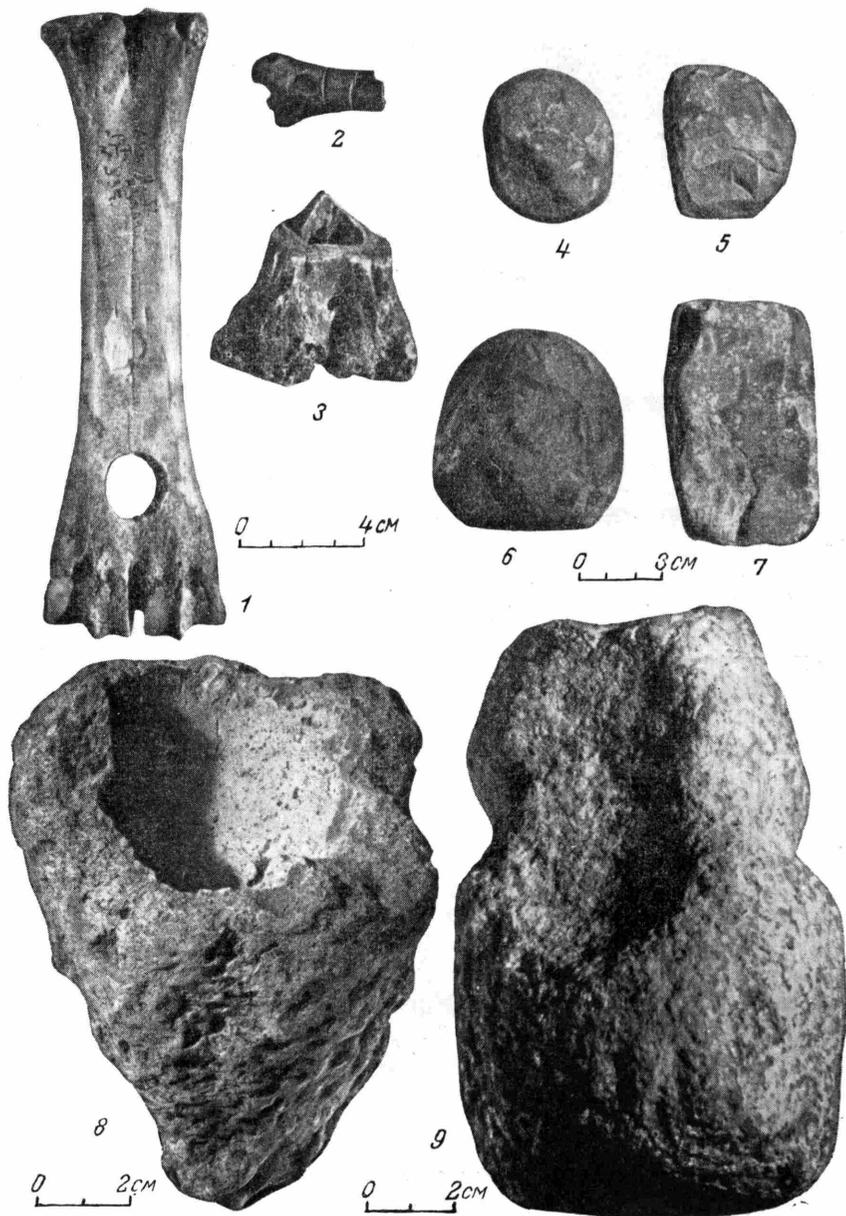

Рис. 27. Каменные и костяные орудия.

1—3 — обработанные кости; 4—6 — каменные терочники; 7 — точило (?); 8 — каменная ступа; 9 — каменный молот [1, 2, 4, 5, 7—9 — с поселения Анатолевка-Клуя (пункт № 8); 3, 6 — с поселения Леонидовка (пункт № 1)].

камни несут следы подтески. Остатков забутовки между кладками не обнаружено, но обе они, вероятно, составляют одно целое. Северная, хуже сохранившаяся, кладка повторяет направление южной. Возможно, что пространство между ними было забито землей (?). Ширина стены, сложенной таким образом, составляет в среднем 0,9—1 м.

Развал камней среднего и мелкого размера, лежащий впритык к северной кладке, указывает на то, что камень применялся в конструкции и верх-

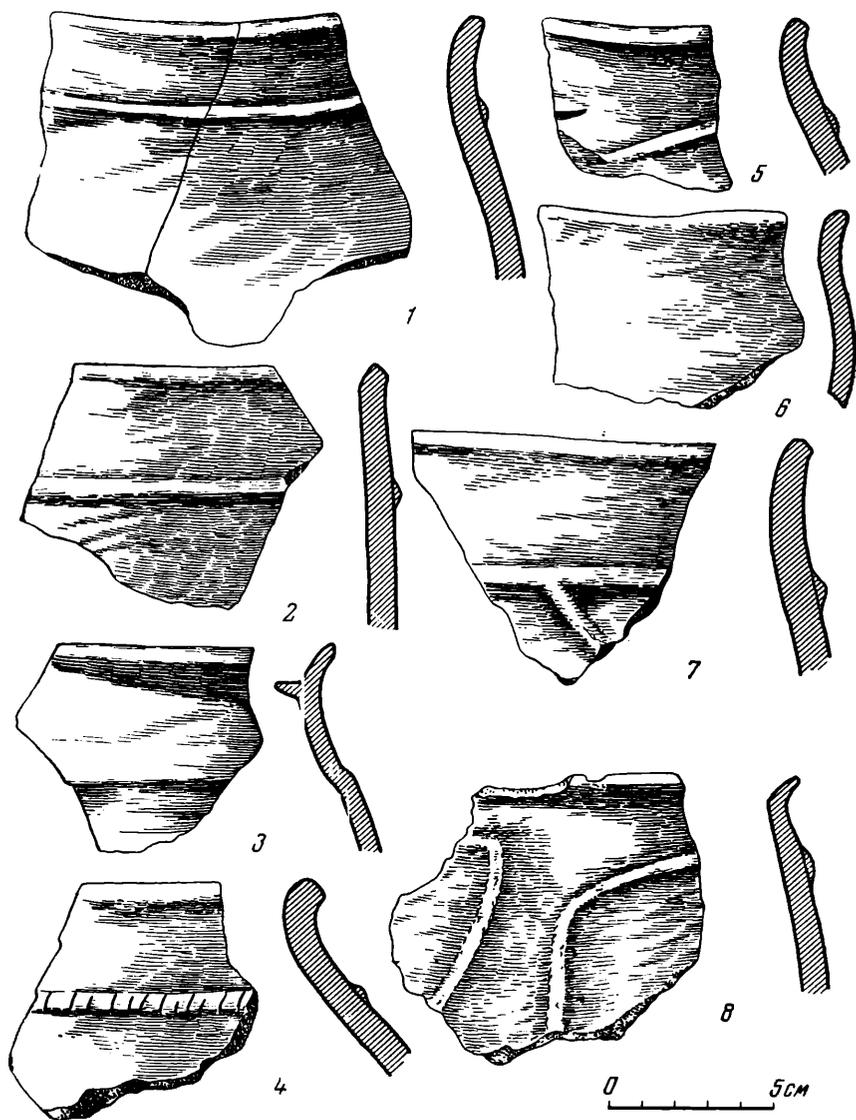

Рис. 28. Поселение Анатолевка-Клуна. Образцы лепной керамики.

ней части стены. Юго-восточный конец стены примыкает к основанию частично раскрытого прямоугольного строения. Северная и западная его стены состоят из некрупных камней, положенных плашмя. С западной стороны перед строением обнаружена узкая пристройка, вероятно, хозяйственного назначения, ограниченная снаружи плоскими плитами, поставленными на ребро. К северу от здания вскрыты остатки еще какой-то кладки.

Особенностью открытых остатков сооружений являются система кладки из двух панцирей с забутовкой землей (?), укладка камней плашмя и на ребро, замыкание кладки торцовыми камнями, применение подтесанных камней.

Строительные остатки лежали на древней дневной поверхности. В культурном слое толщиной 0,4 м, связанном с ними, обнаружены кости жи-

вотных, некоторые — со следами обработки (рис. 27 — 3), керамика, растительные камни из твердых пород (рис. 27 — 4), керамический шлак, кусочки обожженной глины. По-видимому, здесь были жилые строения.

Керамика — преимущественно лепная, хотя среди развала камней на уровне их подошвы встречены 2 обломка стенок амфор неопределенного времени. Среди лепной керамики представлены баночные горшки со слегка отогнутым или прямым краем и гладким приостренным валиком под венчиком (типа, показанного на рис. 28 — 1—3). В одном случае валик орнаментирован пальцевыми вдавлениями с отпечатком ногтя. Встречались черепки гладких лощеных горшков с отогнутым краем и прямыми стенками.

Судя по находкам и примитивной строительной технике, поселение Леонидовка должно относиться к эпохе поздней бронзы, хотя этому времени применение подтесанных камней в строительстве обычно не свойственно, а баночные сосуды с валиками под венчиками доживают в Северном Причерноморье до VII—VI вв. до н. э.⁸

Видимо, поселение в Леонидовке может быть отнесено к периоду перехода от эпохи поздней бронзы к железному веку, от предскифского к скифскому времени, — около IX—VIII вв. до н. э. Однако ввиду незначительности вскрытой площади дата эта сугубо предварительна.

На другом поселении предскифского времени, у старой клуни близ с. Анатольевка (№ 8), нам удалось оконтурить довольно большое каменное строение. Поселение расположено против села на склоне высокого холма, на левом берегу балки, впадающей в Тилигульский лиман. Строение состоит из основного помещения неправильно прямоугольной, почти трапециевидной формы, и непосредственно примыкающего к нему небольшого тамбура (3,5 × 2,8 м), северо-западная стена которого (кладка № 3) выступает на 1 м к юго-западу за пределы здания (рис. 29 — 2). Все строение вытянуто с юга-запада на северо-восток. Средняя длина внутренней части основного помещения составляет 6,5 м, средняя ширина — 5,8 м. Общая длина основного помещения вместе с тамбуром — 9,6 м. Юго-восточная и юго-западная стены строения как будто продолжают за пределы раскопа. Возможно, что с этой стороны к открытому помещению примыкали другие.

Стены здания были сложены из крупного и мелкого рваного известнякового камня. Обнаружен нижний ряд кладки, но, как видно из развала камней, лежавшего плотной массой по обе стороны, стена была каменной и выше основания. Ширина кладки в неразрушенных частях достигает 0,9—1 м. Кладка выполнена главным образом в системе двух крупноблочных панцирей, а в пространстве между ними — забутовка из мелкого камня. Однако этот принцип не везде выдержан, и местами по краям лежали также некрупные камни. По-видимому, основное внимание уделялось укреплению углов здания, где клались особенно крупные блоки⁹, причем не только вдоль, но и поперек кладки. Особенно ясно это выражено на выступе северо-западной стены тамбура, который, может быть, служил основанием наружного контрфорса (рис. 29 — 2). Поскольку использовались необработанные камни, щели между ними и под ними забивались щебнем (рис. 29 — 1).

Вход (шириной 1 м) был устроен в юго-западной стене тамбура и примыкал непосредственно к северо-западной стене. Пространство входа во всю ширину было выложено вымосткой из плоскватых камней среднего размера, лежавших на 10 см выше подошвы стен. Вымостку входа огра-

⁸ С. И. Капошина. Указ. соч., стр. 226, 237, 244; е е же. О скифских элементах в культуре Ольвии. МИА, № 50, 1956, стр. 160.

⁹ Размеры крупнейших: 70 × 35 × 27 см; 65 × 28 × 25 см; 60 × 40 × 15 см и т. д.

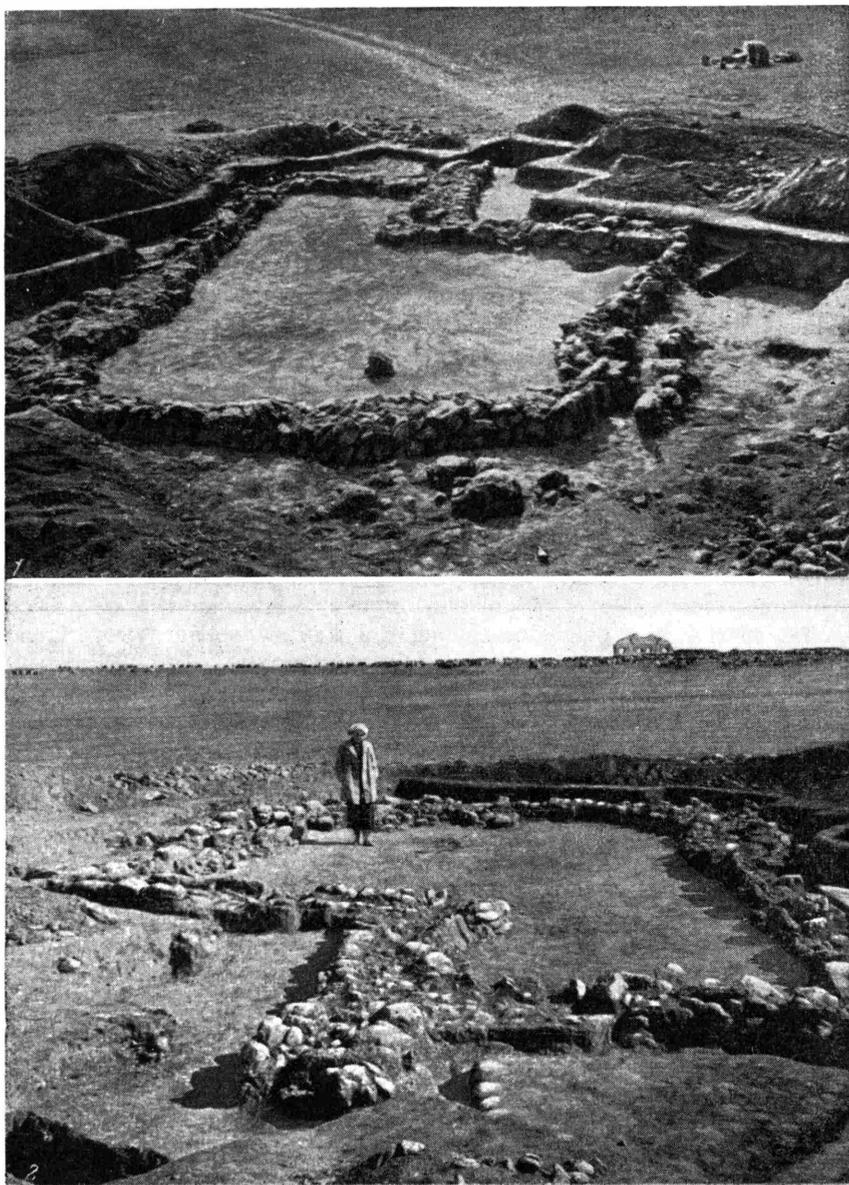

Рис. 29. Остатки каменного строения у старой клуни близ с. Анатольевка.
1 — вид с северо-востока; 2 — вид с юга.

ничивал «порог» в виде 3 камней, поставленных на ребро.

Подошва кладок стен строения лежала на глубине 0,2—0,3 м ниже поверхности. Пол внутри помещения был, вероятно, земляной и поэтому не сохранился. Уровень его определяется по положению каменной ступки (рис. 27—8), найденной в северо-восточной части основного помещения на глубине 0,4 м.

Непосредственно у юго-восточной стены (кладка № 1) обнаружена яма, видимо, очажная, заполненная почти чистой золой, в которой най-

дены камни от развала стены, 2 обломка лепных сосудов и 2 кости животных, в том числе коровья лопатка. Диаметр ямы — около 0,35 м, глубина — 0,25 м.

Использование камня в домостроительстве Северного Причерноморья, как известно, восходит к очень давнему времени. Наземные прямоугольные или почти прямоугольные жилища из камня или на каменном основании были известны на поселениях Нижнего Днестра в эпоху ранней и средней бронзы¹⁰. Камни клались плашмя или на ребро. Там же можно наблюдать двухрядную кладку, середина которой иногда забутовывалась мелким щебнем¹¹. Правда, настоящая двухпанцирная кладка с облицовкой из крупных и забутовкой из мелких камней распространилась в Северном Причерноморье в основном в скифо-античное время. Принципы подобной кладки в анатольевском строении не везде выдержаны. Кладка его стен, сложенных то из крупных, то из мелких камней, отличается примитивностью, более свойственной строительству эпохи поздней бронзы.

Культурный слой, связанный с развалом здания, представляет собой сероватый чернозем, постепенно переходящий в желтоватый золистый суглинок, который продолжается также ниже уровня здания и на глубине 0,5—0,65 м переходит в плотный суглинок без находок. В северо-западном углу раскопа под этим слоем на глубине 0,8 м показалась корка известняковой скалы — материка.

Среди находок первое место (62%) занимают кости животных (крупного рогатого скота, лошади, мелкого рогатого скота, свиньи).

В керамике преобладают обломки лепных сосудов; посуды, сделанной на гончарном круге, здесь не обнаружено (за исключением двух мелких амфорных черепков, встреченных на поверхности поселения в отдалении от здания). Глиняное тесто лепной керамики — плотное, с примесью песка, черепок в изломе темно-серый, почти черный. Поверхность — сероватого или желтоватого цвета с черными пятнами от неравномерного обжига, большей частью хорошо заглажена или залощена.

Основной формой являются баночные сосуды, повторяющие форму срубных, с более выпуклыми (рис. 28—1) или более прямыми (рис. 28—2) стенками. Выделяются сосуды с отогнутым краем и прямыми (рис. 28—8) или расширяющимися в сторону (рис. 28—5) стенками. Край часто скошен внутрь. Выделяется группа сосудов со слегка отогнутым краем, короткой шейкой и выпуклым туловом, по-видимому, с широким дном, как у сосудов похожего типа на поселениях предскифского времени в Молдавии¹² (рис. 28—6). Примерно половина баночных сосудов (44%) орнаментирована валиками, опоясывающими их в среднем на 2 см ниже края (от 1,5 до 4 см). Иногда встречается двойной валик (как на фрагменте из ямы № 1). Края с валиками чаще всего отогнуты более или менее сильно или утолщены снаружи, шейка — слегка изогнутая или прямая. Две трети всех валиков — гладкие, узкие, островатые (подтреугольные в сечении), оттянутые или очень плотно примазанные к тулову (рис. 28—1—3); попадаются также более широкие и плоские, но всегда невысокие (рис. 28—4, 7). Валики иногда орнаментированы ногтевыми насечками (рис. 28—4) или пальцевыми вдавлениями. На одном фрагменте видны несомкнутые концы горизонтального валика (рис. 28—5).

¹⁰ О. В. Бодянский. Археологічні дослідження в межах порожистої частини Дніпра в 1947—1948 рр. АП, т. IV, 1952, стр. 173; А. Добровольський. Кам'яні спорудження в Надпоріжжі, АП, т. II, 1949, стр. 191 и др.; О. Г. Шапошникова. Раскопки второго Михайловского поселения. КСИА, вып. 4, 1955, стр. 124, 125.

¹¹ О. Г. Шапошникова. Указ. соч., стр. 124.

¹² А. И. Мелюкова. Отчет о работе отряда скифской археологии Молдавской археологической экспедиции за 1956 г. Архив ИИМК, табл. XIII, 1—4.

Дугообразно расположенные валики на другом фрагменте (рис. 28 — 8), может быть, являются несомкнутыми и свисающими вниз концами, как на керамике из поселений предскифского времени в Сабатиновке¹³ и у Белоозерского лимана на Днепре¹⁴. Иногда от горизонтального валика под острым углом отходит вниз другой (рис. 28 — 7).

Около половины баночных сосудов имеют слегка залощенную поверхность снаружи и внутри или только снаружи; у других поверхность хорошо заглажена. Выявлена группа лощеных «черпаков» с уплощенными ручками; среди ручек есть одна четырёхгранная.

Заслуживают внимания 2 обломка лепных сосудов с внутренним упором для крышки, как на греческих кухонных кастрюлях, хорошо известных из слоев Пантикапея и Ольвии, начиная с VI—V вв. до н. э.¹⁵, а также из городов греческой метрополии, где они бытовали в V в. до н. э.¹⁶ Из анатольевских сосудов один по форме верхней части близок кастрюле из слоя IV в. до н. э. в Ольвии на раскопе И¹⁷, но по тесту, фактуре и островатому гладкому валику ничем не отличается от остальных баночных сосудов с такими валиками, найденных в Анатолевке, — кроме особенно тщательной выделки (рис. 28 — 3). Фрагмент другого такого сосуда характерен небрежной выделкой и утолщенным краем со вмятиной (может быть, — сливом).

Помимо валиков, другой орнамент почти не встречается, за исключением незначительного фрагмента с прочерченными косыми полосками между двумя горизонтальными линиями. Обращает на себя внимание отсутствие орнамента, нанесенного зубчатым или веревочным штампом, который обычно сосуществует с керамикой сабатиновского типа; один только раз встречен обломок с штриховатой заглаженностью, характерной для фактуры керамики эпохи бронзы.

На костях животных часто заметны следы обработки в виде полированной поверхности или нарезок (рис. 27 — 2, 3). Ребра и челюсти быка и коня, возможно, использовались как орудия для обработки шкур, а трубчатые кости этих же животных — в качестве лоцил для керамики¹⁸ или гладильников для обработки ткани¹⁹. В одной из пястных костей близ нижнего эпифиза просверлено отверстие диаметром около 1,5 см (рис. 27 — 1).

Среди каменных орудий наиболее интересны удлиненный молот из крупнозернистого конгломерата, с продольной выемкой для упора рукояти и поперечной — для ее привязывания (рис. 27 — 9). Длина его — 11,5 см, максимальная ширина — 7 см. На рабочем конце — следы стертости. Встречены терочные камни из твердых пород, обломок сланцевого бруса (точила?) с полированной поверхностью (рис. 27 — 7).

Таким образом, комплекс вещей с поселения у Анатолевки находит общие черты в материальной культуре поселений эпохи поздней бронзы типа Сабатиновки: баночные горшки с валиками под венчиками, свисающие концы несомкнутых валиков, лощеные «черпаки» с ручками; применение лощения, широкое использование костяных орудий. Все это черты, характерные для поселений типа Сабатиновки, но без элементов, характе-

¹³ О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА, № 46, 1955, стр. 127, рис. 29, 1.

¹⁴ О. А. Кривцова-Гракова. Поселение бронзового века на Белоозерском лимане. КСИИМК, вып. XXVI, 1949, рис. 10.

¹⁵ И. Т. Кругликова. Ремесленное производство простой керамики в Пантикапее в VI—III вв. до н. э. МИА, № 56, 1957, стр. 107—115.

¹⁶ Там же, стр. 112.

¹⁷ Т. Н. Книпович. Керамика местного производства из раскопа И. «Ольвия», т. I, Киев, 1940, стр. 141, рис. 99, 1, 2.

¹⁸ С. А. Семенов. Первобытная техника. МИА, № 54, 1957, стр. 215—222.

¹⁹ Там же, стр. 225—227.

ризующих поселения позднесабатиновского типа в Приазовье²⁰, на Днепре и на Ингуле²¹. Следует отметить также некоторые особенности, сближающие анатольевскую керамику с сосудами синхронных Сабадиновок «золотых» поселений в советской и румынской Молдавии²²: значительное преобладание гладких валиков и сравнительную редкость валиков с пальцевыми вдавлениями, которых довольно много в Сабадиновке; наличие гладких круглобоких горшочков с короткой шейкой; распространенность лощения и сравнительную многочисленность группы лощеных «черпаков». По-видимому, у племен, населявших притилигульские степи в предскифское время, были тесные культурные взаимоотношения с племенами Поднестровья и Подунавья.

Своеобразной чертой анатольевской керамики является орнамент из ногтевых насечек, без отпечатка пальца. Очевидно, такой прием украшения сосудов можно считать локальной особенностью материальной культуры более широкого круга племен, вплоть до Бугского лимана, так как на керамике поселения у Дидовой Хаты на Бугском лимане встречен подобный орнамент²³. Своеобразны также сосуды с внутренним упором для крышки, напоминающие античные кастрюльки. Если считать их подражанием античной керамике, то нужно допустить, что культура сабатиновского типа просуществовала до VI—V вв. до н. э. Однако на поселениях этого времени баночные горшки с валиками под венчиками являются, по-видимому, уже архаизмом среди преобладающих форм скифского типа, которых в Анатольевке нет. Отсутствует в исследованном нами раскопе и поздний античный слой, из которого эти черепки могли случайно попасть в предскифский комплекс. Остается предположить, что внутренние упоры для крышек возникли самобытно у племен Притилигулья еще в предскифское время.

На основании близости по комплексу вещей Анатольевки к поселениям сабатиновского типа ее следует предварительно датировать X—VIII вв. до н. э.

На остальных поселениях предскифского времени обследованного района подъемный материал в основном близок находкам с поселений у Анатольевки и Леонидовки: это обломки баночных горшков с гладким валиком ниже венчика, реже — с пальцевыми вдавлениями; фрагменты сосудов без валиков, с чуть отогнутым краем и прямыми стенками, а также горшко-видных сосудов с отогнутым венчиком. Изредка встречается налепной орнамент в виде округлых шишечек (пункт № 20) или ручек-упоров (пункты № 2 и 7). Найдены также обломки мисок с косыми стенками (пункты № 2, 6, 7 и 12) и уплощенные ручки, вероятно, от черпаков (пункты № 2, 6 и 12). На ряде поселений встречена керамика, характерная для времени развитой бронзы: обломки со штриховатой заглаженной поверхностью (пункты № 2, 6, 7, 12, 17 и 18), разного рода зубчатый (пункты № 6, 12 и 17), веревочный (пункты № 12 и 17), прочерченный (пункты № 2, 7 и 12) или углубленный (пункты № 12 и 17) орнамент.

На многих поселениях обнаружены небольшие камни твердых, неместных пород, иногда со стертими или сточенными поверхностями, видимо, выполнявшие функцию растиральных или точил. Особо отметим обломок каменного просверленного молота из пункта № 12. В пунктах № 8, 17, 18 и 19 найдены кремневые отщепы и отколы: кремневый скребок (пункт № 17), пряслице сабатиновского типа из вертлюжной кости

²⁰ О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье... стр. 151 и сл.

²¹ Н. Г. Елагина и Н. Н. Погребова. Археологическая разведка по берегам Ингула. КСИИМК, вып. 77, 1959.

²² А. И. Мелюкова. Указ. отчет.

²³ И. В. Фабрициус. Указ. соч., табл. V, 17.

(пункт № 7). Возможно, что некоторые поселения начали существовать раньше, чем исследованное у Анатольевки (пункт № 17 и др.), или жили более продолжительное время, но решать вопросы датировок на основании отдельных черепков невозможно, и мы ограничиваемся суммарным отношением их к предскифскому времени.

К материалу скифского времени на поселениях № 2, 6, 17 и 18 относятся найденные на поверхности фрагменты греческих амфор, главным образом, эллинистического времени. С поселения № 6 происходят обломок ионийского расписного сосуда VI в. до н. э. и сильно обкатанный фрагмент терракотовой статуэтки. Однако культурного слоя скифского времени пока нигде не удалось обнаружить.

Для материала II—IV вв. н. э. характерна сероглиняная керамика, изготовленная на гончарном круге, — грубая толстостенная или улучшенного качества тонкостенная, часто с серым или черным лощением. На поселениях этого времени (пункты № 2—4, 13—15, 20) встречены также фрагменты красноглиняных и светлоглиняных амфор II—IV вв. н. э., в том числе характерные грубо профилированные ручки (пункты № 2 и 14), а также небольшой обломок краснолакового сосуда (пункт № 14).

Результаты обследования поселений Тилигуло-Березанского района свидетельствуют об интенсивной заселенности края в предскифскую эпоху. Для раннескифского времени мы наблюдаем лишь слабые следы жизни в некоторых пунктах. Вновь появились поселения в эллинистическое время, особенно в первые века нашей эры, причем иногда (пункты № 2 и 13) они возникали на местах поселений предшествующего времени.

Во время пахоты и других полевых работ местные жители не раз обнаруживали древние погребения, по-видимому, из распаханных курганов. Обряд захоронения — в сидячем или вытянутом положении. К сожалению, уточнить время этих погребений сейчас невозможно. При обследовании нами группы распаханных курганов на правом берегу р. Сосики против с. Попильная обнаружено много фрагментов амфор IV—III вв. до н. э., в том числе гераклейских и фасосских; это позволяет относить курганы к скифскому времени IV—III вв. до н. э.

Важнейший вопрос о судьбах населения края в VII—V вв. до н. э. требует дальнейшего углубленного изучения археологических памятников тилигуло-березанских степей.

В. Ф. ГАЙДУКЕВИЧ, С. И. КАПОШИНА, Е. И. ЛЕВИ

ЭКСПЕДИЦИИ ЛЕНИНГРАДСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
В 1957 ГОДУ ПО АНТИЧНОЙ АРХЕОЛОГИИ

1. ОЛЬВИЙСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Ольвийская экспедиция¹ 1957 г. проводилась Ленинградским отделением ИИМК совместно с Институтом археологии АН УССР. В работах принимала участие группа польских археологов во главе с проф. К. Маевским.

Все основные силы были сосредоточены на раскопах агоры, причем сотрудники Института археологии работали на западной части, а сотрудники Ленинградского отделения ИИМК — на восточной и примыкавшем к ней с севера участке с культовыми сооружениями.

В южной части священной округи раскрыты мощные субструкции, служившие фундаментом монументального общественного здания второй половины IV в. до н. э., северо-восточный угол которого вскрыт в 1956 г. Длина здания, вытянутого с востока на запад, равняется 45 м, ширина — 15 м. Это самое большое из известных нам сооружений в Ольвии. Определить назначение здания пока еще невозможно. Однако не исключено, что это остатки стои, которая отделяла священный участок от агоры. На западе здание доходило до частично открытой в 1957 г. улицы — главной городской магистрали.

В западной части начата расчистка другого, небольшого сооружения конца IV в.—начала III в. до н. э. И здесь сохранились лишь фундаменты в виде слоевых субструкций. В южной части священного участка раскрыто углубление в материке, площадью 25 кв. м, глубиной около 3 м. Материал, обнаруженный в нем, относится ко второй половине VI в.—первой половине V в. до н. э. Здесь найдено большое количество обломков чернолаковых и чернофигурных киликов. На многих из них сохранились граффити. Собрано более 80 обломков с граффити. Все они, за исключением одной застоялой надписи, являются посвящениями богам. Удалось полностью реставрировать чернолаковый килик с посвящением Афине и чернофигурный — с изображением в медальоне танцующей менады; по краю килика шла посвятельная надпись Зевсу. Подавляющее большинство граффити — посвящения Дельфинию.

Небольшие доследования были проведены к западу от восточного здания с торцовыми помещениями. Здесь открыты остатки водостока. В этой части агоры найдена прекрасно сохранившаяся свинцовая рельефная пластинка с изображением Ники.

¹ Начальник экспедиции — Е. И. Леви.

В 1957 г. встречено 6 небольших обломков надписей на мраморных плитах и одна — на мраморном блюде. Очень интересен обломок декрета о проксении, начала IV в. до н. э.; это часть декрета, фрагмент которого найден в 1954 г. Новая проксения в честь херсонесца — третий документ, свидетельствующий о связях Ольвии с Херсонесом в IV—III вв. до н. э.

Кроме работ на агоре, была раскрыта (в охранных целях) частично сохранившаяся гончарная печь III в. н. э., расположенная в Нижнем Городе, около оборонительной стены. Уцелели топка с подпорным столбом посередине и часть обжигательной камеры с жаропроводными отверстиями. Устье печи было заложено плитой.

2. СОВЕТСКО-ПОЛЬСКАЯ БОСПОРСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

В 1957 г. Советско-Польская Боспорская экспедиция² провела вторую кампанию полевых исследований в Восточном Крыму. Польскую группу археологов возглавлял действительный член Польской Академии наук проф. К. Михаловский. В составе экспедиции работало 5 отрядов, которые проводили исследования в различных пунктах Керченского полуострова.

Основным объектом, как и в предыдущем году, был Мирмекий, где продолжались раскопки при участии группы польских археологов, состоявшей из 8 сотрудников. Раскопками раскрыта обширная территория древнего города в центральной его части, где работы уже велись прежде, и на восточной периферии, где был заложен новый раскоп. Здесь удалось открыть оборонительную стену, ограждавшую Мирмекий с востока. Таким образом, установлена восточная граница города. Каменная оборонительная стена, построенная в первой половине III в. до н. э., очень внушительна; ее толщина — 3,8 м. К стене прилегает улица шириной 4 м, за ней следует первая линия городских построек окраинного квартала. Ниже основания оборонительной стены III в. до н. э. выявлены остатки более ранней, сооруженной еще в первой половине IV в. до н. э. Эта стена была менее мощной, ее толщина — 2,2 м. Отсюда следует, что городские стены Мирмекия в раннеэллинистическое время были капитально перестроены и значительно усилены.

В примыкающем к восточной стене квартале раскопана винодельня III—II вв. до н. э. — с давальными площадками и 3 цистернами. К югу от нее расположен большой двор, превосходно вымощенный плитами. На этом участке найдено значительное количество разнообразной эллинистической керамики, в том числе обломок формы для изготовления мегарских чаш, фрагменты колхидских пифосов, серия интересных терракот, много боспорских клейменных кровельных черепиц и др.

На центральном участке обнаружены многочисленные остатки городских построек, из которых древнейшие относятся к концу VI в. и к V в. до н. э. В ранних культурных напластованиях найдена клазоменская и коринфская керамика VI в. Открыт ряд построек эллинистической эпохи, которые на этом участке отличаются очень хорошей сохранностью. Из числа сооружений нужно особо отметить обширное здание, помещения которого расположены по сторонам большого двора. С северной стороны двора оказалась прекрасно сохранившаяся винодельня середины III в. до н. э. (рис. 30).

Польские археологи закончили раскрытие большой винодельни II—I вв. до н. э., обнаруженной в 1956 г. в восточной части раскопа. Культурные напластования эпохи эллинизма содержали очень обильный мате-

² Начальник экспедиции — В. Ф. Гайдукевич.

риал. Одних только керамических клейм найдено свыше семисот. Собрана ценная коллекция эллинистических терракот, среди них — первоклассные образцы античной коропластики. Очень интересна фигура сидящей на троне Кибелы (высота терракоты — около 50 см). Следует отметить также художественные изделия из кости: изображение головы Силеня в плющевой венке, пряжку в скифском «зверином стиле» и др. Наиболее поздние строительные остатки, открытые на центральном участке (раскоп И), относятся к III в. н. э.

Отряд, работавший в Тиритаке (11 км к югу от Керчи), продолжал изучение участка возле северной оборонительной стены. Здесь открыт жилой дом римского времени. Весьма интересна находка мраморного светильника.

Рис. 30. Мирмекий. Винодельня III в. до н. э.

В Илурате (17 км к западу от Керчи) открыты монументальные ворота в юго-западной оборонительной стене. Уцелело гнездо для деревянного засова, которым запирались ворота. Со стороны города возле ворот раскопано здание с помещением, в котором сохранилось оборудование, служившее для выпечки хлебов. Кроме того, раскопан еще один жилой дом II—III вв. н. э., обычного для Илурата типа.

Впервые в 1957 г. экспедиция произвела исследования на городище Китея (40 км к югу от Керчи). Обнаружена восточная оборонительная стена, выяснена стратиграфия городища; в прибрежной полосе выявлены остатки жилых построек.

Продолжавший работу Каменский отряд раскопал еще часть поселения эпохи бронзы, рубежа II—I тысячелетий до н. э., в районе дер. Каменка (10 км северо-восточнее Керчи). Открыты остатки каменных построек, очаги, найдено много орнаментированной керамики, обнаружено еще одно погребение со скорченным костяком.

В плане разведочных работ экспедиция обследовала большое городище у дер. Мысовая на мысе Зюк, где предположительно локализуется Зенонов Херсонес, упоминаемый Птолемеем. Изучена топография городища; собрана керамика периода от VI в. до н. э. до IV в. н. э. Все свидетель-

ствует о том, что на мысе Зюк находилось одно из самых крупных боспорских поселений, расположенных на побережье Азовского моря.

В целом экспедиция очень успешно провела очередную кампанию полевых археологических исследований. Собран ценный и новый материал. Совместная работа с польскими археологами еще более укрепила тесные дружественные связи с учеными Польской Народной Республики.

3. КОБЯКОВСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ³

В 1957 г. были продолжены начатые в 1956 г. раскопки Кобяковского некрополя. Раскопки проводились на средства Главдорстроя, прокладывавшего новую шоссейную дорогу по территории, занятой древним некрополем, и велись на участке, прилегающем к западной окраине Кобякова городища.

Поверхность некрополя сильно повреждена многочисленными ямами и траншеями. Во многих местах почвенный слой срезан при прокладке подъездных путей к песчаному карьеру. Поэтому погребения большей частью были обнаружены разрушенными.

В результате полевых работ в 1957 г. открыто 88 погребений (в 1956 г. исследовано 34). В силу особенностей грунта (пылеватый суглинок) и изрытости поверхности не удалось выявить формы могил у подавляющего большинства погребений. Но на основании немногих сохранившихся могил можно было установить 3 основных типа. Первый и наиболее распространенный тип — овално-удлиненная яма. Иногда в таких ямах погребения совершались в деревянных колодах. Ко второму типу относятся погребения, обложенные и перекрытые камнями. Очертания могил в грунте не улавливаются. Третий тип — подбойные могилы, формы которых в полной мере не удалось изучить из-за сильной разрушенности.

Обычно в погребениях находились костяки в вытянутом положении, но встречались и скорченные захоронения. Обнаружены костяки, у которых ноги лежали крест-накрест. У некоторых скелетов возле ног найдены бусы. Ориентация погребений различна: большей частью — на северо-запад, но встречается северо-восточная, юго-западная и юго-восточная ориентация. Распространенным обычаем была деформация черепов.

Характерной чертой обряда, по-видимому, было сопровождение умерших обильной мясной пищей. Нередко в могилах встречались кости лошадей и быков, иногда — большие части скелетов лошадей или даже почти целые их скелеты.

Инвентарь, найденный в погребениях, разнообразен. Привозной керамики (краснолаковых чашек, блюд, кувшинов) немного, редки амфоры. Весьма многочисленна группа сероглиняной керамики, изготовленной на гончарном круге. Наиболее распространенной формой сероглиняной посуды были миски.

Чрезвычайно обилен и прочий погребальный инвентарь. Собрано большое количество бус, среди которых интересны крупные янтарные и халцедоновые. Многочисленны находки бронзовых фибул и бронзовых зеркал. Фибулы — большей частью позднелатенского типа; встречена одна бронзовая фибула римского типа с эмалью.

Предметы вооружения, обнаруженные в погребениях, очень плохо сохранились. Можно определить обломки мечей и кинжалов. В некоторых могилах встречены железные трёхлопастные черешковые наконечники стрел, во многих — железные ножи; в двух погребениях обнаружены железные серпы.

³ Начальник экспедиции — С. И. Капошина.

Исследованный участок некрополя датируется на основании собранного материала I—III веками н. э. Большую часть погребений можно отнести к I—II вв. н. э.

Одновременно с работами на некрополе проведены небольшие разведочные раскопки на одном из участков Кобякова городища. В слое первых веков нашей эры обнаружены остатки глинобитных полов жилищ, глинобитной обмазки прутьев камыша (остатки стен жилищ). Под слоем, относящемся к первым векам нашей эры, исследованы культурные напластования эпохи бронзы, давшие интересные образцы керамики.

О. Н. БАДЕР

КАМСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ
В 1957 ГОДУ

Продолжая свои работы в зоне строительства Воткинской ГЭС¹, Камская археологическая экспедиция в 1957 г. работала в составе 5 отрядов. Разведочные работы, не считая мелких рекогносцировок, не производились (рис. 31).

С целью получить более определенные датирующие данные М. А. Бадер были произведены дополнительные раскопки на Заозерской поздне-мезолитической стоянке близ Усть-Качки. На вскрытой площади в 92 кв. м собрана небольшая коллекция, не прибавившая ничего существенно нового к прежним сборам.

В. П. Денисовым закончены раскопки Кряжской неолитической стоянки ниже г. Осы. Почти полное отсутствие находок указывает, что стоянка уже исчерпана.

Произведены раскопки на Заюрчимской стоянке, в 20 км от г. Перми. Эта богатая стоянка, расположенная относительно очень низко, до сих пор частично покрывается весенними паводками и будет залита Воткинским водохранилищем. Здесь В. П. Денисовым вскрыта площадь в 564 кв. м, примыкающая с запада к раскопкам 1956 г. Культурный слой толщиной 0,4—0,6 м довольно равномерно распространялся по всей площади раскопа и подразделялся на 2 горизонта: верхний — темный, супесчаный, с керамикой раннеананьинского времени и поздней бронзы; нижний — коричневый суглинок с более ранней керамикой эпохи бронзы и частью — неолитической. Явных следов жилищ, несмотря на уже вскрытую обширную площадь, на стоянке не обнаружено.

Основную массу находок составляет керамика, которую можно подразделить на 3 группы:

1. Неолитическая керамика с характерными признаками позднего неолита. Наиболее близкие аналогии ей можно указать в Левшине.

2. Керамика медно-бронзовой эпохи, аналогичная борской керамике чувовских стоянок турбинской культуры, а также частично более ранней, гаринской.

3. Керамика, относящаяся к позднебронзовому времени или, вернее, к переходному периоду от бронзы к железу. Основные ее черты: сосуды репообразной формы с резко выраженным переходом от шейки к плечикам; на шейке намечается воротничок, дно плоское; примеси к глине растительные, толщина стенок — 4—5 мм. Аналогичная керамика известна на Ерзовской стоянке.

¹ См. статьи автора: КСИИМК, выпуски XXXIX, 51, 55, 71 и 72; Уч. Записки Пермского государственного университета, т. IX, вып. 3; т. XI, вып. 3.

Кроме указанной керамики встречены обломки раннеананьинских сосудов, но в небольшом количестве; это объясняется разрушением верхнего горизонта культурного слоя пахотой.

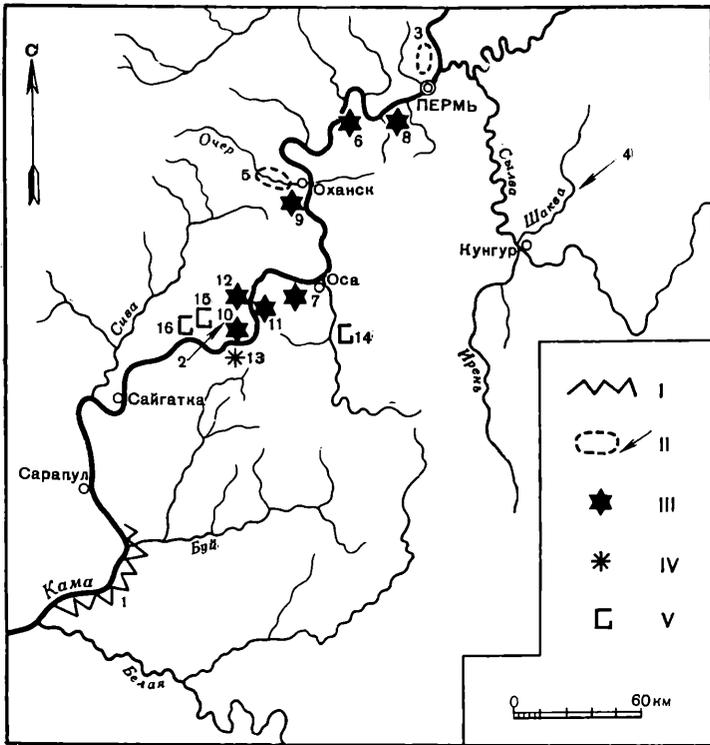

Рис. 31. Карта работ Камской археологической экспедиции в 1957 г.

I — поисковые маршруты; *II* — районы и пункты обследования; *III* — стоянки; *IV* — селища; *V* — городища. Маршруты: 1 — по левому берегу Камы от Саузова до устья Буга; 2 — в окрестностях с. Рождественского; 3 — по правому берегу Камы от Гремячего ручья до дер. Турбино; 4 — у дер. Бартым близ Кунгура; 5 — в низовьях р. Очер; памятники: 6 — Заозерская стоянка; 7 — Кряжская стоянка; 8 — Заюримская стоянка; 9 — поселение Камский Бор II; 10 — Еловское поселение; 11 — поселение Старушка; 12 — Ерзовское поселение; 13 — Еловское поселение II; 14 — городище Гремяча; 15 — Рождественское городище; 16 — Поздышкинское городище (1—5 — разведки; 6—16 — раскопки).

Каменные орудия высокой техники обработки аналогичны собранным при предыдущих раскопках. Из медных орудий следует отметить лишь небольшой кованый наконечник или ножичек, культурная принадлежность которого остается не вполне ясной.

Более крупные раскопки велись А. М. Ширинкиной на стоянке Камский Бор II, ниже г. Оханска. В дополнение к прежней площади здесь вскрыто 652 кв. м и изучено 6 углубленных в землю жилищ, хорошо заметных по круглым или овальным пологим впадинам на поверхности (глубиной от 0,5 до 0,8 м).

Все 6 жилищ относятся к гаринскому типу и не очень богаты находками, но все же характеризуют Камский Бор II как долговременное поселение. Встречены скопления раковин, плохо сохранившаяся керамика с растительными примесями к глине, скопления разбитых галек, кремне-

вые отходы и орудия (наконечники стрел, ножей, скребков, резачков), полированные орудия (долота, молоты, песты, точильники); многие каменные орудия сделаны из галек. Найден зубчатый керамический штамп. Интересен костяной наконечник стрелы биконической формы, аналогичный найденному в 1951 г. на стоянке Базов Бор² и многочисленным зауральским. Сравнительно многочисленны находки медных предметов; среди них есть несколько граненых острий — шильев, в том числе одно длинное, тонкое; более крупный четырёхгранный стержень; обломки плоских пластинок; два коротких, острых стержня (наконечники стрел?); рыболовный крючок, плоское кольцо — всего свыше 10 предметов. Кольцо имеет закрытую металлической коркой узкую перемычку, что сближает это украшение со своеобразными медными лунницами, найденными на некоторых стоянках Среднего Прикамья.

Форма жилищ и характер материальной культуры не оставляют сомнений в близости поселения Камский Бор II турбинским поселениям Усть-Чусовского района. По мнению А. М. Ширянкиной, оно относится к позднему этапу бронзового века. В жилище № 7 найдена керамика, близкая ананьинской.

Еловское поселение I, расположенное на высоте 2—3 м над камской поймой против с. Елово, вновь исследовалось В. П. Денисовым, вскрывшим еще 120 кв. м. Здесь обнаружена квадратная полуземлянка размером 8 × 8 м, углубленная в песок всего на 0,4—0,6 м. Входы в жилище, по-видимому, были в каждой из 4 стен. Расчищены два небольших овальных очага диаметром до 1,2 м, причем песок прокален всего на 5—10 см. Вокруг очагов было разбросано сравнительно много мелких кремневых осколков и отщепов.

В жилище обнаружены 3 большие хозяйственные ямы диаметром до 1,5 м и глубиной до 0,5 м, заполненные темным культурным слоем почти без находок. Интересны столбовые углубления: три наиболее крупные из них располагались в 2 ряда вдоль продольной оси жилища, а 11 мелких — вдоль северной и западной стенок. Два выхода вели на улицу, два других, по-видимому, соединяли жилище с соседними, представляя собой крытые переходы.

Находок немного, главным образом — керамика и небольшое количество кремневых орудий и отходов их производства.

Керамика — в основном двух типов. К первому принадлежат обломки тонкостенных (5—7 мм) сосудов из глины с большим количеством растительных примесей, с пористой поверхностью, украшенных зубчатым орнаментом в виде пологого горизонтального зигзага и рядов косо поставленных вдавлений; дно сосудов плоское. Эта керамика относится к эпохе бронзы, близка турбинской и часто встречалась при раскопках жилища. Ко второму типу принадлежат обломки сосудов ананьинского облика. Этот тип сосудов представлен гораздо хуже. Керамика залегала большей частью недалеко от поверхности и не встречена в самом жилище.

Каменный инвентарь есть основание связывать с первым, т. е. более древним, комплексом керамики. Найдены шлифованное тесло, немного кремневых скребков с округлым и прямым рабочим краем, изготовленных из мелкого валунного галечника, и несколько наконечников стрел с усеченным основанием.

Рассмотрение находок из жилища дало возможность В. П. Денисову датировать его временем около XII в. до н. э.

Были продолжены раскопки большого поселения в урочище Старушка близ с. Частых, где в 1956 г. изучалась полуземлянка. А. И. Чистиным в 1957 г. вскрыто еще 8 полуземлянок в западной части памятника.

² О. Н. Бадер. Камская археологическая экспедиция. КСИИМК, вып. 51, 1953.

Жилища (размерами 6×8 м, 7×8 м, с кострищами) принадлежат все к тому же гаринскому типу, но и на этой стоянке в заполнении их встречены более поздние материалы. Основная часть керамики крайне плохо сохранилась из-за очень обильной растительной примеси к глине. Однако более крупные обломки свидетельствуют о несколько утолщенных венчиках и прямых, цилиндрических шейках, что сближает эту керамику с позднегаринской из Чусовского Прикамья. На некоторых обломках — отпечатки зубчатого штампа, но часть их не орнаментирована. Позднегаринской дате стоянки соответствуют и находки шигирской, зауральской керамики с примесью талька (рис. 32).

В 1957 г., как и ранее, на стоянке встречено много металла, кусков медистых песчаников и медных шлаков, что убедительно свидетельствует о местной выплавке меди. Среди нескольких готовых медных поделок особенно интересны крупная очковидная подвеска (рис. 33—2) из толстой (до 3 мм) проволоки, длина которой достигала в развернутом виде 55 см, а также плоское украшение в виде лунницы (рис. 33—1), аналогичной найденным на стоянках Выстелишна и Усть-Паль³.

В целом основной культурный комплекс стоянки, связанный с жилищами, может быть датирован XIV—XIII вв. до н. э. Наконечники стрел гаринского типа, следовательно, не определяют здесь ранней даты, в соответствии с чем находится и невысокая техника их выделки.

По типу жилищ, керамике, кремню и металлу стоянке близки и раскопанные нами ранее Раздорные I и II, Нижне-Раздорная и Басенький Борок, которые мы отнесли к числу позднейших на Средней Каме⁴.

На раскопанной площади собрана также керамика предананьинского типа (реповидная, с плоским дном, как на Заюрчине и Ерзовке) и в небольшом числе — раннеананьинская.

Интересный материал найден В. П. Денисовым на Ерзовском поселении близ с. Частых, где, в дополнение к предыдущим раскопкам, вскрыт еще 391 кв. м. Было исследовано третье жилище размером 14×15 м. Оно оказалось также прямоугольным, с двумя небольшими очагами и одним выходом. Один очаг округлый, диаметром около 1 м, второй — вытянутый, размером $2,3 \times 0,7$ м. Оба они состояли из плотной красноватой прокаленной глины и достигали 0,3—0,4 м в толщину, причем основание их находилось на дне жилища. Выход шириной до 1,8 м и длиной около 4 м был в юго-западной стороне жилища. Пол заметно покат в западном направлении, т. е. по склону к рекам Каме и Частой; поэтому северо-восточная часть жилья углублена в материк на 0,5 м, тогда как юго-западная — лишь на 0,15—0,2 м.

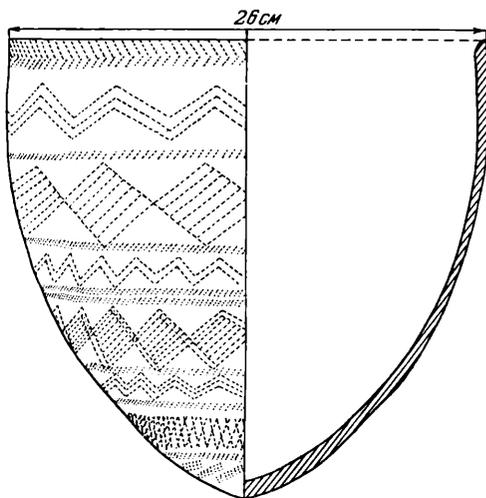

Рис. 32. Реконструированный сосуд из глины с примесью талька. Первомайское поселение.

³ О. Н. Бадер. Камская археологическая экспедиция в 1956 г. КСИИМК, вып. 74, 1958, рис. 47.

⁴ О. Н. Бадер и Б. Х. Кадиков. Поселения эпохи бронзы на Каме между гг. Оханском и Сарапулом. СА, 1957, № 3.

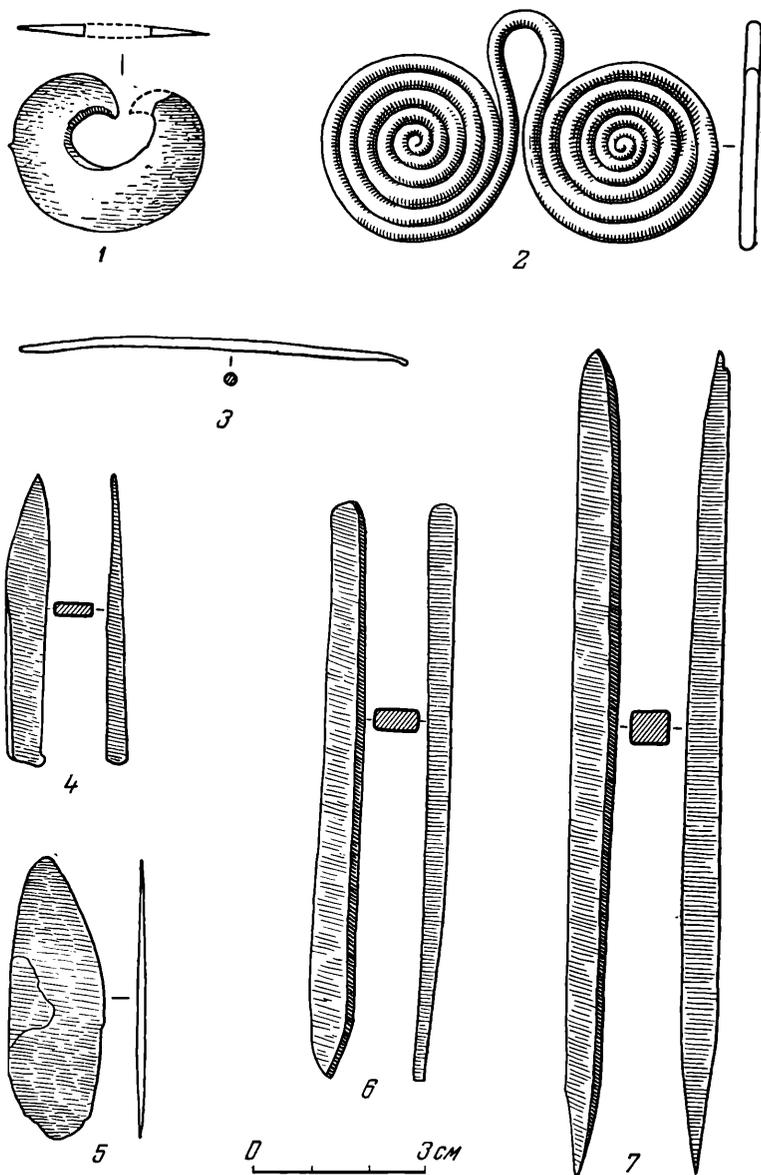

Рис. 33. Медно-бронзовые вещи из жилищ поселения Старушка

Среди собранного материала есть зернотерки, что говорит о наличии земледелия. Керамика — тонкостенная, с растительными примесями к глине, плохой сохранности; форма сосудов — реповидная, с уплощенным дном и резким перегибом от шейки к плечам, с отогнутым венчиком и намечающимся налепом — воротничком. Из прочих находок следует отметить 2 железных ножа раннеананьинского типа и небольшое число кремневых орудий очень плохого качества — скребки и один-два нако-
нечника.

По мнению В. П. Денисова, Ерзовское поселение можно отнести к наиболее ранним памятникам железного века на Средней Каме⁵, хотя железные ножи могли быть приобретены путем обмена, ибо никаких следов местной выплавки железа на поселении не обнаружено.

Г. Н. Лисицына (ИИМК) изучала геоморфологические условия расположения стоянок эпохи мезолита, неолита и бронзы в Нытвенском, Оханском, Осинском и Частинском районах Пермской области, и на многих из них — от Заозерской до Старушки и устья Белой — взяла образцы для пыльцевого анализа.

Рекогносцировочные раскопки произведены на открытом в 1956 г. Еловском поселении П. Здесь Е. Н. Черных на площади около 50 кв. м (включающей траншею размером 21 × 2 м и несколько зачисток вдоль обнажений) в культурном слое, сильно испорченном современными постройками пристани Елово, собраны керамика и кремневые орудия, позволяющие отнести селище к раннеананьинскому времени. В пользу этой даты свидетельствует относительно богатая коллекция кремневых орудий вместе с большим количеством расщепленного галечникового кремня.

Обильный ананьинский материал собран при рекогносцировочных раскопках В. П. Денисова на городище у с. Гремячее в Осинском районе, на правом берегу р. Тулвы. Выяснено, что обширная площадь городища (около 20 тыс. кв. м) покрыта пахотным слоем толщиной 0,2—0,3 м, состоящим из рыхлого черновато-коричневого суглинка с многочисленными обломками ананьинской керамики и костей животных. Непосредственно под пахотным слоем лежит нетронутый верхний культурный слой толщиной от 0,1 до 0,3 м; это плотный коричневый суглинок с большим количеством ананьинской керамики и костей домашних животных. Второй культурный слой, залегающий непосредственно под первым, состоит из более темного коричневого суглинка мощностью 10—16 см и содержит очень немного археологических материалов, которые производят впечатление более ранних, чем в верхнем слое. Иногда в нижней части верхнего культурного слоя прослеживаются тонкие белесоватые зольные прослойки, не превышающие 10 см, с очень небольшим содержанием культурных остатков.

Интересна одна из обнаруженных деталей: большая куча раковин двустворчатых моллюсков в культурном слое, — видимо, запас для при смешивания к глиняному тесту при лепке сосудов.

Собранная на городище коллекция состоит из керамики, остатков фауны, костяных и железных поделок и каменных пестов и зернотерок. Керамика представлена типичными ананьинскими сосудами с хорошо выраженной шейкой и воротничком. Орнамент в виде различных комбинаций неправильных ямок, насечек и иногда шнура расположен главным образом по шейке. Стенки сосудов сравнительно толстые, днища уплощенные, а в отдельных случаях плоские. К глине примешана толченая раковина. Из костяных поделок отметим 5 небольших наконечников стрел с коротким черешком; в сечении они трёхгранные или ромбические.

Судя по находкам, Гремячее городище сходно с бельскими городищами и относится ко второй половине ананьинской эпохи.

Собранные в 1957 г. материалы дают много нового для решения проблемы происхождения ананьинской культуры.

Уже на нескольких стоянках (Ерзовка, Старушка, Камский Бор II, Заюрчим) выявлен своеобразный комплекс керамики, состоящий из бомбовидных, слабо сплюснутых (реповидных) сосудов с круто отвернутой низкой шейкой, резким переходом к тулову и плоским дном с короткой

⁵ Это подтверждает уже высказанное нами мнение о Ерзовской стоянке (О. Н. Бадер и Б. Х. Кадиков. Указ. соч.).

«пяткой»⁶; в глиняном тесте сосудов — растительные примеси, черепок пористый, т. е. мы видим полное сходство по этому признаку с местной позднебронзовой керамикой. В орнаменте, покрывающем лишь верхнюю часть сосуда, имеется «флажок», но еще не развиты элементы шнурового узора. Кроме того, на некоторых из этих стоянок встречена раннеананьинская керамика из глины без примесей, имеющая сходство и с только что описанным комплексом, и с керамикой Галкинского городища, и — по орнаменту (например в виде буквы S), а также встречающейся тальковой примеси — с сосудами из Зауралья. Таким образом, постепенно заполняются недостающие звенья между раннеананьинской культурой и культурой поздней бронзы Среднего Прикамья.

С целью выявить особенности позднейших среднекамских городищ В. А. Обориным проведены рекогносцировочные раскопки на двух городищах — Рождественском и Поздышкинском — в зоне подтопления (Рождественский сельсовет Еловского района). На Рождественском городище вскрыта общая площадь 142 кв. м. Культурный слой по толщине не превышает 0,2—0,3 м, очень беден находками, а местами совсем отсутствует. Некоторые обнаруженные в раскопе № 1 детали — яма-кладовка, глинобитный очаг со скоплением жженных костей около него и группа столбовых ямок могут оказаться остатками наземного жилища. В раскопе № 2 обнаружено беспорядочное скопление столбовых ям вдоль подножия второго вала городища, — видимо, остатки изгороди-частокола.

Находки малочисленны и состоят из костей животных, кусочков железа, обломков медной пластинки, фрагментов сосудов с растительными примесями в глине и круглоямочным орнаментом. Керамика очень близка керамике бахмутинской культуры и служит основанием для отнесения городища к IV—V вв. н. э.

На Поздышкинском городище вскрыто 68 кв. м. И здесь культурный слой очень беден и тонок — от 10 до 20 см; только на склоне, у раскопа № 1, он достигает 0,4 м, а в некоторых местах площадки его нет совсем. В центре первой площадки городища (в раскопе № 2) обнаружены остатки железоплавильной печи — домницы, окруженные массой железных криц и шлаков. Печь была небольшой, сложена из глины и плиток песчаника и установлена прямо на материковой глине. В раскопе № 1 оказалось много костей животных, обломков керамики, почти целый сосуд, кусочки железа, шлаки. В шурфах найдены мелкие обломки керамики, шлаки и крицы. Вероятно, городище было центром железоделательного производства.

Керамика Поздышкинского городища, по мнению В. А. Оборина, также имеет черты сходства с керамикой памятников бахмутинского типа на р. Белой и может быть датирована тем же временем.

Оба городища, возможно, не являлись поселениями, а служили укреплением для защиты населения и скота от нападений и местами для выплавки железа. По керамике они могут быть сближены с такими памятниками, как Сайгатский и Мазунинский могильники на Средней Каме, и отнесены к мазунинской культуре IV—VI вв. В этно-культурном отношении население, оставившее эти памятники, было родственно племенам, вошедшим в состав древних башкирских племен в эпоху «великого переселения народов»

Остановимся на краткой характеристике разведочных работ.

1. Остатки стоянки в 0,5 км к западу от с. Рождественского. Здесь В. А. Обориным на берегу заводского пруда, на краю разрушенной бортовой террасы, обнаружены на пашне несколько отщепов и кремневый нож

⁶ О. Н. Бадер. Указ. соч. (КСИИМК, вып. 74).

на ножевидной пластинке. Находки могут относиться к эпохе неолита или бронзы.

2. Г. Шокшуевым в низовьях р. Очера обнаружена новая стоянка эпохи бронзы; на Очерском поселении отмечены 5 впадин — остатки жилищ.

3. Экспедицией по поручению Башкирского музея в г. Уфе было организовано археологическое обследование левого берега р. Камы от с. Саузово близ устья р. Белой вверх по течению до устья р. Буй и еще несколько дальше — в сторону г. Сарапула. Несмотря на более или менее

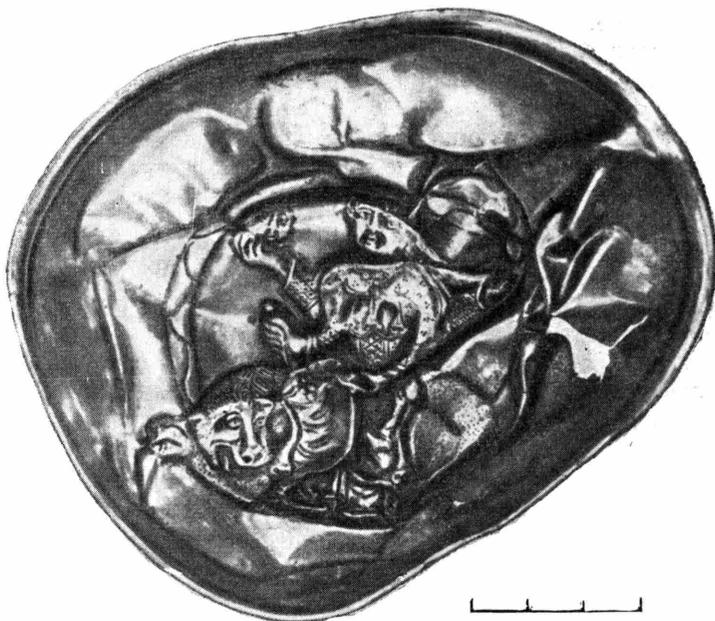

Рис. 34. Серебряная чаша из Бартыма (находка 1957 г.).

хорошо выраженный уступ песчаной надпойменной террасы, на всем протяжении маршрута П. М. Кожиным и М. П. Шахматовой (МГУ), производившими разведку, были открыты всего 2 энеолитических стоянки близ устья Буя.

4. О. Н. Бадер провел новое обследование Подгремячинского местонахождения, места раскопок А. В. Шмидта и Н. А. Прокошева у Гремячего ручья и на Шустовой горе возле дер. Турбино близ устья Чусовой. Осмотрено место раскопок 1925 г. и установлена возможность исследования смежных площадей могильника; с аналогичными результатами осмотрена бывшая усадьба Якина в дер. Турбино — место известной находки бронзового ножа с баранчиками на рукоятке.

5. У дер. Бартым Березовского района Пермской области, где, начиная с 1925 г., был обнаружен ряд серебряных сосудов, опубликованных в печати⁷, в 1957 г. встречена еще одна подобная чаша (рис. 34). Найдена она на поле у дер. Бартым, в 60 м к западу — юго-западу от конного двора, в пределах ломоватовского культурного слоя⁸. На месте находки Г. Шок-

⁷ О. Н. Бадер. О восточном серебре и его использовании в древнем Прикамье. Сб. «На Западном Урале», изд. Областного музея, г. Пермь, 1952; О. Н. Бадер и А. П. Смирнов. «Серебро закамское» первых веков нашей эры. Труды ГИМ, серия «Памятники культуры», вып. XIII, М., 1954, и др.

⁸ О. Н. Бадер и А. П. Смирнов. Указ. соч.

шевым собраны с поверхности сердоликовая бусина, обломок костяного наконечника стрелы, 2 куса металлического шлака и 6 обломков керамики ломоватовского облика. Вокруг края чаши вычеканена надпись, алфавит которой подобен надписям на двух сходных сосудах из Бартыма⁹. Вновь найденная чаша может быть по аналогии также отнесена к числу хорезмийских и датирована VII—VIII вв. н. э.

Сотрудниками Камской археологической экспедиции В. А. Обориным и В. П. Денисовым, работавшими в составе Северо-Камской историко-этнографической экспедиции Пермского областного музея краеведения, обследованы 4 археологических памятника на р. Колве между г. Чердынью и дер. Черепаново.

6. В пределах г. Чердыни на так называемом Вятском городище (точнее — Вятской горе) обследованием не обнаружено ни городища, ни признаков культурного слоя.

7. На известном городище Искор (на правом берегу р. Лунвы), осаждавшемся князем Федором Пестрым в 1472 г., в двух шурфах вскрыт мощный культурный слой с позднеродановской керамикой не раньше XIII в., в основном — XIV—XV вв.

8. На городище Пымпал в 1 км выше дер. Бегичи, на правом берегу р. Колвы вал оказался покрытым слоем обожженной глины. Культурный слой толщиной 0,4—0,5 м содержал родановскую керамику и некоторые датирующие вещи, например замок болгарского типа, относящийся к XII—XIII вв.

9. На левом берегу Колвы, у дер. Подбобыка открыта стоянка, самая северная из известных в Прикамье. Она занимает площадку размером всего около 15 × 10 м, расположенную на высоте примерно 15 м над р. Колвой. В шурфе (2 × 1 м) обнаружен тонкий (10 см), но очень насыщенный находками культурный слой. Собраны более 200 кремневых предметов и 2 обломка керамики с растительными примесями к глине. Среди готовых кремневых изделий — 3 наконечника стрел с усеченным основанием, наиболее близких найденным на Писаном Камне, обломок дротика, 5—6 скребков, ножевидные пластинки и пр. Обилие кремня наталкивает на мысль, что здесь была мастерская по изготовлению кремневых орудий.

⁹ О. Н. Бадер и А. П. Смирнов. Указ. соч.; О. Н. Бадер. Камская археологическая экспедиция в 1952 г. КСИИМК, вып. 55, 1954.

А. А. ИЕССЕН

РАБОТЫ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ
В 1957 ГОДУ

В 1957 г. совместная экспедиция ИИМК и Института истории Академии наук Азербайджанской ССР продолжала работу в составе пяти отрядов. Нахичеванский отряд (руководитель — О. А. Абибуллаев) продолжал исследование неолитического поселения Кюль-Тепе около Нахичевани, Каратепинский отряд (руководитель — О. Ш. Исмизаде) — раскопки холма Кара-Тепе близ Орен-Кала. 1-й Оренкалинский отряд (руководитель — А. Л. Якобсон) продолжал работы на раскопе I средневекового городища Орен-Кала в Ждановском районе, а 2-й Оренкалинский отряд (руководитель — Н. В. Минкевич-Мустафаева) — исследование ремесленного района городища (раскоп IV). Курганный отряд (руководитель — А. А. Иессен) начал раскопку одного из курганов в урочище Уч-Тепе.

Разведочное обследование в 1957 г. велось в очень небольшом объеме¹.

На многослойном поселении Кюль-Тепе продолжалось исследование культурного слоя эпохи развитого неолита (III тысячелетие до н. э.) на всей сохранившейся площади. Слой этот, мощностью свыше 8 м, первоначально обозначался как третий (считая сверху); теперь, после установления в 1955 г. общей стратиграфии памятника, этот слой должен быть отнесен ко второму периоду жизни на Кюль-Тепе и обозначается О. А. Абибуллаевым как второй снизу². В 1956 г. слой был снят до отметки около —10 м от вершины холма; оставалось снять еще около 2,5 м. В 1957 г. достигнута глубина —12 м.

Площадь раскопа несколько превысила 100 кв. м. В двухметровой толще слоя, снятой в 1957 г., обнаружено много остатков построек, большей частью круглых в плане, с внутренним диаметром от 4 до 5,5 м. Основания стен глинобитные или из сырцовых кирпичей. Стены залегают на разных уровнях, перекрывая друг друга, что указывает на различные строительные периоды. Выявлены остатки 16 круглых построек. В ряде случаев к ним примыкали отрезки прямых стенок, образывавших небольшие четырёхугольные помещения. Внутри круглых помещений обнаружены очаги или печи особой конструкции, прямоугольные в плане, с открытым топочным отделением у одного края и глухим жаровым каналом под остальной частью печи.

¹ Кроме перечисленных выше, в работах экспедиции участвовали научные работники Г. М. Ахмедов, Т. И. Голубкина, А. А. Иерусалимская, К. Х. Кушнарева, А. И. Лобановский, Н. Н. Наджафова, М. Н. Погребова и Д. С. Раппопорт.

² См. О. А. Абибуллаев. Первые итоги раскопок Кюль-Тепе. Сб. «Материалы по истории Азербайджана», Труды Музея истории Азербайджана, т. II, Баку, 1957, стр. 75—98; А. А. Иессен. Азербайджанская экспедиция в 1956 г. КСИИМК, вып. 76, 1959.

Находок относительно немного, но они характерны для этого слоя: обломки лощеных энеолитических сосудов, очажные подставки, фигурки животных, каменные орудия (молоты, зернотерки, песты), обсидиановые пластины, изделия из кости и т. п. Особенно важно, что и в этих горизонтах, как и в вышележащих, исследованных в 1956 г., встречены медные изделия (острия или стержни; обломок ножа?), а также часть грубой плавленной чашки с остатками металла; это еще раз свидетельствует о достаточно широком знакомстве не только с металлическими орудиями, но и с металлургическим производством.

Рис. 35. Кара-Тепе. Часть раскопа, вид с юго-запада.

На холме Кара-Тепе в Мильской степи (в 5 км к северо-западу от городища Орен-Кала) продолжалось начатое в 1955 г. исследование архитектурного комплекса I тысячелетия до н. э. В 1957 г. площадь раскопа была доведена до 400 кв. м, что составляет около $\frac{1}{8}$ части площади холма. Несмотря на увеличение раскопа в сторону южного и западного склонов, пока не удалось найти наружные стены здания и установить его назначение: было ли это укрепленное поселение типа замка, как нам представляется, или же сооружение иного рода. Только в самом конце работ в западной стороне раскопа обнаружены два небольших отрезка кладок, которые, возможно, относятся к наружной стене.

Как и при предыдущих работах, на вновь прирезанных участках сверху залегал средневековый слой XII—XIII вв. В западной части раскопа к этому слою относятся сильно разрушенные остатки жилища легкого типа. Ниже средневекового слоя вскрыты древние сырцовые стены, сопровождаемые находками, относящимися ко второй половине I тысячелетия до н. э.; фрагменты сосудов в ряде случаев близки керамике Джафарханского могильника на Мугани³. К этому же времени относился и тондир, расчищенный в юго-западной части раскопа на глубине 1,65 м. Стены, вскрытые в этом горизонте, в большинстве уходят вглубь, приблизительно

³ Т. С. Пассек. Джафарханский могильник. ВДИ, 1946, № 2, стр. 169—188.

до 4 м от поверхности, и относятся к первоначальной постройке, сооруженной, по-видимому, в VII—VI вв. до н. э. Только некоторые участки кладок не связаны с их направлением. В южной части раскопа вскрыто прямоугольное помещение (рис. 35), ориентированное с юго-запада на северо-восток, как и примыкающее помещение, обнаруженное в 1955 г.

Находки из нижних слоев Кара-Тепе представлены в основном обломками керамики (рис. 36), глиняными пряслицами, зернотерками, каменными пестами и другими бытовыми предметами. Среди чернолощеной керамики встречаются обломки с фигурными украшениями: носики в виде головы барана со спирально закрученными рогами, ручка с налепом в виде лица человека и т. п.

Работы на Кара-Тепе были начаты в связи со вставшим перед экспедицией вопросом о характере заселения Мильской степи в последнем тысячелетии до нашей эры, т. е. в период проникновения в Азербайджан скифских кочевых орд и в непосредственно следующие за этими событиями столетия.

С этой же проблемой связаны и начатые в 1957 г. раскопки одного из курганов в группе Уч-Тепе, расположенной к югу от Каркарчая и к западу от канала им. Орджоникидзе, в Агджабединском районе.

Группа представляет собой цепочку из 3 крупных курганов: южного (№ 1), высотой 17 м; среднего (№ 2), высотой 21 м, и северного (№ 3), высотой 14 м. На среднем сохранились остатки средневековой постройки, вероятнее всего, — мавзолея; южный курган поврежден большой старой выемкой с юго-западной стороны. Для раскопок был выбран третий курган, не имевший внешних повреждений.

Относительно свежая, островерхая форма насыпей всех трех курганов, отличающаяся от куполовидных насыпей большинства древних курганов бронзового века, позволяет считать, что они относятся к более позднему времени, т. е. к последнему тысячелетию до нашей эры, когда и в других степных областях нашей страны сооружались наиболее крупные курганы. Косвенно в пользу такой датировки свидетельствует и то обстоятельство, что ни на одном из подобных больших погребальных курганов в Мильско-Карабахской степи (сейчас нами учтено 11 таких насыпей) не встречено поверхностных находок эпохи бронзы, тогда как на некоторых есть кувшинные погребения последних веков до нашей эры.

Раскопки кургана только начаты. При работах использовался бульдозер; сняты верхние 6 м насыпи, сложенной из чистой глины. Снималась она последовательными слоями, попеременно на западной и восточной половинах кургана; по линии север—юг оставлялась продольная бровка метровой ширины, служившая для контрольного изучения структуры. При большой высоте кургана было невозможно сохранить бровку до конца работ, поэтому она снималась последовательными нивелированными «этажами» по 2 м высотой.

Рис. 36. Кара-Тепе. Сосуд из нижнего слоя.

В центре и на южной половине насыпи, близко к ее поверхности, встречено 8 позднейших мусульманских погребений, без сопровождающего инвентаря, за исключением нескольких средневековых кирпичей и черепков керамики. Прямых данных для определения времени сооружения кургана пока нет.

К югу, в сторону кургана № 2, на довольно большой площади собран подъемный материал — осколки обсидиана и обломки древней керамики, в определенной части относящейся к I тысячелетию до н. э. По-видимому, это остатки временных стоянок. В пробном шурфе, заложенном здесь, такие же находки попадались до глубины около 0,6 м, при отсутствии четко выраженного культурного слоя.

Экспедиция давно интересовалась комплексом памятников в селении Тазакенд (в 8 км к юго-востоку от Орен-Кала), где находится более древнее, чем Орен-Кала, городище и где в 1955 г. найден небольшой клад серебряных римских монет I в. н. э. Это городище, как нам представляется, с наибольшей вероятностью соответствует городу Пайтакарану армянских источников, упоминаемому в связи с событиями начала IV в. н. э. и позже. Если в первый год работ экспедиции мы готовы были согласиться с отождествлением Пайтакарана с Байлаканом и с отнесением обоих городов к Орен-Кала⁴, то последующие работы показали, что на Орен-Кала вряд ли можно встретить остатки более раннего времени, чем то, которое указывается арабскими авторами для построения Байлакана Кавадом I, т. е. конец V в.—начало VI в. н. э. На Тазакендском городище более ранние слои, бесспорно, есть, а само городище с его ближайшим окружением — единственный в пределах Мильской степи пункт, подходящий для той центральной роли, какую в первой половине I. тысячелетия н. э. здесь играл Пайтакаран⁵.

В 1957 г. на Тазакендском городище, в его ю.-в. углу заложен пробный шурф размером 2 × 2 м (Г. М. Ахмедов). Мощностъ культурного слоя достигает здесь 3,5 м, причем в нижних горизонтах встречена керамика, характерная для времени кувшинных погребений около начала нашей эры. Находки из верхних горизонтов приближаются к находкам нижних слоев Орен-Кала. К верхним слоям городища должны быть отнесены и 3 каменные базы от колонн, найденные, по словам местных жителей, в восточной его половине, на небольшой глубине. Первая база опубликована в 1946 г. И. П. Щеблыкиным⁶, две других, меньшего размера, описаны нами в 1955 г. Шурф на Тазакендском городище подтвердил важность и перспективность дальнейшего его изучения, возможности которого несколько ограничены современной застройкой.

На городище Орен-Кала, древнем Байлаконе, продолжалась работа на раскопе I, расположенном в пределах так называемого «Малого города», выделенного не ранее IX в. и не позднее XI в. дополнительным рвом и стеной из первоначальной площади прямоугольного города-крепости (рис. 37). Раскоп начал еще в 1953—1955 гг. и занимал площадь свыше 1000 кв. м. При окончании работ 1955 г. лишь один пробный шурф (4 × 4 м) был доведен до материка, тогда как северо-западная половина раскопа оставлена была на различной глубине в слоях, уже не содержащих ранней поливной керамики и монет IX в., а в юго-восточной половине оставались открытыми остатки разновременных построек XI—XII вв.

⁴ А. А. Иессен. Работы Азербайджанской экспедиции в 1953 году. КСИМК, вып. 69, 1957, стр. 128.

⁵ Сводка исторических сведений о Пайтакаране см. в статье: Е. А. Пахомов. Пайтакаран — Байлакан — Орен-Кала. Труды Азербайджанской экспедиции, т. I, МИА, № 67, 1959.

⁶ И. П. Щеблыкин. Части старых колонн, найденные в районе Орен-Кала и Нах. АССР. Доклады Академии наук Азербайджанской ССР, 1946, № 6, стр. 255.

В 1957 г. работа была продолжена на северо-западной половине раскопа на площади в 320 кв. м; на части этой площади (150 кв. м) раскоп доведен до материка (рис. 38—1)⁷, залегавшего на различной глубине от первоначальной поверхности: около 4 м у северо-западного края раскопа, ближайшего к крепостной стене, и 5,3 м у юго-восточного. Общая мощность слоев, не содержащих поливной керамики, достигала 1—1,5 м. Под слоями IX в., характеризующимися ранней поливной керамикой, почти не сохранилось строительных остатков, если не считать колодцев и оснований

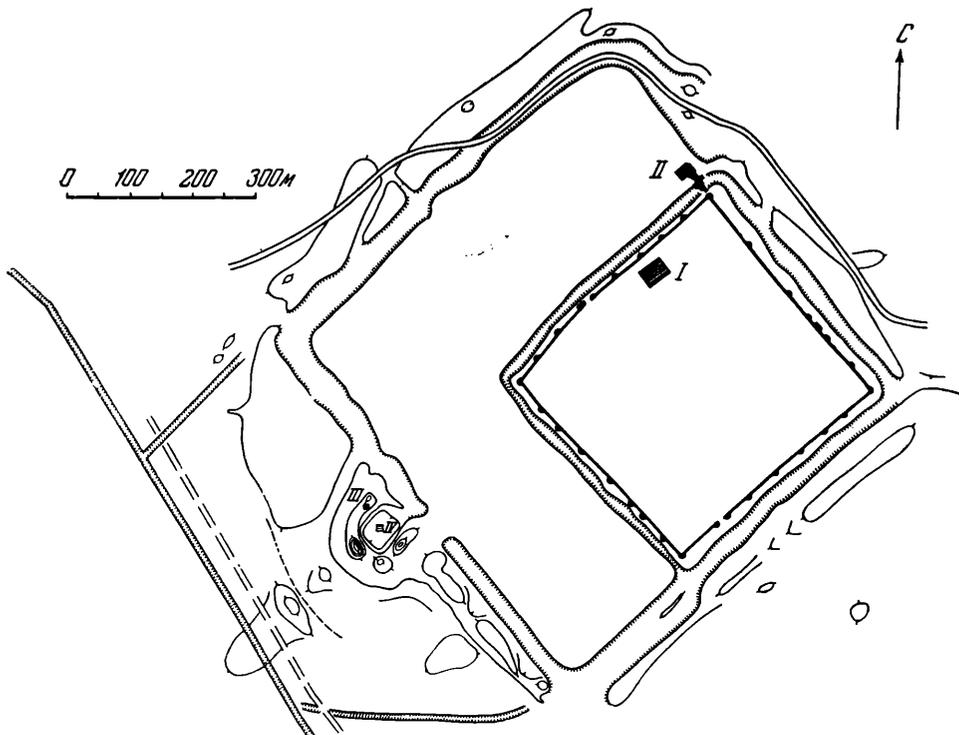

Рис. 37. План городища Орен-Кала.

I—IV — раскопы экспедиции.

тондиров. Такая картина наблюдалась и в 1955 г., когда раскоп впервые достиг слоев без поливной керамики, и в 1957 г. при дальнейшем его углублении. Остатки ранних построек, сооружавшихся к тому же без применения обожженного кирпича, очевидно, были уничтожены при последующем строительстве, с течением времени становившемся все более интенсивными.

Основная толща исследованных слоев представляла собой сплошную засыпь, насыщенную фрагментами керамики и битыми костями крупного и мелкого рогатого скота, а также костями рыб.

Нижний (надматериковый) слой оказался почти сплошь изрезанным большими круглыми или овальными в плане углублениями диаметром 2—4 м, с более или менее ясно выраженным расширением книзу. Они были расположены на разных уровнях, часто врезались друг в друга, что позволило выяснить их хронологическое соотношение. В большинстве углублений ясно прослеживался глинобитный пол со следами горения

⁷ Участками раскопа заведовали Г. М. Ахмедов и Т. И. Голубкина.

Рис. 38. Орен-Кала. Раскоп I, часть нижнего горизонта (1) и гончарная печь № 5 на раскопе IV (2).

упавших деревянных частей перекрытия. Наличие такого «жилого» пола, а также размеры углублений привели А. Л. Якобсона к предположению, что это остатки жилых землянок первоначального населения города.

То обстоятельство, что на площади в 150 кв. м обнаружено 9 таких «землянок», свидетельствует о недолговечности тех жилых комплексов, к которым они относились; это важно для характеристики первоначального строительства в Байлакане. В ямах встречено много керамики и, что осо-

бенно существенно, найдены многочисленные медные монеты. Определение последних взял на себя Е. А. Пахомов. Монеты — исключительно плохой сохранности, и работа над ними еще не закончена. Предварительно можно сказать, что основную массу их составляют фельсы раннеаббасидского чекана, т. е. VIII в. Пока встречена только одна монета, относящаяся ко времени, указываемому письменными источниками для основания Байлакана, — византийская, медная, императора Анастасия (491—518 гг.) в 40 нуммий, константинопольского чекана. Необходим еще детальный анализ всего собранного керамического и нумизматического материала и стратиграфических наблюдений, прежде чем можно будет точно и раздельно датировать вскрытые в 1957 г. комплексы.

Выявленный раскопками 1957 г. характер нижнего слоя подтверждает сложившееся у нас убеждение, что Байлакан был сооружен, действительно, при Каваде I, одновременно, на ранее необитаемом месте. Построен он был как крепость, о чем свидетельствует правильный квадрат первоначальных крепостных стен, почти точно ориентированный углами по странам света. Для крепостного гарнизона вполне подходит и характер легких жилищ, части которых обнаружены в 1957 г.

Таким образом, в результате всей работы экспедиции за истекшие годы и на основании начатого теперь исследования нижнего горизонта культурных отложений на Орен-Кала следует прийти к выводу, что здесь нет слоев III—IV вв. н. э. и, конечно, еще более раннего времени. Следовательно, город Пайтакаран находился не на Орен-Кала, и его нужно искать в другом месте. Что же касается Байлакана, то после работ 1955 и 1956 гг. отождествление его с Орен-Кала не может вызвать никаких сомнений⁸.

Интересный вопрос о причинах перемещения опорной базы сасанидских войск из Пайтакарана, где она находилась в 451 г., на новое место, требует еще дополнительных исследований. Однако напрашивается предположение, что это перемещение было связано с сооружением канала Гяур-арх, проведенного из Аракса по Мильской степи в Каркарчай и, очевидно, обслуживавшего основную военную дорогу, связывавшую северные закавказские владения с центральными районами сасанидского государства. В силу топографических условий канал прошел значительно западнее Тазакенда, где, вероятно, находился Пайтакаран, а новая крепость была построена непосредственно у канала. И канал, и крепость входили, очевидно, в большую систему стратегического строительства, осуществленного планомерно на северных границах государства Кавадом и Ануширваном. В эту же систему входили и крепость Алтан (древний Варсан) на правом берегу Аракса, в одном переходе от Байлакана, и ряд других.

О времени сооружения канала Гяур-арх в письменных источниках достаточно точных указаний нет. Важно отметить, однако, что в устьевой части, у Каркарчая, он прорезал кувшинные погребения, а несколько южнее его трасса огибала курганы группы Уч-Тепе: подойдя с юга к кургану № 1, она оставляла его с правой стороны и затем поворачивала на северо-восток и север, огибая курган № 2. Ясно, что канал был построен позже сооружения курганов Уч-Тепе и после совершения кувшинных захоронений у городища Кала-Тапа на правом берегу Каркарчая, относящихся к последним векам до нашей эры. Таким образом, вполне вероятно, что канал построен одновременно с Байлаканом.

За пределами крепостной стены Байлакана, с юго-западной стороны Орен-Кала, был расположен ремесленный район города, где в 1955—1956 гг. открыты 4 гончарных печи, в том числе 2 печи IX в., служившие

⁸ А. А. Иессен. Азербайджанская экспедиция в 1956 г. КСИИМК, вып. 73, 1959; его же. Городище Орен-Кала. Труды Азербайджанской экспедиции, т. I. МИА. № 67, 1959; Е. А. Пахомов. Пайтакаран—Байлакан—Орен-Кала...

для обжига сфероконических сосудов. Здесь найдены бракованные сфероконические сосуды со штампом мастера Фадлуна в Байлакане и с надписями Ахмеда сына Фадлуна⁹. В 1957 г. работы на этом участке были продолжены, раскоп расширен к северу, площадь раскопа IV доведена до 230 кв. м. Открыта еще одна гончарная обжигательная печь (№ 5). Она больше ранее изученных, круглая в плане, с внутренним диаметром 2,3 м (рис. 38—2). Внутри печи сохранилась полуцилиндрическая часть подпорного кирпичного столба, поддерживавшего перекрытие топочной камеры и продолжавшегося в обжигательную камеру. На одном уровне с печью № 5 выявлена часть узкого канала, сложенного из обожженных кирпичей и идущего с севера на юг. Канал, прослеженный на протяжении 1,43 м, продолжался к северу. Около канала — остатки вымостки. Судя по находкам поливной керамики, печь и канал относятся к XII—XIII вв. В печи найдена монета ильдегизида Абубекра (1191—1210 гг. н. э.).

На 0,6 м глубже узкого канала обнаружен другой выложенный и перекрытый кирпичами канал, идущий с северо-востока на юго-запад. Он прослежен на протяжении 4,95 м. Кирпичи перекрытия были положены на ребро, образуя два ската. Открыты также кирпичные кладки, почти перпендикулярные этому каналу, залегающие с ним в одном слое и, вероятно, представляющие остатки подобного же канала. К этой же системе более ранних каналов, по-видимому, принадлежит и кирпичный бассейн с отводом, обнаруженный в 1955—1956 гг.

Несомненно, дальнейшее изучение этого участка даст возможность получить еще обильный материал для характеристики ремесленного производства средневекового Байлакана, притом, вероятно, не только гончарного; рядом с раскопом IV, на холме, еще в 1955 г. были установлены следы обработки железа.

Кроме перечисленных работ, экспедицией осмотрен ряд памятников, взятых на учет в предыдущие годы, а также ряд новых объектов, в том числе — карьер по добыче камня в 2 км к северо-востоку от районного центра Мартуни. Здесь весной 1957 г. обнаружено погребение в каменном ящике. Место находки обследовано О. Ш. Исмизаде, собравшим 4 сосуда из 12, находившихся в могиле. Погребение относилось к концу эпохи бронзы.

А. Л. Якобсон совершил поездку в ущелье Хачена для дополнительного осмотра средневекового храма Гандзасар. По окончании работ А. Л. Якобсон и Г. М. Ахмедов ознакомились со средневековыми памятниками района Шемахи и Чухурюрда, а затем посетили Кабалу и Старую Ганджу.

В результате работ экспедиции 1957 г. есть основание говорить о возможности получить за несколько ближайших лет достаточно полную, насыщенную фактами связную картину эволюции материальной культуры и исторического развития данного района от раннего энеолита до XIII в. н. э.

⁹ В 1957 г. обломок сфероконуса с именем Фадлуна, но без указания города, найден на раскопе I.

Е. И. КРУПНОВ

НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ДРЕВНЕЙ
И СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСТОРИИ
СЕВЕРНОГО КАВКАЗА¹

Известно, что многие периоды древней истории Северного Кавказа довольно хорошо представлены археологическими источниками, изучение которых уже дало возможность историкам и археологам создать сводные труды по истории отдельных республик и областей края². И тем не менее каждый новый полевой сезон археологических исследований ознаменовывается обнаружением новых, ранее не известных источников, позволяющих в новых аспектах освещать отдельные этапы истории народов Северного Кавказа.

Особенно показательны в этом отношении итоги полевых работ 1957 г. На территории Северной Осетии и Чечено-Ингушской АССР работала Северокавказская объединенная археологическая экспедиция ИИМК, Северо-Осетинского научно-исследовательского института и Чечено-Ингушского республиканского музея краеведения в г. Грозном³. Экспедиция вела исследования по основным, намеченным ранее задачам⁴, начиная с проблемы раннего заселения человеком отдельных районов края и кончая вопросами этнической истории и сложения культуры современных народов Северного Кавказа.

На территории Чечено-Ингушской АССР были развернуты разведочные и стационарные работы. Разведками, впервые начатыми в 1956 г. и продолженными по Аргунскому ущелью в 1957 г. (начальник отряда — В. И. Марковин), выявлен ряд ранее не известных памятников материальной культуры, в том числе связанных с древней и средневековой культурой

¹ По материалам Северокавказской экспедиции 1957 г.

² Уже вышли из печати: Очерки истории Адыгеи. Майкоп, 1957; История Кабарды. М., 1957; История Северной Осетии. Орджоникидзе, 1959; Очерки по истории Дагестана. Махач-Кала, 1956.

³ Экспедиция (начальник экспедиции — Е. И. Крупнов) состояла из 3 отрядов: первый, основной (Чечено-Ингушская АССР) Ассинский отряд (зам. начальника экспедиции и начальник отряда — Р. М. Мунчаев) — в составе Г. Н. Лисицыной, В. Л. Васильевского, Н. М. Немноновой, Г. Н. Немноновой, Н. Н. Немнонова, Г. Ф. Ломакиной, В. Б. Виноградова, Х. Х. Магумова, А. Е. Крупнова и А. М. Фисенко; второй, разведочный отряд (начальник отряда — В. И. Марковин) — в составе М. П. Севостьянова, Н. Г. Полихраниди и В. И. Ваваева; третий, Северо-Осетинский отряд (начальник отряда — В. А. Кузнецов) — в составе В. Б. Деопик, Д. В. Деопик, С. И. Куссаевой, Е. Ф. Снежко, Т. Б. Тургиева, М. Тувшинжаргала, В. А. Дерябина, М. Б. Борисоглебской, Г. М. Давыдовой, М. С. Никоро и Х. В. Меликова.

⁴ Е. И. Крупнов. Новые данные по археологии Северного Кавказа. СА, 1958, № 3.

чеченцев, например — наскальные изображения близ Киров-аула (бывшее селение Таузен) и др.

Приступлено к раскопкам двух могильников, характеризующих разные этапы культуры эпохи бронзы (близ селений Хороной и Асланбек-Шерипово — бывшее Гатен-Кале. Особое значение для истории края имеет первый опыт раскопок могильника у Гатен-Кале, открытого в 1957 г.⁵ Пять могил содержали керамику (рис. 39 — 3, 5) и бронзовые украшения (в том числе волютообразные булавки и бусы, датируемые II тысячелетием до н. э.). Найденным материалом фиксируется восточный вариант слабо еще изученной так называемой «северокавказской» культуры эпохи бронзы, впервые открытой на Северо-Восточном Кавказе, в зоне стыка ее с синхронной культурой горного Дагестана.

Основным — Ассинским — отрядом экспедиции полностью завершены раскопки двух редких и интереснейших памятников в Ассинском ущелье⁶. Это, во-первых, древнейшее в республике поселение, относящееся еще к энеолиту — к переходной поре от камня к металлу (III тысячелетие до н. э.), и, во-вторых, огромный грунтовой могильник VI—V вв. до н. э., расположенные близ сел. Мужичи (бывшее Луговое). Как установлено раскопками, энеолитическое поселение Луговое по материалу является связующим звеном между древнейшими памятниками Кабардино-Балкарии, Дагестана и Закавказья. Это новый и важный научно исследованный исторический источник для изучения энеолитической культуры всего Кавказа⁷.

Были продолжены раскопки грунтового Лугового могильника. Дополнительно к 120 могилам, вскрытым экспедицией в предыдущие годы⁸, в 1957 г. исследовано 47 могил. Этим исчерпана площадь древнего кладбища. Часть могил была окружена огромными кольцами из булыжных камней — «кромлехами», что указывало на сохранение глубоких традиций культуры Северо-Восточного Кавказа эпохи бронзы. Почти все могилы одиночные и содержали скорченные, плохо сохранившиеся костяки, положенные на правом боку, головами на юго-запад. Все могилы были завалены булыжником.

Погребальный инвентарь очень обилен. Он состоял из железного оружия: коротких мечей скифо-савроматского типа (рис. 40 — 7), серповидных ножей, стрел, топориков, секир, втульчатых наконечников копий, частей конской узды (железных удила и трензелей), множества бронзовых и железных мужских и — особенно — женских украшений: головных блях, серег, подвесок, браслетов, перстней, поясных пряжек, наконечников, бус и пр. (рис. 40 — 1, 6). Из украшений особым разнообразием отличались многоцветные стеклянные бусы неместного производства. Глиняные пряслица и посуда составляли непременную принадлежность большинства могил.

В числе оригинальных находок назовем бронзовые бляшки в виде хищных птиц, терзающих рыб (рис. 40 — 2), и другие бляшки в виде лежащих или свернувшихся зверей, серебряные золоченые серьги (рис. 40 — 3), различные бронзовые поясные пряжки. Одна пряжка состояла из 4 кругов (рис. 40 — 5) с рельефным знаком свастики посередине; другая,

⁵ Научный отчет о работе разведочного отряда экспедиции 1956 г., составленный В. И. Марковиным, сдан для печати в Известия Чечено-Ингушского республиканского музея краеведения (г. Грозный).

⁶ Е. И. Крупнов. К историко-археологическому изучению Грозненской области. Известия Грозненского музея краеведения, вып. 1, 1948, стр. 53.

⁷ Р. М. Мунчаев. Каякентское поселение и проблема кавказского энеолита. СА, XXII, 1955, стр. 18. Научный отчет о раскопках Лугового поселения и могильника в 1956 г., составленный Р. М. Мунчаевым, сдан для печати в Известия Чечено-Ингушского республиканского музея краеведения (г. Грозный).

⁸ Е. И. Крупнов. Первые итоги изучения Восточного Предкавказья. СА, 1957, № 2, стр. 157.

Рис. 39. Сосуды из различных археологических памятников Северного Кавказа. 1, 2, 4, 6 — из кобанского поселения у станицы Змейской (I тысячелетие до н. э.); 3 — из каменного слепка № 2 у с. Гатен-Кале (II тысячелетие до н. э.); 5 — из каменного ящика № 1 у с. Хорочой (I тысячелетие до н. э.).

крупная, в виде пластины, изображала двух стилизованных животных; третья, массивная, литая, богато орнаментированная (рис. 40—4), найдена вместе с остатками бронзового пластинчатого пояса. Отметим также бронзовый колокольчик и глиняный сосуд с зооморфным орнаментом. Несомненно, это образцы местного прикладного искусства и домашнего ремесла; такие поясные пряжки характеризуют только культуру Северо-Восточного Кавказа скифского времени⁹.

Входя в один круг с могильниками Исти-Су, Моздокским, Нестеровским и другими и являясь памятником восточного варианта местной позднекобанской культуры, Луговой могильник вместе с тем служит ярчайшим показателем древних и очень тесных взаимосвязей Северного Кавказа с племенами Юго-Восточной Европы VI—V вв. до н. э. (скифами и савроматами), с народами Закавказья и даже со странами Ближнего Востока, о чем можно судить по многочисленным многоцветным стеклянным бусам, встреченным в каждом женском погребении. Следует предполагать, что эта связь, еще до греческой колонизации Восточного Причерноморья, могла осуществляться сухопутным путем через легендарную Колхиду, воспетую в древнегреческом мифе «Об аргонавтах».

На импорт тогда модной и ходкой ремесленной продукции из древних городов Египта и Финикии (Фив, Тира, Сидона и др.)¹⁰ указывают наборы стеклянных бус, во множестве находимые в древних могилах Северного Кавказа¹¹.

Всего на Луговом могильнике вскрыто 167 могил. Это самый крупный, полностью исследованный памятник Северного Кавказа скифского времени, характеризующий культуру раннежелезного века. В то же время это новый и очень ценный исторический источник, связывающий культуру древнего Кавказа, с одной стороны, с культурой основных районов (Украины, Подонья и Поволжья) и, с другой, — с культурой Древнего Востока — Египта и Финикии¹².

Впервые после большого перерыва (с довоенных лет) экспедиция возобновила работы на территории Северо-Осетинской АССР. Инициатором возобновления исследований явился Северо-Осетинский научно-исследовательский институт, поставивший целью проведение охранных работ для изучения древних памятников в Кировском районе республики.

Работы в Северной Осетии были сосредоточены в районе станицы Змейской, у входа в древнейшие Эльхотовские ворота, некогда образованные мощными водами Терека.

Пограничный район между равниной и предгорьем — район станицы Змейской, — занимая важное стратегическое положение, всегда играл крупную роль во взаимоотношениях населения гор и равнины. Не случайно здесь сосредоточено огромное число археологических объектов: древних поселений и городищ, могильников, курганов и архитектурных памятников, среди которых — великолепный Татартупский кирпичный минарет XIV в., сохранившийся на территории крупнейшего городища Верхний Джулат¹³. Некоторые памятники в этом районе раскопаны еще

⁹ О. А. Артамонова-Полтавцева. Культура Северо-Восточного Кавказа в скифский период. СА, XIV, 1950, стр. 69, рис. 31.

¹⁰ F. Neuburg. Glass in Antiquity. London, 1949, табл. XXXI; A. Guide. To the Archaeological collections in the University Museum. American University of Beyrouth, 1951, табл. XII.

¹¹ П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа. МАК, VIII, М., 1900, стр. 374.

¹² Ознакомление с богатейшими коллекциями бус в национальных музеях Сирии (Дамаск) и Ливана (Бейрут) во время моей научной командировки от Академии наук в Ливан в конце 1957 г. подтвердило существование этих связей нашей страны с Финикией.

¹³ Л. П. Семенов. Татартупский минарет. Орджоникидзе, 1946.

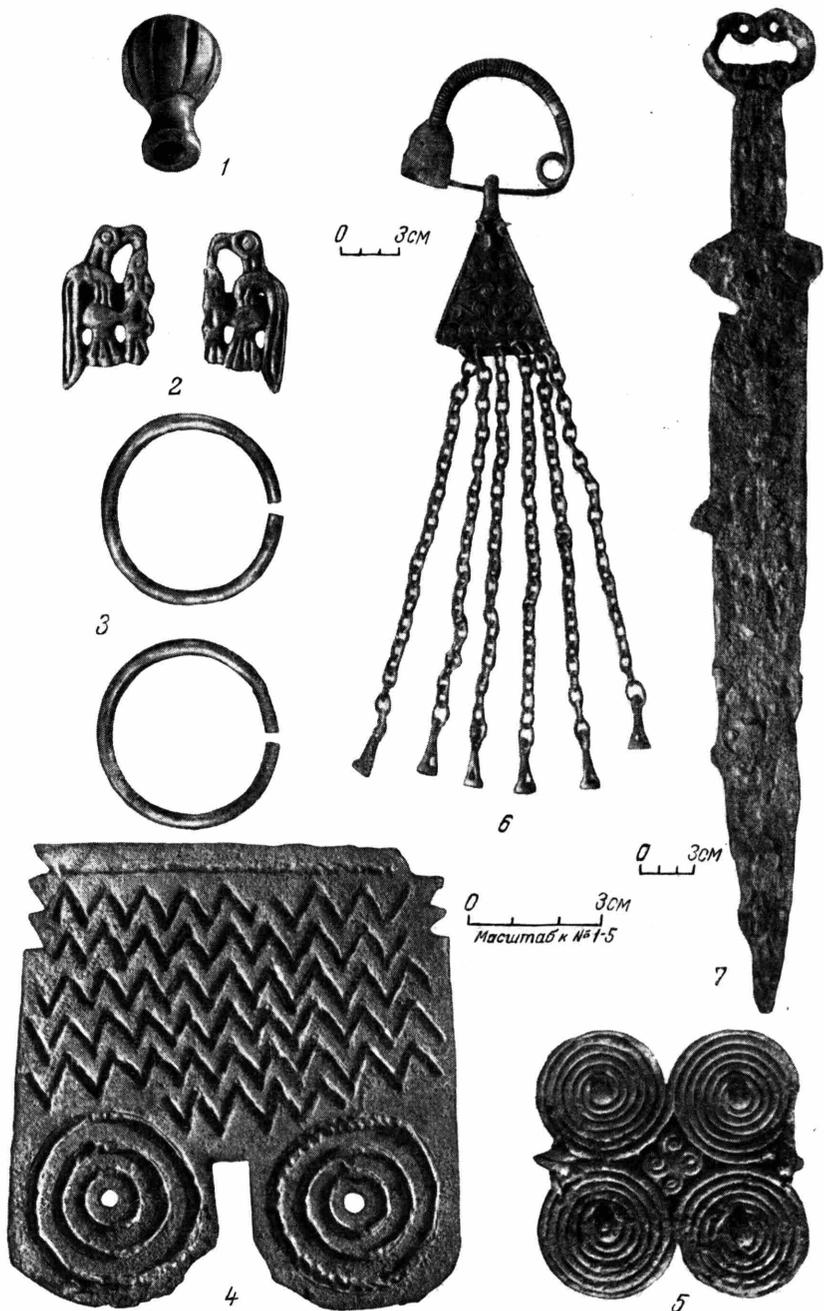

Рис. 40. Инвентарь Лугового могильника у с. Мужичи (VI—V вв. до н. э.).
 1 — бронзовое навершие; 2 — бронзовые бляшки; 3 — серебряные золоченые серьги; 4, 5 —
 бронзовые поясные пряжки; 6 — нагрудное украшение и фибула; 7 — железный кинжал-акинак.

в дореволуционные годы; исследовались они в охранных целях также и в последнее время¹⁴.

Раскопкам здесь подверглись 3 объекта. Самым древним оказалось поселение конца позднебронзового века, расположенное на вершине отдельного холма на третьей террасе левого берега древней пойменной долины Терека. На поселении (руководитель работ — Д. В. Деопик) обнаружены обильные материалы, характеризующие культуру населения родового поселка кобанской культуры.

На площади около 400 кв. м (на глубине до 1,5 м) вскрыты более 10 хозяйственных ям колоколовидной формы, несколько прямоугольных очагов, гончарный горн и культовый очаг с глиняными подставками в виде плоских кругов с вертикально стоящими рукоятями в центре. Впервые на Северном Кавказе обнаружена надземная овальная глиняная печь для выпечки чурека («тондыр»), обычная для Закавказья и Передней Азии¹⁵.

Встреченные при раскопках редкие находки — бронзовый серп, разнотипные бронзовые и костяные наконечники стрел, глиняные трубки — «сопла» и льячки (применявшиеся для нагнетания воздуха в примитивный сыродутный горн и для литья металла), различные бронзовые и костяные шилья, проколки и булавки, каменные зернотерки, песты, терочники, орнаментированные глиняные пряслица от веретен — служат важными источниками для суждения о хозяйственной деятельности и быте древних обитателей кобанского поселка. Находки в нижнем горизонте культурного слоя двух каменных сверленных топоров, некоторых типов костяных стрел и форм глиняной посуды уточняют вопрос о местном происхождении самой кобанской культуры на рубеже бронзовой и железной эпох.

Собранная в огромном числе керамика — прекрасно вытощенные и богато орнаментированные сосуды разных форм (рис. 39 — 1, 2, 4, 6), аналогичные сосудам из кумбултского могильника Верхняя Рутха¹⁶, — доказывает принадлежность памятника к кобанской культуре и вместе с тем связывает его с ближайшими памятниками Центрального Кавказа доскифского времени (Алхастинское поселение)¹⁷ и с далекими поселениями кизил-кобинской культуры горного Крыма, приписываемой потомкам киммерийцев — таврам¹⁸. Орнаментация керамики в виде нарезных параллельных линий с точками и колоколовидные ямы-хранилища на Змейском поселении и в Крыму указывают на исключительное сходство. Эти наблюдения служат новым подтверждением культурной, а может быть, и этнической общности древнейшего населения Крыма и Кавказа. Местное происхождение таврской культуры в Крыму окончательно еще не выяснено. Вместе с тем преемственность кобанской культуры Северного Кавказа от более ранних местных памятников несомненна; следует предполагать возможность частичного расселения из районов Центрального Кавказа в Крым одной из древних племенных групп, создавшей в местном окружении и во взаимосвязях с киммерийской кизил-кобинскую культуру горного Крыма.

¹⁴ С. С. Куссаева. Некоторые итоги археологических раскопок катакомбного могильника в станице Змейской. Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института, т. XVII, 1956, стр. 207.

¹⁵ «Народы Передней Азии». Этнографический очерк. М., 1957, стр. 252, 338.

¹⁶ Е. И. Крупнов. Северокавказская археологическая экспедиция 1940 г. КСИИМК, вып. XVII, 1947, стр. 101.

¹⁷ Е. И. Крупнов. Археологические памятники верховьев р. Терека и бассейна р. Сунжи. Труды ГИМ, т. XVII, 1948, стр. 12—20, рис. 7, 8, 11—15.

¹⁸ О. Д. Дашевская. Раскопки Симферопольского поселения кизил-кобинской культуры. КСИИМК, вып. XXXIX, 1951, стр. 110; Х. И. Крис. Раннетаврское поселение в Инкермане. «История и археология древнего Крыма». Киев, 1957, стр. 47; П. Н. Шульдц. Исследования Неаполя Скифского. Там же, стр. 64—66.

Другое исследованное рядом поселение (руководитель работ — В. Б. Деопик) относилось уже к иной, более поздней эпохе и характеризовало бытовой уклад аланского рядового поселка накануне татаро-монгольского нашествия на Русь и на Кавказ. На площади более 200 кв. м вскрыты остатки наземных прямоугольных жилищ с сохранившимися саманными

Рис. 41. Предметы из катакомб у станицы Змейской (XI—XII вв.).

1 — золоченая рукоять плети; 2 — золоченая накладка; 3, 4 — зеркала из серебряного сплава.

стенами, хозяйственные ямы-хранилища цилиндрической формы и очаги. По множеству находок глиняных сосудов можно проследить этапы развития высокого, уже полуремесленного керамического производства у аланских племен. Существенно отметить, что некоторые типы сосудов повторяли формы керамики из погребений, обнаруженной при одновременно производившихся раскопках захоронений в катакомбах, которые расположены ниже поселка, на второй террасе. Результаты раскопок поселения X—XII в. очень важны, особенно в связи с исследованием катакомбного могильника, для всестороннего изучения аланской материальной культуры на Северном Кавказе эпохи раннего средневековья.

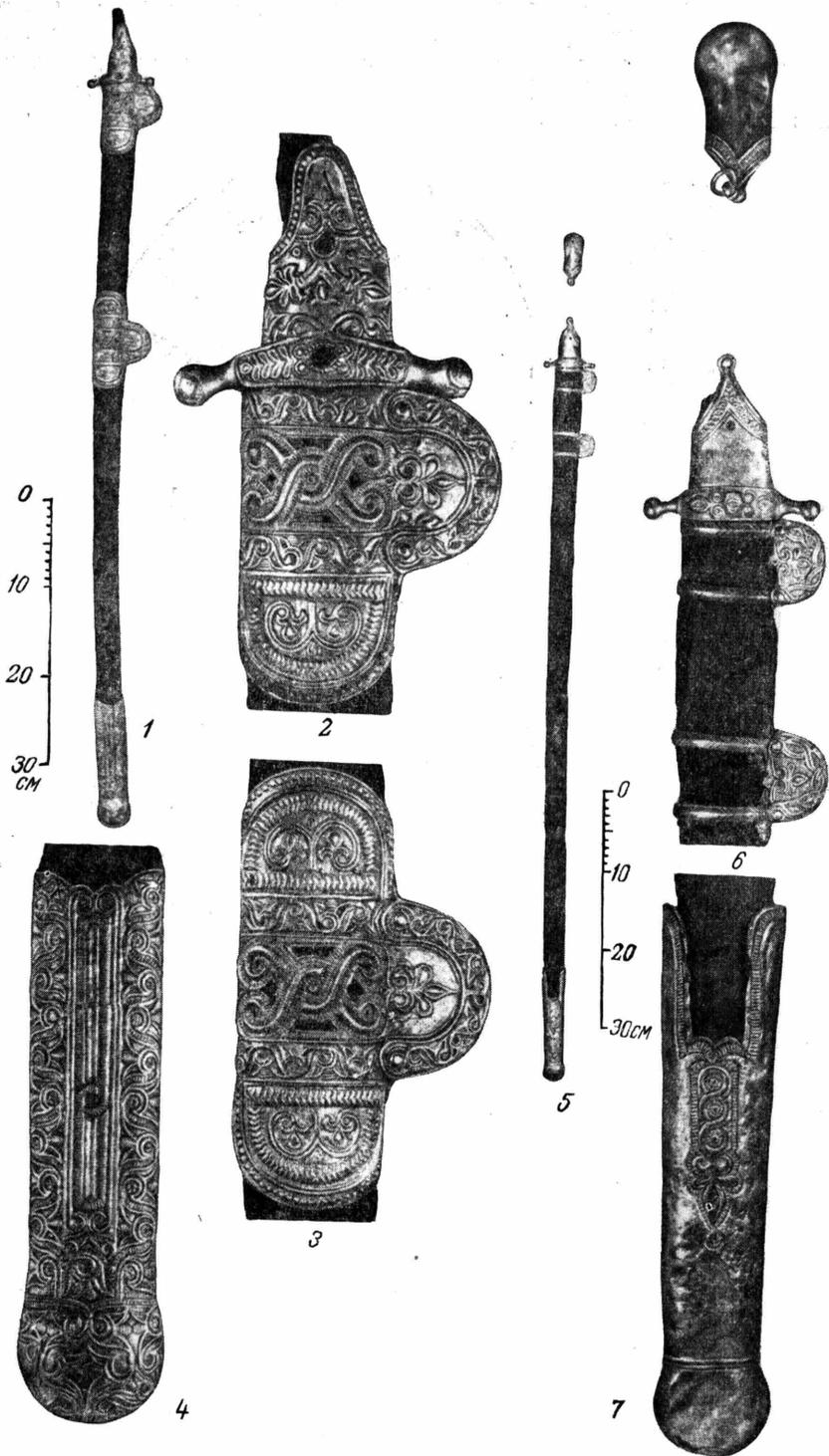

Рис. 42. Оружие из катакомб у станицы Змейской (XI—XII вв.).
 1 — сабля из катакомбы № 15; 2—4 — золоченые обкладки сабли; 5 — палаш из катакомбы № 9; 6, 7 — серебряные обкладки палаша.

Очень интересны итоги раскопок катакомбного могильника, которому угрожало разрушение в связи с расширением действующего здесь кирпичного завода. Катакомбы или искусственные пещерки залежали в слое плотной материковой глины на глубине от 3 до 5 м. С дневной поверхности склона к ним вели узкие коридоры — «дромосы». Экспедицией (начальник отряда — В. А. Кузнецов) вскрыто 28 катакомб¹⁹. Они были одиночными и коллективными (семейными) усыпальницами северокавказских алан XI—XII вв. Входные отверстия в катакомбах были завалены каменными плитами, а в пяти из них — крупными мельничными жерновами. В осетинском быту недавнего прошлого существовали в обиходе фразы-проклятия, например: «Пусть твой жернов станет твоей надмогильной плитой!» или «Пусть чаще отваливается жернов перед вашим родовым склепом!»²⁰. При изучении аланских погребальных обрядов становится ясным, что такие проклятия могли бытовать только у народа, сохранившего преемственность от аланского населения, т. е. у осетин.

Катакомбы содержали комплексы прекрасных вещей: бытовую утварь — стеклянные и глиняные сосуды; остатки обуви из цветного сафьяна, шелковой и шерстяной одежды; богато украшенное оружие — сабли, палаши, колчаны с луками и стрелами; великолепные наборы конской сбруи (седла, стремяна, уздечки, начельники), а также дорогие украшения (рис. 41—1, 2) — стеклянные браслеты, многоцветные бусы, золотые серьги, серебряные зеркала (рис. 41—3, 4), медные золоченые пуговицы и пр.

Особым богатством отличались катакомбы № 3, 9, 14 и 15. В некоторых из них лежало по три мужских скелета, погребенных в воинских доспехах. На головах были надеты шлемообразные головные уборы из коричневой ткани или кожи, украшенные бисером и золотым шитьем. Низ шлемов опоясывал бордюр из медных золоченых бляшек с бубенцами. На одном костяке найдены золотые серьги. При воинах были положены сабли и палаши (однолезвийные мечи) в ножнах, богато украшенных серебряными золочеными накладками с рельефным орнаментом, чернью и цветными камнями (альмандин; рис. 42). В одной катакомбе сохранились даже темляки. Типологически сабли и палаши очень близки образцам оружия, давно известного из памятников степных районов Восточной Европы (от Дона до Венгрии) и Кавказа (Верхнее Салтово, Кобан, Чми и др.) и датируемого в пределах VIII—XI вв.²¹ Какому бы народу производству этого оружия ни приписывать, несомненно, что оно было и на вооружении у северокавказских племен. Одна из сабель, судя по оформлению серебряных накладок с чернью, вполне могла быть местного кавказского производства (рис. 42—5—7). Поражает богатством убранства и другая сабля, внешне сходная с известной так называемой «саблей Карла Великого»²², являющейся украшением «императорской сокровищницы в Вене»²³ (рис. 42—1—4).

Одежда скреплялась множеством медных золоченых застёжек и пуговиц-бубенцов. Бубенчики были нашиты и на сохранившихся ноговицах из черного сафьяна. Полуистлевшие остатки одежды людей, конской попоны и седельных подушек из дорогих тканей и кожи были покрыты узорчатой

¹⁹ В. А. Кузнецов. К вопросу о позднеаланской культуре Северного Кавказа. СА, 1959, № 2, стр. 97.

²⁰ За сообщение этих ценных сведений приношу благодарность заместителю директора Северо-Осетинского научно-исследовательского института А. К. Джанаеву.

²¹ А. Zakharov, W. Aréndt. *Studia Lebedica*. «Archaeologia Hungarica», XVI, Budapest, 1934, стр. 40.

²² Там же, стр. 65, 66.

²³ «Archaeologia Hungarica», XXI, Budapest, 1937, стр. 25, табл. LXXVII.

золотой аппликацией и расшиты металлическим бисером и серебряным шитьем в виде фигур птиц (павлина) и животных (барса). Отдельные вещи представляются лучшими образцами древнего золотошвейного мастерства. Некоторые изделия — явно импортные, очевидно, попавшие на

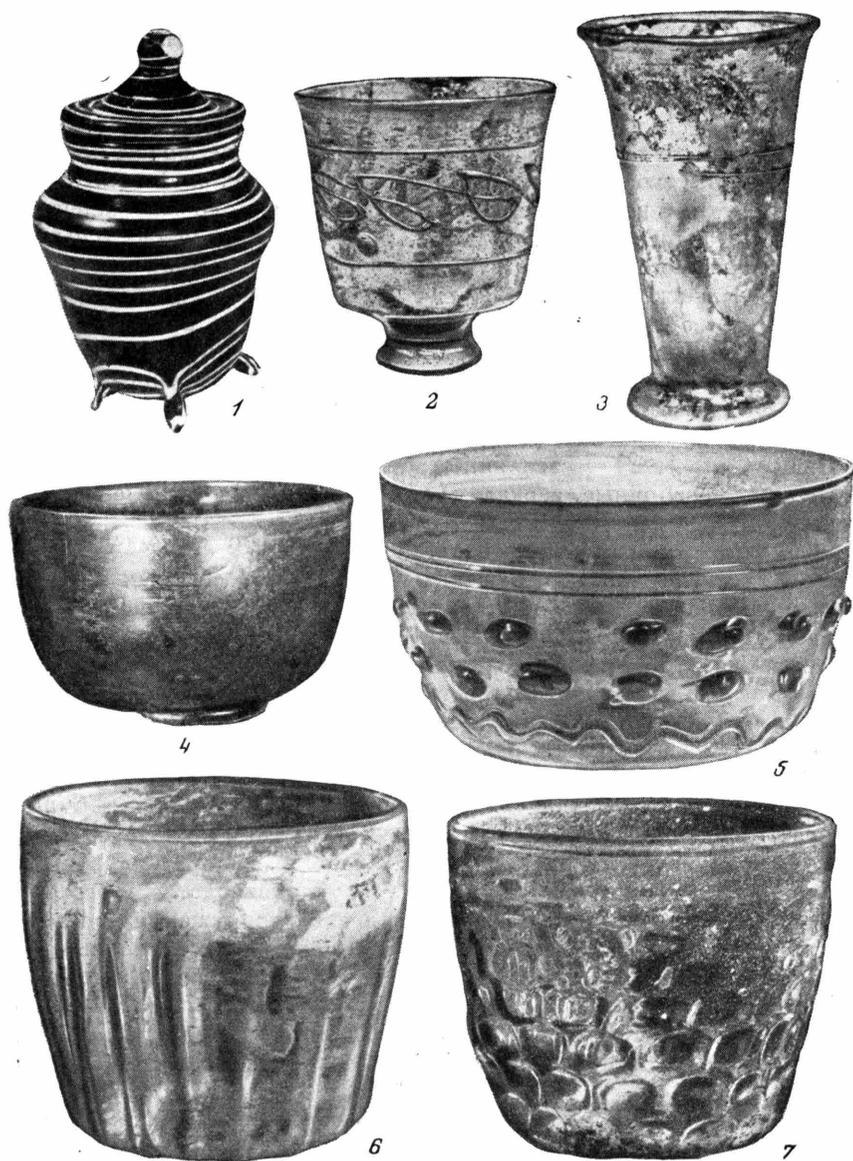

Рис. 43. Стекланные сосуды из катакомб у станции Змейской (XI—XII вв.).
1 — темно-красный туалетный сосудик из Сирии; 2, 3, 5 — сосуды закавказского производства;
4, 6, 7 — чаши сирийского производства.

Северный Кавказ из Китая (шелковые ткани), из Ирана, из средиземноморских стран. Орнамента же других украшений весьма сходна с византийскими узорами (рис. 41—2). Кое-что в орнаменте близко мотивам на ювелирных изделиях Киевской Руси XI—XII вв.; они могли быть заимствованы аланами, или «ясами», через русское Тмутараканское княжество на Тамани. Несомненно, привезены из Сирии многоцветные

стеклянные штампованные и туалетные сосуды²⁴ (рис. 43—1, 4, 6, 7); большинство же стеклянной посуды, очевидно, — закавказского, в частности грузинского происхождения (рис. 43—2, 3, 5).

Из истории известно, что конь пользовался особым вниманием у алан. Это подтверждено данными раскопок. Обилие предметов конского снаряжения и их убранство просто поразительны. Луки седел и подушки из цветной кожи, уздечные наборы, попоны и различные ремни были сплошь покрыты сложными и разнообразными узорами из бисера и золоченых штампованных бляшек. Конские головы украшались золочеными начельниками в виде крупных медных розеток с коническими трубками посередине, в которые вставлялись развевающиеся султаны из волос или перьев (рис. 44—2). Из 5 найденных начельников поистине уникален один золоченый, в виде полуженской фигурки (в пояс) с тщательно отделанной головой, с разделанной прической или головным убором, с серьгами в ушах, со вставленными в глазницы бирюзовыми камнями. В протянутых вперед руках женщина держит стеклянную чашу. Тип лица явно кавказский. Это подлинный шедевр прикладного искусства средневекового Кавказа (рис. 44—1).

Исключительную научную ценность представляют знаки древнеарабского алфавита, вышитые золотыми нитками на кусках шелковой ткани. По определению В. А. Крачковской и Л. Т. Гюзальяна, надписи эти — фрагменты арабского религиозного текста, выполненного одним из красивейших, декоративных почерков арабского письма — так называемым

«расцветающим куфи». Ткани с такого рода вышитыми надписями были широко распространены в позднеаббасидский период (XI—XIII вв.) среди мусульманской знати арабского Востока. Палеографический анализ надписей позволяет отнести их к самым первым десятилетиям XII в.²⁵ Это вполне согласуется с датировкой, устанавливаемой и по археологическим предметам. Сейчас еще трудно ответить на вопрос о том, где приготовлены были змеиные надписи: на Северном Кавказе (скажем, — в Дагестане) или в одном из крупных центров мусульманского арабского Во-

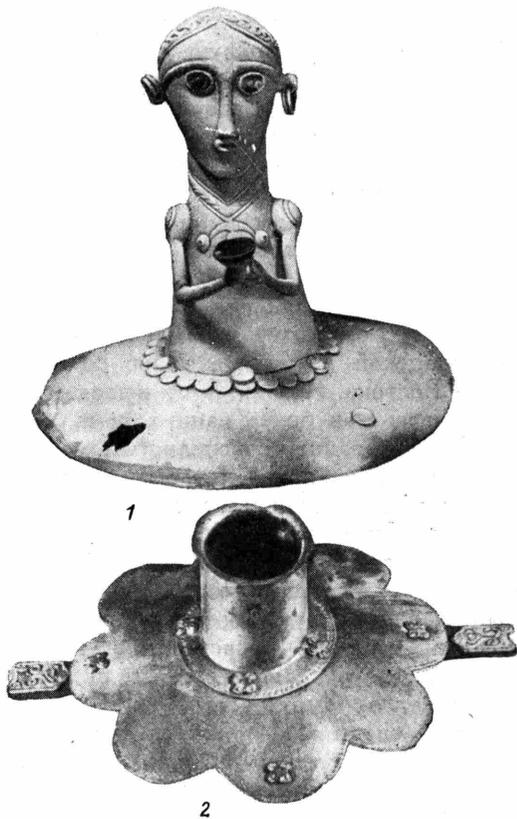

Рис. 44. Конские начельники из катакомб у станицы Змейской (XI—XII в.).

1 — золоченый начельник из катакомбы № 14; 2 — золоченый начельник из катакомбы № 3.

²⁴ Образцы такой же средневековой посуды из двухцветного (полосатого) стекла я видел в Сирийском национальном музее (Дамаск) и Ливанском музее (Бейрут) во время научной командировки в 1957 г.

²⁵ Из письма ко мне Л. Т. Гюзальяна от 5/XI 1957 г. и В. А. Крачковской от 15/III 1958 г. За любезное определение надписей приношу В. А. Крачковской и Л. Т. Гюзальяну глубокую благодарность.

стока. Окончательная расшифровка остатков писем (над чем работают сейчас арабисты) будет иметь для истории Осетии и всего Северного Кавказа особенно большое значение как показатель культурных взаимоотношений разных областей средневекового мира.

Для определения времени существования памятника, кроме арабских писем, решающее значение принадлежит керамике, голубым стеклянным браслетам (не ранее X в.)²⁶, а также медному и каменному крестикам византийско-херсонесско-киевского типа (XI—XII вв.), которые могли попасть к аланам через русское Тмутараканское княжество на Тамани. Одновременно они служат и показателем слабого еще проникновения христианства в аланскую среду Центрального Предкавказья, в которой тогда явно преобладал древний первобытный (языческий) погребальный обряд. Само разнообразие и редкое богатство могильного инвентаря, характер стиля прикладного искусства той эпохи, отраженного в найденных вещах из Змейских катакомб, далеко оставляют за собой все то, что было известно до сих пор о материальной культуре северокавказских алан XI—XII вв. н. э., особенно того локального, центрального варианта аланской культуры, который представляют северо-осетинские, в частности змейские комплексы.

Важно и то наблюдение, что в этом районе — центральной Алании, в отличие от более западных районов, почти не чувствуется влияния христианской религии и, наоборот, сказывается воздействие мусульманского Востока. Кстати, этот вывод подтверждается и большей концентрацией здесь — в более ранних комплексах — арабских диремов до X в.

Весь собранный экспедицией материал уже сейчас, пока в предварительном плане, позволяет высказать ряд выводов и заключений по некоторым еще не решенным, но основным для истории края вопросам. Так, например, на основании анализа совершенной гончарной керамики можно смело говорить о почти городском, собственно уже ремесленном производстве ее у алан, задолго до татаро-монгольского нашествия на Северный Кавказ. С учетом показаний письменных источников (свидетельств арабских авторов — Масуди и др.) можно уверенно предполагать созревание начал государственности в аланском, безусловно, уже классовом раннефеодальном обществе того времени. Собранные материалы рисуют широкие связи алан с внешним миром, проявившиеся в разных формах. Наконец, богатейшие змейские находки уже сейчас заставляют некоторых исследователей, в том числе и автора этих строк, отказаться от утверждения об упадке культурного уровня, о «затухании аланской культуры» после X в. (после падения Хозарской державы); наоборот, они подтверждают, что вплоть до XII в. наблюдался высокий уровень хозяйства и культуры аланских племен Северного Кавказа; они свидетельствуют о широких международных связях алан — с Киевской Русью, народами Закавказья, Византией и даже со странами Ближнего и Среднего Востока, в частности с Сирией. Очевидно, дальнейшее успешное развитие позднеаланской культуры было приостановлено (как и на Руси) только татаро-монгольским вторжением, вызвавшим разгром производственных центров и общий упадок культуры народов Юго-Восточной Европы (после 1222 г.).

Опыт успешных археологических исследований экспедиции в 1957 г. показал научную ценность дальнейших работ на территории Северо-Осетинской и Чечено-Ингушской АССР для истории юга СССР и всего Кавказа. Собранные археологические источники помогут решению ряда важных вопросов, связанных с освещением древней и средневековой истории коренного населения центральных районов Северокавказского края.

²⁶ В. В. Кропоткин. О производстве стекла и стеклянных изделий в средневековых городах Северного Причерноморья и на Руси. КСИИМК, вып. 68, 1957, стр. 44.

III. ХРОНИКА

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
В 1957 ГОДУ¹

1. УЧЕНЫЙ СОВЕТ

Ученый совет ИИМК провел за 1957 г. 16 заседаний. Они были посвящены обсуждению научных и научно-организационных вопросов, защите кандидатских и докторских диссертаций, утверждению к печати рукописей и т. д. В связи с празднованием 40-летия Великой Октябрьской социалистической революции был поставлен ряд докладов, подводющих итоги развития советской археологии. Общий доклад на эту тему сделал академик Б. А. Рыбаков. С докладом «40 лет изучения бронзового века в СССР» выступил член-корреспондент АН СССР С. В. Киселев, с докладом «Изучение истории и культуры Урарту за 40 лет» — член-корреспондент АН Армянской ССР Б. Б. Пиотровский. С интересом был заслушан доклад о подводной археологии, представленный ученому совету В. Д. Блаватским. Доклад был основан на опыте первого года планомерных работ на дне Керченского пролива. Он позволил поставить и обсудить ряд технических и методических вопросов этой принципиально новой отрасли археологии. В связи с утверждением к печати II тома «Очерков по истории СССР» была проведена дискуссия с обсуждением ряда поставленных в томе проблем по истории I тысячелетия н. э.

Большая дискуссия развернулась также при защите докторской диссертации М. Г. Левина «Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока».

На заседаниях ученого совета Ленинградского отделения ИИМК был обсужден ряд научных докладов: М. К. Каргер — «Древнейший период русского зодчества в свете археологических исследований за 40 лет», М. П. Грязнов — «Что такое курган», В. Ф. Гайдукевич — «Боспор и скифы», Г. Штефан (Румыния) — «Археологические данные по истории Северной Добруджи в X—XII вв.», Р. Вульпе (Румыния) — «Вал Атанариха в Южной Молдавии», Н. А. Винберг — «О принципах построения библиографии советской археологической литературы за 15 лет», А. Н. Рогачев — «Об изучении памятников Костенковско-Боршевского района и об усилении их охраны».

¹ Первый, общий раздел составлен Н. Я. Мерпертом, сообщение о работах Сектора палеолита — Н. Н. Гуриной и о работах Сектора неолита и бронзы — [И. А. Талицкой]. Информация о работе других секторов Института будет дана в следующем выпуске КСИИМК.

25—30 марта 1957 г. состоялись сессия Отделения исторических наук АН СССР и пленум ИИМК, посвященные итогам полевых археологических исследований 1956 г., а также некоторым общим проблемам древней и средневековой истории СССР.

Во время работы пленума функционировала выставка, которую, помимо участников собраний, посетил ряд экскурсий учащихся и педагогов.

Институт принял активное участие в работе секции ископаемого человека Всесоюзной конференции по четвертичному периоду. С докладами выступили А. Я. Брюсов и Д. А. Крайнов, А. П. Окладников, П. И. Борисковский, А. Н. Рогачев, Н. Н. Гурина, В. П. Любин. На конференции подверглись обсуждению и пересмотру вопросы периодизации палеолита и неолита. Состоялся обмен мнениями, в результате которых сложились новые суждения, обоснованные и геологическими, и археологическими данными.

По примеру прошлых лет ИИМК проводил работу в контакте с Академиями наук союзных республик — Украинской, Белорусской, Азербайджанской, Туркменской, Таджикской, Казахской, Киргизской, Латвийской, Литовской, Эстонской, Армянской, с Молдавским, Башкирским, Казанским, Дальневосточным филиалами АН СССР, с Чувашским, Северо-Осетинским и другими научно-исследовательскими институтами, а также с другими многочисленными научными учреждениями, музеями, вузами. Работа шла по разным направлениям: 1) организация совместных экспедиций (Туркменская, Таджикская, Киргизская, Молдавская, Чувашская, Кармир-Блурская, Дальневосточная и др.); 2) руководство работой аспирантов в научных учреждениях союзных и автономных республик (Латвии, Молдавии); 3) участие сотрудников Академий наук союзных республик и других научных учреждений в пленуме ИИМК, заседаниях ученого совета и секторов ИИМК; 4) рецензирование планов и отчетов Академий наук союзных республик; 5) участие сотрудников ИИМК в работе местных научных учреждений.

В отчетном году важным моментом координационной работы явилось участие сотрудников ИИМК Б. А. Рыбакова, И. И. Ляпушкина, А. Л. Монгайта, М. А. Тихановой, В. В. Кропоткина, Г. Б. Федорова, М. К. Каргера, Э. А. Сымоновича, Т. Н. Никольской в совещании по спорным вопросам славянской археологии (культура черняховского типа) в Киеве.

На совещании проведена широкая дискуссия и намечена общая перспектива исследований этой сложной проблемы.

Структура Института изменений не претерпела. Следует отметить работу по организации межсекторальных групп, занимающихся разрешением отдельных научных проблем. Продолжала работу созданная ранее группа финно-угорской археологии. Образована новая межсекторальная группа по изучению южного средневековья.

Возросла эффективность международных связей Института, особенно благодаря тому, что связи эти приняли рабочий характер. Были организованы совместные экспедиции (Советско-Польская экспедиция в Крыму), семинары, посвященные конкретным научным проблемам (с участием археологов Румынии), взаимные посещения раскопок (СССР, Румыния, Венгрия). Были осуществлены командировки сотрудников Института в Болгарию, Чехословакию и Румынию для работы в музейных фондах и непосредственно на местах раскопок. Это расширило исследовательские возможности советских археологов, позволило им принять непосредственное участие в разработке широких проблем общеевропейского плана. Советские археологи выступали с докладами (Г. Б. Федоров — в Румынии, Б. Б. Пиотровский и А. М. Беленицкий — в ФРГ, М. М. Кобылина, Н. Я. Мерперт, Т. С. Пассек и А. И. Мелюкова — в Болгарии,

Е. И. Крупнов — в Ливане), участвовали в дискуссиях (Б. А. Рыбаков и Ю. В. Кухаренко — в Польше).

В 1957 г. сотрудники ИИМК провели командировки в Польшу, Чехословакию, Болгарию, Румынию, Ливан, Сирию, Японию, ФРГ. За это время ИИМК принял археологов Чехословакии, Венгрии, ГДР, США, Монголии, Польши, Болгарии, Румынии, Японии, Финляндии и других стран.

2. СЕКТОР ПАЛЕОЛИТА

Коллектив Сектора палеолита Ленинградского отделения ИИМК в 1957 г. работал над двумя основными проблемами: 1) происхождение человека и человеческих рас, 2) развитие первобытно-общественного строя и сложение этнических общностей на территории СССР.

Ряд сотрудников сектора продолжал монографические исследования, освещающие древнейшую историю обширных областей Европейской части СССР, Севера и Дальнего Востока:

1) А. Н. Рогачев — «Верхний палеолит Среднерусской равнины», обобщающее исследование, посвященное вопросам хронологии, материальной культуры и идеологии племен, населявших Среднерусскую равнину в эпоху верхнего палеолита;

2) А. П. Окладников — «Каменный век Дальнего Востока», исследование, дающее общую характеристику быта и культуры древнего населения Дальнего Востока с момента первичного освоения его человеком;

3) Н. Н. Гурина — «Древнейшая история северо-запада Европейской части СССР», монографическое исследование, посвященное проблеме заселения северо-запада Европейской части СССР и материальной культуре его населения в эпоху неолита и раннего металла;

4) М. В. Воробьев — «Древняя история Кореи», монография, охватывающая период от появления человека до образования раннефеодального государства на территории Кореи;

5) П. И. Борисковский — «Очерки по палеолиту Костенок», публикация материалов стоянок, исследованных автором в этом районе;

6) В. П. Любин — «Палеолит Юго-Осетии» (часть II), очерки по нижнему палеолиту Юго-Осетии (мустьерские местонахождения);

7) Е. А. Векилова — «Палеолит Крыма. Стоянка Сюрень II», полная публикация материала стоянки;

8) Л. Я. Крижевская — «Кремнеобрабатывающие мастерские на территории СССР», сводная работа по вопросам развития техники изготовления орудий;

9) Р. В. Чубарова — «Очерки по древней истории острова Сахалина», археологическая сводка, посвященная древностям Сахалина;

10) Э. А. Абрамова — «Палеолитическая скульптура на территории СССР», сводная работа о палеолитическом искусстве;

11) Н. А. Береговая и А. П. Окладников — «Древнее поселение Баранова мыса», описание одного из древних поселений на Арктическом побережье в связи с культурой арктических племен Аляски.

В 1957 г. вышли из печати следующие труды:

1. Работа П. И. Борисковского «Древнейшее прошлое человечества», рассчитанная на широкие круги советских читателей — студентов, учителей и лиц, занимающихся самообразованием. В ней дана характеристика древнейших этапов истории первобытно-общинного строя — эпохи первобытного стада и возникновения матриархально-родового строя. Большое внимание уделяется вопросам развития охотничьего и собирательского хозяйства, освоению огня, развитию первобытно-общинных отношений. Затронуты проблемы первобытной идеологии и происхождения религиозных верований.

2. Сборник «Палеолит и неолит», т. 3 (МИА, № 59), содержащий статьи А. Н. Рогачева, Е. А. Векиловой, П. И. Борисковского, П. П. Ефименко, Г. И. Лазукова. Публикуются материалы стратиграфии многослойных стоянок Костенковско-Боршевского района, монографическое описание стоянки Сюрень I и освещается проблема взаимоотношений палеолитических стоянок Крыма и соседних территорий.

В плане решения стоящих перед сектором научных проблем сотрудниками сектора велись полевые исследования. Наиболее крупные археологические работы выполнены Ангарской экспедицией в зоне строительства Братской ГЭС (начальник экспедиции — А. П. Окладников). В ней приняли участие сотрудники сектора Э. А. Абрамова, М. В. Воробьев, Н. Н. Гурина, Л. Я. Крижевская, Л. М. Тарасов, Р. В. Чубарова. Обследованы оба берега р. Ангары на протяжении 300 км от г. Иркутска до дер. Янды. Экспедиция — комплексная; помимо обширных археологических работ, она провела антропологические, этнографические и историко-архитектурные исследования, а также изучение первобытной техники. Археологические раскопки велись на памятниках различных эпох, начиная от первоначального заселения края и кончая серединой II тысячелетия н. э. Кроме большого числа погребений, содержащих богатый инвентарь, впервые в широком масштабе исследовались многослойные памятники, показавшие развитие культуры от эпохи позднего палеолита до эпохи бронзы.

В составе Палеолитической экспедиции работали 2 отряда:

1. Отряд А. Н. Рогачева исследовал жилищные комплексы верхнего слоя Костенок I — классического многослойного памятника. Параллельно с раскопками составлялся крупномасштабный план палеолитических местонахождений Костенковско-Боршевского района.

2. Отряд П. И. Борисковского завершил раскопки стоянки Костенки XIX, начатые в 1956 г. Исследованы жилище и мастерская по изготовлению кремневых орудий.

Юго-Осетинский отряд Закавказской экспедиции (начальник отряда — В. П. Любин) продолжал раскопки мустьерского памятника — пещеры Кударо I. Помимо обильного и интересного кремневого материала, собраны остатки фауны.

Неолитический отряд Прибалтийской экспедиции (начальник отряда — Н. Н. Гурина) проводил разведку в Северной Белоруссии и Псковской области. Вновь открытые мезолитические стоянки с хорошо выраженным культурным слоем *in situ* очень важны для понимания мезолита данной и смежных с ней территорий.

Дальневосточная экспедиция (начальник экспедиции — А. П. Окладников, начальники отрядов — Р. В. Чубарова, М. В. Воробьев) произвела раскопки парадного дворца XI—XII вв. на Красноярской сопке. Открыты памятники переходного времени от неолита к эпохе бронзы и от эпохи бронзы к эпохе железа. Сахалинский отряд исследовал неолитическую стоянку Ногики I в Восточно-Сахалинском районе. Раскопаны 2 неолитические землянки. Ворошиловский отряд продолжил раскопки средневекового городища на Красноярской сопке.

Неолитический отряд Башкирской экспедиции (начальник отряда — Л. Я. Крижевская) раскопал двухслойное поселение на р. Уфе, верхний слой которого относится к ананьинскому времени, нижний — к эпохе неолита.

Деснинская группа (руководитель — В. П. Левенок) исследовала стоянки мезолита и неолита по верхнему течению р. Десны. Открыто несколько десятков ранее не известных памятников.

За истекший год на заседаниях Сектора палеолита были заслушаны 31 научный доклад и различные сообщения:

1) П. И. Борисковский — «Палеолитические жилища на территории СССР», 2) Э. А. Абрамова — «Скульптурные изображения животных в палеолите (пещерный лев)», 3) В. П. Левенок — «Неолитические памятники в бассейне р. Десны», 4) В. Е. Ларичев — «Новые неолитические материалы из Ананци», 5) М. В. Воробьев — «Раскопки на Краснояровской сопке», 6) Х. К. Алпысбаев — «Палеолитическое жилище в Костенках II», 7) Л. М. Тарасов — «Углянская палеолитическая стоянка», 8) Л. Я. Крижевская — «Неолитическое поселение Сокольское I на Волге», 9) Н. Н. Гурина — «Неолитические поселения северо-запада СССР», 10) Е. А. Векилова — «Палеолит Крыма (Сюрень II)», 11) М. В. Воробьев — «Неолит и бронза Кореи», 12) Н. А. Береговая — «Поселения Баранова мыса», 13) Р. В. Чубарова — «Разведка на севере острова Сахалина», 14) А. Н. Рогачев — «Геоморфологические условия Костенковского района», 15) П. И. Борисковский — «Многослойное поселение Костенки XVII», 16) А. П. Окладников — «Новые исследования каменного века в Таджикистане», 17) В. П. Любин — «Разведывательные работы на Ставрополье», 18) Н. Н. Гурина — «Неолитическое поселение Борань», 19) А. Н. Рогачев — «Задачи работы Палеолитической экспедиции», 20) Н. Н. Гурина — «Валдайская неолитическая культура», 21) Н. А. Береговая — «Новые данные о датировке радиоуглеродным методом», 22) В. А. Ранов — «Первые памятники каменного века на Памире», 23) А. А. Формозов — «Новые мустьерские стоянки в Крыму», 24) В. Е. Гаррут — «Мамонт в изображении палеолитического человека», 25) С. А. Семенов — «Результаты работы Каунасской экспедиции», 26) В. В. Федоров — «О времени возникновения рыболовства», 27) В. Р. Букин — «О «рисунках» обезьяны», 28) А. П. Черныш — «О статистическом методе в археологии», 29) К. Д. Лаушкин — «О наскальных изображениях Карелии», 30) А. Х. Халиков — «О летних работах в Марийской АССР», 31) Б. Клима (Чехословакия) — «О раскопках в Дольне-Вестонице».

А. П. Окладников принимал участие в симпозиуме, состоявшемся в Японии; он прочел 3 доклада и ознакомился с коллекциями каменного века Японии. П. И. Борисковский в течение месячного пребывания в Чехословакии изучил коллекции по палеолиту и ознакомился с исследуемыми памятниками в полевых условиях.

3. СЕКТОР НЕОЛИТА И БРОНЗЫ

Сектор неолита и бронзы ИИМК в 1957 г. продолжал разрабатывать вопросы происхождения человека и развития первобытно-общинного строя. В отличие от предшествующих лет, наряду с работой над определением локальных культур племенных делений древних обществ, ставилось целью выяснение причины образования более крупных культурных объединений. В этой связи прежде всего следует сказать о законченной в 1957 г. монографии А. А. Формозова «Этно-культурные области каменного века Европейской части СССР». На огромном проанализированном автором материале, охватывающем период от палеолита до III тысячелетия до н. э., выделяются этно-культурные области и их сложение, связываемое с процессом древнего этнического группирования населения Европейской части СССР в каменном веке. Обсуждению этой работы были посвящены несколько заседаний сектора.

Законченная Д. А. Крайновым монография «Стоянка Таш-Аир I как основа периодизации послепалеолитических культур Юго-Западного Крыма» защищена автором как кандидатская диссертация. Работа неоднократно обсуждалась на заседаниях сектора. За последние годы ряд открытий в долине Нила и в Передней Азии, а также в Западной Европе

показал, что возникновение таких крупнейших явлений в истории хозяйства, как земледелие и скотоводство, следует относить, во всяком случае, к мезолиту. Работа Д. А. Крайнова убедительно доказывает это и для нашего Крыма.

Сектором обсуждены переработанные кандидатские диссертации Ю. С. Гришина и Б. Г. Тихонова и подготовлены к печати в виде сборника «Очерки по истории производства в Приуралье и Южной Сибири в эпоху бронзы и раннего железа». В работе Б. Г. Тихонова «Металлические изделия в бронзовую эпоху на Среднем Урале и в Приуралье» рассматриваются вопросы о времени возникновения металлургии в этой области, типология и пути развития металлических изделий и связанные с этим вопросы взаимоотношения древних племен. Работа Ю. С. Гришина «Производство тагарской эпохи» посвящена изучению различных отраслей производства племен тагарской культуры — земледелия, скотоводства, металлургии, керамического производства и др.

О. А. Гракова закончила работу «Позднебронзовый век Нижнего Днепра и Буга», в которой пересматривается вопрос о хронологии сабаитинского и обиточенского этапа поздней бронзы в связи с изучением новых материалов по поселениям с многоваликовой керамикой. Оба этапа отнесены к более древнему времени — к началу I тысячелетия до н. э.

Велись работы и по переходным темам. Заслушан доклад Р. М. Мунчаева «К изучению энеолита Северо-Восточного Кавказа» — первая вводная глава (историографического характера) монографии «Энеолит Северо-Восточного Кавказа». Автор выделил 4 локальных очага развития энеолитической культуры Северо-Восточного Кавказа, дал их характеристику и наметил пути дальнейшего исследования. В процессе обсуждения С. В. Киселев, Т. С. Пассек, А. Я. Брюсов и др., отметив большое значение работы, сделали ряд конкретных указаний, обратив особое внимание на связи с другими культурами.

И. А. Талицкая, продолжая изучать материал Роданова городища, доложила сектору раздел работы, посвященный стратиграфии городища, и охарактеризовала выделенные 9 строительных ярусов городища. Выступавшие (А. П. Смирнов, С. В. Киселев, В. Н. Чернецов и др.) отметили правильность стратиграфического обоснования и сделали ряд практических замечаний.

По теме «История населения Прикамья в эпоху камня и бронзы» О. Н. Бадер разрабатывал главу «Мезолит».

А. В. Збруева изучила материал Касьяновской стоянки и могильника Метев-Томак по теме «Бронзовый век Башкирии».

Н. Я. Мерперт по теме «Среднее Поволжье в эпоху бронзы» написал раздел «Экономика».

По проблеме «Развитие социально-экономических отношений у народов Востока» С. В. Киселевым закончена авторская и редакционная работа над I томом «Монгольской историко-этнографической экспедиции» («Кара-Корум») и начата работа над II томом. Им же составлен проспект I тома «Истории МНР в трех томах». Проспект сдан советской делегации Монголо-Советско-Китайского совещания (Институт востоковедения АН СССР, сектор Монголии) и обсужден на совещании 9—16 декабря 1957 г.

В конце 1957 г. сотрудники сектора включились в работу над «Корпусом археологических источников» по следующим темам: А. А. Формозов — «Неолит Казахстана», Т. С. Пассек — «Памятники культур линейно-ленточной керамики в Восточной Европе» (совместно с сотрудниками Львовского филиала АН УССР), Б. Г. Тихонов — «Памятники неолита и бронзы в черноземной полосе РСФСР», Ю. С. Гришин — «Металлургия энеолита и бронзовый век Южной Сибири», Д. А. Край-

нов — «Фатьяновская культура», В. Н. Чернецов — «Наскальные изображения Урала», В. И. Мошинская — «Археологические памятники субарктической полосы Западной Сибири». На отчетном заседании сектора сделаны сообщения о ходе работы.

Помимо плановых работ, сотрудники Сектора неолита и бронзы сделали следующие сообщения.

О. Н. Бадер выступил с докладом, посвященным одному из интереснейших комплексов эпохи бронзы Восточной Европы — Сейминскому могильнику и поселению. В докладе разобраны история исследования и дискуссия, развернутая вокруг сейминских памятников, проанализированы их археологический и антропологический материалы, проведены параллели с материалами археологических культур смежных территорий, намечен более полный круг памятников сейминской культуры Нижнеокского района.

После обсуждения, в котором приняли участие О. А. Гракова, Т. С. Пассек, Д. А. Крайнов, В. Н. Чернецов, Б. Г. Тихонов и С. В. Киселев, сектор постановил просить О. Н. Бадера отредактировать и подготовить к печати заслушанную работу.

А. В. Збруева сообщила о своей работе «Луговской могильник», подготовленной ею для III тома «Трудов Куйбышевской археологической экспедиции». Могильник, расположенный в Елабужском районе ТАССР, — один из древнейших и важнейших памятников ананьинской культуры. В течение 1938—1940 и 1943 гг. было вскрыто 74 погребения, что позволило сделать ряд выводов о погребальном обряде, физическом типе захороненных и отчасти о религиозных представлениях ананьинцев. В процессе обсуждения В. Н. Чернецовым и Н. Я. Мерпертом приведены интересные аналогии из Западной Сибири и Поволжья. О. Н. Бадер высказал предположение, что отдельные ряды могил принадлежат родам. Сектор постановил рекомендовать работу к печати.

В. И. Мошинская сделала доклад «Об одной группе антропоморфных изображений из Западной Сибири». На основании этнографических параллелей эти антропоморфные фигурки определяются как куклы. Анализ изображенной одежды заставляет связывать их с угорской средой².

Р. М. Мунчаев прочел статью «Памятники эпохи бронзы Нагорного Дагестана», которая ставит целью ознакомление с памятниками ранее не исследованного района. При обсуждении особый интерес вызвал вопрос о вторичном захоронении.

Р. М. Мунчаев и В. И. Марковин подготовили статью «О двух типах каменных орудий Северного Кавказа» (к вопросу о неолите Кавказа), имеющую целью ввести в научный оборот неизданный материал.

Н. Я. Мерперт и Д. В. Деопик представили доклад «К вопросу о времени упадка великой цивилизации долины Инда». Рассмотрена работа немецкого ориенталиста Р. Гейне-Гельдерна, пытающегося передатировать падение цивилизации Хараппы, связав его с арийским вторжением в Индию. Авторы разбирают систему доказательств Р. Гейне-Гельдерна, опровергают ее и касаются общих вопросов судеб цивилизации Хараппы. Упадок ее они относят к первой половине II тысячелетия до н. э.

Н. Я. Мерперт и В. М. Массон сделали сообщение «О книге Эриха Мак-Кауна и др. по вопросу относительной хронологии Старого Света». Книга явилась результатом работы симпозиума, организованного в Чикагском университете. В ней рассмотрены последние данные об относительной и абсолютной хронологии Египта, Двуречья, Сирии и Палестины, Киликии, Эгейского мира, Южной и Центральной Европы и Китая. Ав-

² См. КСИИМК, вып. 75, 1959.

торы изложили основные положения книги и высказали ряд критических замечаний по поводу глав о хронологии Европы и Китая.

На заседаниях сектора были заслушаны доклады сотрудников других секторов и учреждений: А. Е. Алиховой (Сектор скифо-сарматской археологии ИИМК) — «Сакановское неолитическое жилище», Е. И. Крупнова (Сектор скифо-сарматской археологии ИИМК) — «Мекенские курганы», И. К. Свешникова (Львов) — «Культуры бронзового века Прикарпатья и Западного Подолья», Г. А. Панкрушева (Петрозаводск) — «Результаты работ Карельской археологической экспедиции в 1955—1956 гг.», С. И. Надимашвили (Гори) — «Раскопки одного из древнейших поселений — городищ Гудабертка — Цихагори на территории внутренней Картли в 1956 г.».

Заслушаны доклады зарубежных ученых: В. Б. Хмелевского (Польша) — «Исследования палеолита и мезолита Польши в течение последних 12 лет», Б. Клима (Чехословакия) — «Новые раскопки в Павлове и Дольне-Вестонице», Г. Георгиевой (Болгария) — «Неолитические памятники Болгарии».

Сотрудники сектора сделали сообщения о своих работах во время заграничных командировок: С. В. Киселев — о поездке в Монголию в ноябре 1956 г., А. Я. Брюсов — в Финляндию в ноябре 1957 г.; Н. Я. Мерперт прочитал доклад «Первобытная археология Болгарии» в связи с посещением Болгарии.

Ряд сотрудников сектора выступил в зарубежных изданиях или направил в эти издания свои статьи (А. Я. Брюсов, Т. С. Пассек, Г. И. Андреев, О. Н. Бадер).

В 1957 г. сотрудники сектора участвовали в экспедициях: Монгольской (С. В. Киселев, руководитель; Ю. С. Гришин), Вологодской (А. Я. Брюсов, руководитель), Молдавской (Т. С. Пассек, руководитель), Башкирской (А. В. Збруева, руководитель; Б. Г. Тихонов), Северокавказской (Р. М. Мунчаев, заместитель начальника экспедиции; А. А. Формозов, начальник палеолитического отряда), Куйбышевско-Чувашской (Н. Я. Мерперт, начальник Чувашского отряда; И. А. Талицкая, начальник Ульяновского отряда), Сталинградской (Н. Я. Мерперт, руководитель), Камской (О. Н. Бадер, руководитель). Кроме того, Д. А. Крайнов произвел раскопки Бахчисарайской мустьерской стоянки и обследовал пещерные стоянки в районе Сочи. О. Н. Бадер руководил раскопками Балановского могильника, раскопал Чебаковское селище и верхнепалеолитическую стоянку Сунгирь у г. Владимира.

Предварительные сообщения об экспедициях 1957 г. сделали: А. Я. Брюсов — о полевых работах в Вологодской области, О. Н. Бадер — о палеолитической стоянке Сунгирь, Т. С. Пассек — о результатах работы во Флорештах, А. А. Формозов — о работах по каменному веку в Краснодарском крае, О. Н. Бадер — об археологических исследованиях в Чувашии, Д. А. Крайнов — об исследовании стоянки Золоторучье I.

Заслушаны доклады аспирантов сектора: В. И. Марковина — «К вопросу о границах северокавказской культуры», «О происхождении северокавказской культуры», «Памятники северокавказской культуры, их хронология и ареал распространения»; И. И. Артеменко — о командировке в музей Белоруссии и Институт истории АН Белорусской ССР и о работах по бронзовому веку Белоруссии.

В 1957 г. сотрудниками сектора опубликованы статьи и монографии в изданиях ИИМК и в других, общим объемом около 70 печатных листов.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АИЧПЕ — Ассоциация изучения четвертичного периода Европы
АП — Археологічні пам'ятки УРСР
ВДИ — Вестник древней истории
ГИМ — Государственный Исторический музей
ДАН — Доклады Академии наук СССР
ИАН — Известия Академии наук СССР
ИИМК — Институт истории материальной культуры Академии наук СССР
ИЯЛИ АН Кирг. ССР — Институт языка, литературы и истории Академии наук Киргизской ССР
КИЧП — Комиссия по изучению четвертичного периода
КСИА — Краткие сообщения Института археологии Академии наук УССР
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии Академии наук СССР
МАК — Материалы по археологии Кавказа
МАР — Материалы по археологии России
МАЭ — Музей антропологии и этнографии
МГУ — Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
ПИДО — Проблемы истории доклассового общества
РГО — Русское географическое общество
СА — Советская археология
СЭ — Советская этнография
ТАН Тадж. ССР — Труды Академии наук Таджикской ССР
ТИИ АН Кирг. ССР — Труды Института истории Академии наук Киргизской ССР
ФАН — Филиал Академии наук СССР
SC — Scythica et Caucasica
-

СОДЕРЖАНИЕ

1. СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

П. И. Борисковский. Некоторые спорные вопросы палеолита Костенок . . .	3
II. ПОЛЕВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	
А. А. Формозов. Исследования памятников каменного века на Северном Кавказе в 1957 году	13
Д. А. Крайнов. Раскопки Бахчисарайской мустьерской стоянки в 1957 году	22
И. И. Артеменко. Памятники эпохи неолита и бронзового века Верхнего Поднепровья	34
Ю. А. Заднепровский. Археологические работы в Южной Киргизии в 1957 году	43
Н. И. Сокольский. Раскопки в Кепях в 1957 году	53
И. Т. Кругликова. Работы восточно-крымского отряда Причерноморской экспедиции в 1957 году	64
Н. Н. Погребова и Л. В. Кондрацкий. Археологическая разведка в степях Тилигуло-Березанского района Николаевской области	74
В. Ф. Гайдукевич, С. И. Капошина, Е. И. Леви. Экспедиции Ленинградского отделения Института истории материальной культуры в 1957 году по античной археологии	85
О. Н. Бадер. Камская археологическая экспедиция в 1957 году	90
А. А. Иессен. Работы Азербайджанской экспедиции в 1957 году	99
Е. И. Крупнов. Новые источники по древней и средневековой истории Северного Кавказа	107

III. ХРОНИКА

Институт истории материальной культуры в 1957 году	119
Список сокращений	127

Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры, вып. 78

Утверждено к печати Институтом истории материальной культуры Академии наук СССР

*

Редактор издательства Воробьева М. Г. Технический редактор Л. А. Сушкова
РИСО АН СССР № 76—106В. Слано в набор 19/XI 1959 г. Подписано к печати 30/I 1960 г. Формат
70 × 108¹/₁₆. 8 печ. л. = 10,96 усл. печ. л. = 10,8 уч.-издат. л. Тираж 1500 экз. Т-00269. Изд. № 4139.
Тип. зак. № 434. Цена 6 руб. 50 коп.

Издательство Академии наук СССР. Москва, Б-62, Подсосенский пер., 21
1-я типография Издательства АН СССР. Ленинград, В-34, 9-я линия, д. 12

ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
74	11 сн.	оточения	оточення
110	10 сн.	A. guide. To	A guide to